

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

МАРТ
АПРЕЛЬ **N2(92)**

МОСКВА 2014

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2014. № 2. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. В.П. Колесов; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев;
д.э.н., проф. В.М. Кульков; д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.и.н., проф. Г.Р. Наумова;
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский, к.и.н., в.н.с. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. Л.А. Тутов; д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора

Научно-экспертный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина);
д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада; д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); д-р, проф. В. Драшкович (Черногория);
д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск);
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург);
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина);
д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *Л.Г. Полунина*

Компьютерная верстка — *Л.Г. Полунина, О.Б. Лемешонок*

Перевод на англ. язык — *О.Б. Лемешонок*

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, К.В. Молчанов, С.С. Нина,
С.Ю. Синельников, Т.С. Сухина*

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>

<http://www.econ.msu.ru/cd/311/>, <http://www.css.msu.ru>

Тираж 1000 экз.

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2014 г.

Содержание

<i>Ю.М. Осипов</i> Из западни (к вопросу о вырыве России к развитию).....	7
Раздел I	
Евразийская интеграция	
<i>Р.С. Гринберг</i> Формирование Евразийского союза: шансы и риски.....	15
<i>У.Ж. Алиев</i> Евразийский мейнстрим: многокритериальный подход к содержательной интерпретации	23
<i>Н.Б. Шулевский</i> Евразийство как поиск русской правды.....	29
<i>А.В. Бредихин</i> Украинские еврорегионы как шаги к федерализации страны.....	34
Раздел II	
Философия хозяйства	
<i>И.Р. Бугаян</i> Россия в современном мировом хозяйстве: приготавливаемое ей место и субъективно ощущаемое «не так сидим»	49
<i>А.А. Гриценко</i> Ноодирижизм	58
<i>Е.В. Пастустьян</i> Влияние изменения субординации факторов производства на культуру	63
<i>Г.В. Задорожный, О.Г. Колинко</i> Свобода-ответственность как исток спасительного хозяйствования	73
<i>М.Р. Элоян</i> Н. Якобс: конфуцианство и капитализм (этическая экономика Китая)	88
Раздел III	
Экономическая теория	
<i>В.И. Корняков, Н.А. Алексеева</i> Позвоночник общественного воспроизводства современной экономики.....	105
<i>А. Бэттлер</i> Потенциал развития человека как фундамент движения человечества к прогрессу	114
<i>А.В. Антонов</i> Проблемы стоимости в теории постиндустриального общества.....	130
<i>В.А. Рубе</i> Развитие малого инновационного бизнеса в России: необходимость и возможность	137
<i>А.В. Козориз</i> Трансформация государственных финансов в цифровую эпоху	143
<i>И.В. Манахова</i> Концепция информационного государства благосостояния	149
Раздел IV	
Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i> Игра с сознанием.....	163

<i>А.В. Ставицкий</i>	
Наука и миф: проблема соотношения	167
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Бог как антисакральное: от Юма и Фейербаха до Батая и Мейясу	176
Раздел V	
Актуальная история	
<i>С.В. Синяков</i>	
Проблемы исторической реконструкции	191
<i>Г.Р. Наумова</i>	
Василий Никитович Татищев из рода Рюриковичей	207
Раздел VI	
Актуальная социология	
<i>В.М. Юрьев, В.Г. Бабаян</i>	
Принцип Парето: «порядок» и «хаос» в социально-экономических системах	219
<i>Л.С. Воробьева</i>	
Социальное бытие человека как культурный процесс в эпоху глобализации	227
<i>Н.Н. Малахова</i>	
Творческая личность и творческая деятельность в системе производственных отношений инновационной экономики	235
<i>Г.Ш. Аитова</i>	
Новые профсоюзы в России: этические аспекты рождения	244
Раздел VII	
Рецензии и отклики	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Два взгляда на философию	257
<i>В.А. Кутырёв, А.С. Нилогов</i>	
Время высоких технологий: взлет и падение человека	259
<i>Е.В. Романов</i>	
Философия экономики образования: к вопросу обоснования предметной области	274
Научная жизнь	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
По пути евразийской интеграции	289
Наши авторы	298

Contents

<i>Yu.M. Osipov</i> From a Trap (to a Question about Russian Defiance to Russia's Development).....	7
Part I	
Euroasian Integration	
<i>R.S. Grinberg</i> Formation of the Euroasian union: Chances and Risks	15
<i>U.Zh. Aliyev</i> Euroasian Mainstream: Multicriteria Approach to Substantial Interpretations	23
<i>N.B. Shulevsky</i> Eurasianism as a Search of the Russian Truth.....	29
<i>A.V. Bredikhin</i> Ukrainian Euroregions as Steps toward Federalization.....	34
Part II	
Philosophy of Economy	
<i>I.R. Bugayan</i> Russia in the Modern World Economy: Place Prepared for it and Subjectively Felt «Not so We Sib».....	49
<i>A.A. Grytsenko</i> Noodirigism	58
<i>E.V. Pastukyan</i> Subordination of the Production Factors and its Influence on Culture.....	63
<i>G. V. Zadorozhny, O. G. Kolinko</i> Freedom and Responsibility as a Source of a Saving Economy.....	73
<i>M.R. Eloyan</i> N. Yakobs: Confucianism and Capitalism (Chinese Ethical Economy).....	88
Part III	
Economic Theory	
<i>V.I. Korniyakov, N.A. Alekseeva</i> Backbone of Social Reproduction of the Modern Economy	105
<i>A. Bettler</i> Potential of Person Development as a Movement Base Mankind to Progress	114
<i>A.V. Antonov</i> The Problems of Value in the Theory of Postindustrial Society	130
<i>V.A. Rube</i> Development of Small Innovative Business in Russia: Need and Opportunity.....	137
<i>A.V. Kozoriz</i> Public Finance Transformation in Digital Age	143
<i>I.V. Manakhova</i> Concept of the Information State of Welfare	149
Part IV	
Actual Philosophy	
<i>F.I. Girenok</i> Game with Consciousness	163

<i>A.V. Stavitskiy</i>	
Science and Myth: the Problem of Correlation	167
<i>N.N. Rostova</i>	
God as anti-sacral: from Yum and Feuerbach to Bataille and Meyasu	176
Part V	
Actual History	
<i>S.V. Sinyakov</i>	
Problems of Historical Reconstruction	191
<i>G.R. Naumova</i>	
Vasily Nikitovich Tatishchev from a Family of Ryurik Dynasty	207
Part VI	
Actual Sociology	
<i>V.M. Yuryev, V.G. Babayan</i>	
Principle of Pareto: «Order» and «Chaos» in Socio-Economic Systems	219
<i>L.S. Vorobyova</i>	
Social Life of the Person as a Cultural Process during a Globalization Era	227
<i>N.N. Malakhova</i>	
Creative Personality and Creative Activity in the System of the Innovative Economics Industrial Relations.....	235
<i>G. Sh. Aitova</i>	
New Labor Unions in Russia: Ethical Aspects of the Birth	244
Part VII	
Reviews and Responses	
<i>F.I. Girenok</i>	
Two Views of Philosophy.....	257
<i>V.A. Kutyryov, A.S. Nilogov</i>	
Time of High Technology: the Rise and Fall of Man.....	259
<i>Eu.V. Romanov</i>	
Philosophy of Economy of Education: to the Question of Justification of Subject Domain	274
Scientific Life	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
On the Way of the Euroasian Integration.....	289
Our Authors	298

Ю.М. ОСИПОВ

Из западни

(к вопросу о вырыве России к развитию)

Аннотация. Переход к комплексному неоиндустриальному развитию России связан со структурным перестроением хозяйства и общества посредством постреформенного государственно-корпоративного неодирижизма.

Ключевые слова: Россия, общество, экономика, развитие, неоиндустриализм, постреформизм, неодирижизм.

Abstract. Transition to complex neoindustrial development of Russia is connected with structural evolution of economy and society by means of a post-reform state and corporate neodirigism.

Keywords: Russia, society, economy, development, neoindustrialism, post-reformism, neodirigism.

В России и ее правящих верхах, кажется, растет осознание *тупика неразвития*, в который то ли попала, то ли была загнана великая страна в итоге скоротечных, бесцеремонных и беспощадных реформ, благочестиво-лукаво до сих пор почему-то называемых «рыночными», хотя были они попросту капиталистическими, причем вполне дирижистскими со стороны государства и компрадорскими со стороны образовавшихся стремительно-глумливо частных агентов.

В ходе реформ была получена классическая в социохозяйственном аспекте капиталистическая страна, однако не только не страна-лидер, но даже и не страна-партнер, а всего лишь страна-подкидыш — с субординационной (в контексте мировой экономической глобализации) и присвоительно-потребительской (в аспекте локальной реализации) моделью капитализма, предполагающей зависимое от внешнего мира с энерго-полуфабрикатно-сырьевой ориентацией псевдонациональное хозяйство, с дарованной ему возможностью столь же зависимого (импортогенного) *подразвития* (подкормочного развития) лишь ориентированного на внешний рынок как раз энерго-полуфабрикатно-сырьевого сектора, и исключаящей любое полноценное — самостоятельное и целостное — развитие собственно национального хозяйства.

Изюминка такого капитализма состоит в наличии класса частных собственников — капиталистов, предпринимательский раж которых

не выходит за рамки обеспечения экономической эксплуатации принадлежащих им факторов производства в целях получения для себя капитального дохода и его вывода за границу. Недаром этот класс и физически уже размещается за границей. Возникла система оригинального финансово-предпринимательского «извне» латифундизма. Данный класс собственников-капиталистов «евроамериканской ориентации» не имеет никакого отношения к новаторскому национальному предпринимательству, а если и не чурается нововведений, то лишь в прихваченном глобализмом секторе и в потребительско-распределительной части странового хозяйства (финансовой, торговой, «услуговой», аграрной, пищевой, транспортной и т. д.).

Другой изюминкой вновь возникшего капитализма стала его «социальность» — вполне, заметим, вынужденная, что выражается в некоторой поддержке государством обедневших в результате «гуманистических прогрессивных реформ» слоев населения — отчужденных от факторов производства еще при социализме и окончательно их лишенных по итогам лукавой приватизации 1990-х. Речь здесь идет как о собственно трудящихся массах, так и о нетрудовых элементах, вроде пенсионеров, инвалидов и студентов, к тому же тщательно обобраных гениальной шоковой терапией посредством монетарно-инфляционных, вполне и фокуснических, манипуляций (аннулирования «кровных» денежных накоплений, резкого падения размеров и ценности пенсий и тех же стипендий, отмены разного рода денежных и иных льгот и т. д.).

Итак: Россия имеет сегодня субординационный присвоительно-перераспределительный капитализм, ориентированный на потребности глобализованного мирового экономизма и от него в целом зависимый, слегка подправленный «социальностью», лишенный всякого внутреннего стремления к органическому развитию и испытывающий в данном вопросе комплекс полной неполноценности и массу объективно-субъективных — практически и непреодолимых — ограничений.

Главный оперативный вопрос повестки дня: что делать с этим уродливым капиталистическим монстром, пожирающим страну и не дающим ей полноценного развитийного приплода?

А ведь капитализм этот возник в итоге только что талантливо проведенной реформы и является... *по*-реформенным! Сам сидя в тупике неразвития этот примечательный капитализм-уродец загнал в тупик неразвития всю страну, вынуждая бежать из страны не только капиталы и их владельцев, но и перспективно-деловое население вообще, в особенности, «племя младое, незнакомое».

Сам этот уже вполне зачуханный капитализм, обманно криминально возникший, недостоверный и нелегитимный, не имеющий никаких хозяйственных амбиций, кроме присвоительно-потребительно-паразитарных, не изменится и ни к какому стартовому новаторско-предпринимательскому состоянию не придет, выставляя в качестве оправдания отсутствие-де в России подходящего для инвестирования в нововведения «делового климата» по причине «государственного засилия» и «коррупционности чиновничества», совершенно забывая о собственных — вполне и родовых — антипредпринимательских свойствах.

Ежели на сам по себе мертворожденный капитализм нет никакой надежды, то как же обеспечить переход России к *хозяйству развития*? Проблема осложняется еще и тем, что сначала СССР проморгал новую волну научно-технического прогресса — неоиндустриальную, оставшись в основном в индустриализме, пусть и весьма развитом, а потом и «независимая» Российская Федерация, увлекшаяся обеспечением частного присвоения национального богатства, вообще отбросила, подсев на индустриальную энерго-полуфабрикатно-сырьевую иглу, всякие намерения по освоению неоиндустриализма. Отсюда сквернота общей ситуации: современная Россия лишена достаточных для перехода к хозяйству развития собственных неоиндустриальных источников и технических средств. Выходит, что скачок к развитию на основе современных технологий можно сделать только с участием... заграницы, давно и явно уже ушедшей вперед. Передовая технология в неоиндустриальную инновационную сферу российского хозяйства, прыгнувшего в капитализацию и глобализм, так и не пришла — как раз по причине проведенной наспех капитализации и заказного прыжка в глобализм. Мировому экономизму неоиндустриальное развитие России не нужно и стратегически не выгодно. Надежды на западное участие в данном вопросе рассеиваются как дым. Запад тоже кивает на плохой «инвестиционный климат» в России.

Изо всего этого вытекает только одно, как это бывало уже в истории России не раз: опора на собственные силы, их общая мобилизация под системное развитие страны и заинтересованное привлечение передовых иностранных технологий. Нетрудно догадаться, что миссия обеспечения перехода к хозяйству развития и реализации соответствующей управленческой стратегии ложится на... *российское государство!*

Очень многим в стране не нравится наш отечественный созидательный этатизм, всячески уже раскритикованный, разоблаченный и опороченный, но... потребность в нем не где-то там — вдалеке, а прямо здесь, вблизи, при дверях! Одно дело, когда государство про-

водило революционную реформу 1990-х, обеспечив частную «прихвализацию» факторов производства и национального богатства, позволив свершиться «первоначальному накоплению капитала» (очень, кстати, для российских нуворишей благоносному! — это после социалистической «кровавой» индустриализации), дав возможность нынешнему уродливому капитализму быть и процветать, — тогда только и хорош этатизм, причем не менее, если не более жесткий и беспощадный, чем тот же сталинский, — совсем же другое дело, когда государство вдруг берется за несанкционированное «родным» капитализмом изменение общей ситуации и всего стратегического курса страны, в пользу ее — этой страны — целостного самостоятельного развития, что вовсе не желательно для только что сложившегося под крылом того же государства присвоительно-потребительно-паразитарного капитализма. Отсюда и безапелляционная антигосударственная риторика со стороны адептов «частной собственности и частной инициативы», а по сути-то — агентов нашего уродливого недокапитализма.

Промежуточное заключение: или наше российское государство, само весьма изменившись, берется за обеспечение перехода к хозяйству развития, или никакого неоиндустриального развития в России вообще не будет!

Из этого исторического императива следует, что коли потребность в развитии страны и ее хозяйства исторически оправдана и ситуационно обоснована, то государству нашему придется-таки стать... *государством развития*. Но здесь мало одного желания и даже хорошо продуманного в кабинетах проекта. Здесь потребно *большое действие*, причем не так даже по самому по себе развитию, как по *переходу к развитию*, ибо в целом нынешняя пореформенная Россия против как собственно развития, так и волевого перехода к нему. И не один лишь дорогой всей стране капитал против этого, но и почти весь дорогой для всей страны госаппарат, вся вполне антироссийская нежить. Сегодня на повестке более всего нажива — изголодавшихся по личному богатству и красивой жизни отпущенных вдруг на волю алчных рабов и вольно определяющихся хищных разбойников, но никак не созидательное творчество, не деловая ради него самоотдача, не воистину предпринимательский риск. Весь культурно-психологический настрой «деловой» части общества, или бизнес-сообщества, более паразитарный и проедательный, чем рабочий и созидательный. В горнило накопления, обирания и гедонизма брошено все: созданная при социализме индустриальная инфраструктура, образованное и профессиональное рабочее население, богатая ресурсами природа, обширная плодоносная земля. И в плане полноценного раз-

вития в России явился действительный тупик, из которого... нет никакого размеренного выхода, а возможен лишь неординарный *вырыв!*

И это все надо осознать, а осознав, понять, что страна нуждается в достаточно глубоком и масштабном *социо-хозяйственном перестроении*, концептуально вдохновляемом и политически ведомом уже не чем-нибудь, а идеологией *постреформизма*.

Все отрицательное *по*-реформенное (в аспекте социального нездоровья и тупика неразвития) должно решительно заменяться на положительное *пост*-реформенное. Переход к развитию включает в себя вполне системное *постреформенное перестроение* — не более и не менее!

И ежели ясно, что это все должна взять на себя власть, то не менее ясно, что этого никогда не сделает наш инертный, бестолковый и развращенный госаппарат. Выходит, что делать это должна от имени общества и государства особая управленческая структура — новый «орден меченосцев», или же *государство в государстве*, — располагающая особыми возможностями и полномочиями, как и несущая особую ответственность. И не Россию целиком она должна вновь переворачивать, а создавать в России *новую Россию*, способную развиваться и тянуть за собой остальную Россию. Остальная же Россия должна новой России не только не мешать, но и продуктивно ей послужить.

Нет, не надо отменять капитализма и рынка, не надо сплошь закрывать границы, надо лишь сформировать, укрепить и развить национальную *государственно-корпоративный сектор развития*, обеспечив его лидирующую и пионерскую роль в развитии страны, а вот для всего отечественного капитализма надо предложить не отрицающее частной хозяйственной самостоятельности и инициативности побудительное управление производительной средой, происходящими в экономике процессами и поведением хозяйствующих субъектов, не исключая и директивных оборонно-стратегических к ним обращений. В центре и в основании национального сектора развития — военная и гражданская (а такая тоже есть) «оборонка», или же *стратегический сектор*, содержащий в себе и науку с образованием, и конструкторскую часть, и внедренческую, и венчурную, привлекающий подрядных и инновационных агентов.

Во главе всего процесса — *Национальное агентство развития* с чрезвычайными полномочиями и ответственностью, с плановым органом внутри себя и финансовыми учреждениями рядом, способными финансировать целевые программы и кредитовать субъектов-исполнителей. Речь при этом не идет о прямом управлении производительными субъектами, даже национальными, даже непосредственно

государственными, речь может идти более всего о контрактной системе хозяйственных отношений. В итоге все это можно назвать вкуче с общей национальной политикой в хозяйственной сфере *неодирижизмом*.

Итак: пореформенное целенаправленное перестроение хозяйства и общества; формирование и укрепление постреформенного национального государственно-корпоративного сектора развития — *стратегического сектора*; реализация властного государственно-нормативного национального хозяйствования на принципах финансового и нефинансового *неодирижизма*, органично сочетающегося с союзным ему *неолиберализмом*, не исключающего ни хозяйственной самостоятельности предприятий, фирм и корпораций, ни управления хозяйственной средой, экономическими процессами и поведением агентов, ни взаимовыгодного партнерства между государством, стратегическим сектором и любыми частными хозяйствующими субъектами, ни директивных оборонных заказов и добровольных контрактных отношений.

Все это никак не противоречит мировой практике, наоборот, ей абсолютно соответствует, что доказывается опытом всех стран, обеспечивавших ускоренный выход к неоиндустриализму и ставших на путь самостоятельного развития.

Вырыв к социо-хозяйственному развитию сегодня — вопрос не экономический, даже не социальный, а *политический!*

**ЕВРАЗИЙСКАЯ
ИНТЕГРАЦИЯ**

Р.С. ГРИНБЕРГ

Формирование Евразийского союза: шансы и риски *

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы Евразийского союза, национальные и интеграционные действия в области экономической модернизации, способные преодолеть периферийный характер евразийского региона.

Ключевые слова: Евразийский союз, постсоветское пространство, интеграция, модернизация.

Abstract. The article is devoted to problems of the Euroasian union, national and integration actions in the field of the economic modernization that are capable to overcome peripheral character of the Euroasian region.

Keywords: Euroasian union, postsoviet space, integration, modernization.

В последнее время наблюдается существенное продвижение в реализации интеграционных планов на постсоветском пространстве. Фактически была выработана обновленная концепция евразийской интеграции применительно к новым геополитическим и геоэкономическим условиям и начата ее поэтапная реализация с наиболее подготовленными партнерами из числа стран СНГ. 2010—2012 гг. можно с полным основанием назвать периодом интеграционного рывка. В очень сжатые сроки был создан и заработал Таможенный союз (ТС) России, Белоруссии и Казахстана (2010), а с 1 января 2012 г. началось формирование Единого экономического пространства (ЕЭП). Впервые за весь постсоветский период реально заработали институты международной интеграции, наделенные наднациональными функциями регулирования интеграционного процесса. Появилась конкретная перспектива — создание к 2015 г. Евразийского экономического союза.

Дальнейшее развитие евразийской интеграции предполагает как углубление уровня взаимодействия участников группировки, так и возможное расширение ее состава в соответствии с принципом открытости. Успешное решение этих задач требует уточнения ряда положений интеграционной концепции, устранения имеющихся перекосов и дисбалансов.

Согласно общепризнанной теории, эффективность региональной международной интеграции в решающей мере зависит от степени ко-

* По мотивам выступления на заседании Президиума РАН 23 апреля 2013 г.

ординации ее двух нуждающихся во взаимном дополнении самостоятельных процессов. В первом случае речь идет о так называемой «негативной» интеграции, а во втором — о «позитивной». Заметим, что оба определения употребляются исключительно в нейтральной коннотации, т. е. не носят ценностного характера. Просто под негативной интеграцией понимается процесс сокращения и отмены всяческих ограничений во взаимных хозяйственных отношениях стран, вступивших в тот или иной региональный союз. Это значит, что, вступив туда, они обязуются постепенно или одновременно уничтожить все барьеры на пути взаимного движения в его границах товаров, услуг, капиталов и людей. Что же касается позитивной интеграции, то здесь речь идет о согласовании государственных действий стран—членов регионального союза в его общих интересах. И если один процесс «пошел», а второй начался только в риторике, то мы в действительности имеем чисто «бумажную» интеграцию, что, собственно, и произошло с Содружеством Независимых Государств.

В СНГ с самого его рождения «присутствовала» негативная интеграция как естественное следствие «шокового» распада СССР. А вот позитивная осталась, в сущности, только на бумаге, если не считать регулярные ритуальные заклинания по поводу «нерушимости нашего единства».

Тем не менее неудача с реализацией проекта СНГ вовсе не ставит под сомнение необходимость создания на постсоветском пространстве интеграционной группировки, в которой Россия могла бы играть роль локомотива. Но для этого она сама должна измениться, стать привлекательной для стран-членов, превратиться в важнейший фактор их внутреннего развития. Исторически решение задачи по налаживанию интеграции на постсоветском пространстве крайне осложнено, для России это затратный и длительный процесс. Но другого выбора у нее нет. Если исходить из того, что чисто экономические аспекты интеграции при определенных условиях перспективны, то здесь нет никакой альтернативы российской щедрости. Москва не должна быть скрягой и бороться за каждый рубль или доллар в своих действиях, газовых или негазовых войнах. Если Россия действительно хочет консолидировать постсоветское пространство, то у нее нет никакого выбора, кроме как платить за интеграцию. В краткосрочном плане это потери, в долгосрочном — однозначный выигрыш для всех, в том числе и для России.

Заметим, что в научной среде давно идет дискуссия о влиянии интеграции на экономический рост. Априорно считается, что чем выше степень взаимного притяжения, тем выше темпы экономического роста. При этом, как правило, ссылаются на самый успешный интеграционный проект в мире — Европейский союз. Впрочем, оппоненты об-

ращают внимание на другие факты. Например, в Швейцарии или Норвегии, в странах, не являющихся членами ЕС, показатели экономического роста и уровня жизни выше, чем в большинстве государств Евросоюза.

Как бы то ни было, для успеха интеграционного процесса необходима некая минимальная численность социума, живущего и действующего в рамках единого экономического пространства. Скажем, Китай при численности около 1,3 млрд человек не нуждается ни в каких интеграционных блоках. Индия тоже не нуждается. Люксембург же, по определению, нуждается. Иначе говоря, речь идет о том, что эффективная интеграция может быть организована только на соответствующей территории единого экономического пространства, где не существует никаких перегородок, а население составляет 200—250 млн человек.

В России в этом отношении ситуация не очень благоприятная, поскольку 140 млн человек — это ни то, ни се. Это не Люксембург, который, по определению, должен быть включен в интеграционный проект, и не Китай, который не нуждается в экономии на масштабах, так как его собственные масштабы уже создают основы для эффективного крупносерийного производства.

Далее, объединяющиеся страны не прочь порассуждать о теоретической и практической «ловушке»: кто кого кормит? Сегодня на эту тему ведутся страстные дискуссии в Европейском союзе. Вспомним, как в конце 1980-х гг. рассуждали по поводу того, что у России не очень благоприятное положение в Советском Союзе из-за заниженных цен на сырье, и чем быстрее мы разойдемся, тем лучше. Конечно, это было фатальной ошибкой.

Такой же ошибкой стало «ложное ожидание» российской политической элиты в отношении бывших советских республик. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. доминировала идея, что без «стран-сателлитов» легче интегрироваться в мировую экономику в качестве субъекта. Мы назвали ее «теорией экономической обузы». Принято было считать, что Россия как более развитое государство быстрее устроится на «солнечной стороне улицы» без бывших братьев и сестер. А если не получится, должна сработать «теория приползания». Иначе говоря, в команде Ельцина была иллюзия, что свежее испеченные независимые государства не состоятся и, стало быть, рано или поздно вернуться под крыло России.

Вскоре отчетливо обнаружилось, что обе установки оказались ложными. Несмотря на огромную социальную цену рыночных преобразований и мучительное становление собственной государственности в новых государствах, ни одна из них не утратила своей независимости

и суверенности. При этом надо иметь в виду, что изначально каждая республика стремилась перейти из «второго мира» в «первый», но это намерение нигде не увенчалось успехом. Вместо того, чтобы перейти в «первый мир», многие из них оказались под угрозой скатывания в «третий», а некоторые уже оказались там в результате демодернизации общества и примитивизации экономики.

Надо сказать, что формирование более или менее адекватной оценки экономических и социальных результатов системных преобразований в странах постсоциалистического мира нетривиальная задача, несмотря на наличие весьма обширной литературы по этому вопросу. Слишком велико здесь влияние чисто идеологических мотивов в интерпретации прошедших перемен. Не вдаваясь в подробности данной проблематики, заслуживающей специального обсуждения, заметим только, что мы, как и многие другие эксперты по постсоветской тематике, предпочитаем оценивать результативность перемен в бывших республиках СССР по сконструированному в ООН индексу человеческого развития (ИЧР), учитывающему три основных параметра — образование, продолжительность жизни и валовой внутренний продукт на душу населения.

Сопоставление динамики ИЧР в новых независимых государствах за период с 1991 по 2012 г. наводит на грустные размышления. Ведь только Эстонии удалось переместиться с 35-го места в мире на 33-е. А все остальные постсоветские страны явно проиграли. У России было 37-е место, сейчас 55-е. На Украине этот индекс вообще катастрофически снизился: с 45-го до 78-го места. Что уж говорить о странах Центральной Азии?

Тем не менее даже при самой глубокой экономической рецессии и деградации социальной сферы новые политические элиты сумели сохранить контроль над обедневшим населением, правда, ценой отказа от только что родившихся демократических институтов, инициированных горбачевской перестройкой. И дело здесь не только в восстановлении авторитарных порядков в интересах сохранения новой власти. Крах установки на «приползание» коренится также в том, что в отличие от России, испытавшей двойной удар от радикальной системной трансформации — обвальное снижение уровня жизни плюс моральный дискомфорт от распада СССР, — в остальных новых государствах весьма ощутимые материальные потери от реформ если не в полной, то в значительной мере компенсируются очевидным приобретением в сфере национального самосознания, т. е. законным чувством гордости по поводу приобретения независимости и участия в становлении нового государства.

Теперь о некоторых перспективах и задачах интеграционного проекта. Дальнейшее развитие евразийской интеграции предполагает как углубление уровня взаимодействия участников группировки, так и возможное расширение ее состава в соответствии с принципом открытости. Успешное решение этих задач требует исправления выявившихся перекосов и дисбалансов.

В документах и в прессе уже появились разночтения по поводу конечной цели евразийского интеграционного проекта. Речь идет то об «экономическом союзе», то о «Евразийском союзе», соответственно происходит частая подмена аббревиатуры ЕАЭС на ЕАС. Так что же намечается создать к 2015 г.? *Евразийский экономический союз (ЕАЭС)* — это экономическая группировка ряда стран или прообраз нового государства? В информационных материалах, освещающих последние решения в рамках ТС и ЕЭП, можно даже встретить такую дефиницию: «Евразийский союз — проект конфедеративного союза суверенных государств с единым экономическим, политическим, гуманитарным, военным и таможенным пространством». Неопределенность конечной цели дает многочисленные поводы для противников проекта говорить об имперских амбициях России, о «советизации» региона СНГ, о начале восстановления подобию бывшего СССР.

В этой связи важно иметь в виду три существенных обстоятельства.

Первое — участие в ЕАЭС не несет в себе угрозу потери постсоветскими государствами обретенного суверенитета. Наоборот, такое участие укрепляет их международную правосубъектность и экономическую безопасность, усиливает переговорные позиции с более сильными мировыми игроками именно в составе интеграционной группировки.

Второе — в условиях глобализирующегося мира малые и средние по масштабам страны СНГ могут быть конкурентоспособными только в рамках интеграционного союза, так как вновь наступило время «больших игроков и больших пространств». Об этом, в частности, свидетельствует активное продвижение собственных проектов организации постсоветского пространства самими мощными субъектами современной мировой политики (программа «Восточного партнерства» ЕС, проект «Нового шелкового пути» США, китайская «политика добрососедства»).

Наконец, третье, ЕАЭС — вовсе не способ отгородиться от остального мира, а метод усиления глобальной конкурентоспособности каждой из стран на основе коллективного взаимодействия в мировой экономике и политике. Как известно, зарубежные противники евразийской интеграции обычно утверждают, что Россия ведет партнеров к новой изоляции и создает на пространстве СНГ «заповедник экономи-

ческой отсталости и авторитарных режимов». В ответ на это следует разьяснять, что истинное намерение ЕАЭС — создание в перспективе единого экономического пространства с Евросоюзом и странами АТР.

Функционирование ТС на первом этапе положительно сказалось на внешней и взаимной торговле России, Белоруссии и Казахстана (на объемах и товарной структуре), что в целом свидетельствует об эффективности *созданной интеграционной группировки*. Однако произошедшие сдвиги представляли собой так называемые временные эффекты интеграции, которые наступают сразу после формирования интеграционной группировки. Первоначально наблюдается всплеск активности в хозяйственном взаимодействии ее стран-членов, а затем заметное снижение темпов роста.

Так, в 2011 г. общий объем экспорта России в страны ТС возрос на 32,9%, Белоруссии — на 45,7, Казахстана — на 18,4%. В целом для ТС он увеличился на 33,9%, а в 2012 г. — всего на 8,7%. При этом экспорт России в страны ТС возрос на 9,4%, Белоруссии — на 12,6, тогда как Казахстана — сократился на 3,7%.

Наибольшее воздействие формирование ТС и ЕЭП оказало на внешнеторговый оборот Белоруссии в результате договоренности об отмене Россией экспортных пошлин на нефть и перечисления экспортных пошлин на экспортируемые ею за пределы единой таможенной территории нефтепродукты в российский бюджет. Следствием этого стал резкий рост белорусского производства и экспорта нефтепродуктов и продукции нефтехимии, начиная с 2012 г.

Для Казахстана эффекты создания Таможенного союза во внешней и взаимной торговле оказались неоднозначными. В 2010—2011 гг. наблюдался определенный рост импорта Казахстана из России и Белоруссии, а в 2012 г. начал сокращаться его экспорт в эти страны, что стало отрицательно сказываться на внешнеторговом балансе. Пока явным эффектом интеграции для Казахстана оказался рост доходов от транзита вследствие того, что теперь товарные потоки из Китая на единую таможенную территорию идут через казахстанские, а не российские таможенные посты.

Важность Таможенного союза для России во многом определяется тем, что она реализует на общем рынке ТС более трети всей экспортной машиностроительной продукции. Темпы прироста взаимного товарооборота со странами ТС в 2011 г. по сравнению с предыдущим годом превышали аналогичный показатель для третьих стран в 2,6 раза, темпы прироста экспорта — в 2,1 раза, а импорта — в 3,8 раз. Очевидным преимуществом интеграции для РФ стало изменение структуры взаимных поставок. В частности, увеличилась доля продукции с высокой добавленной стоимостью и сократилась доля топлива и сы-

рья. В 2011—2012 гг. в российском экспорте в страны ТС-ЕЭП удельный вес минеральных продуктов снизился с 52,3 до 49,7%, а машин, оборудования и транспортных средств возрос с 14,2 до 16,2%.

Увеличение экспорта продукции с более высокой добавленной стоимостью в пределах региона может стать первым шагом к расширению ее продаж в глобальных масштабах. Экспортный потенциал, накопленный в рамках ТС-ЕЭП при низких тарифных и нетарифных барьерах, повышает шансы для последующей экспансии группировки на рынках третьих стран посредством взаимной производственной кооперации.

Словом, первые результаты функционирования ТС показали, что масштаб и характер эффектов интеграции для каждой страны-участницы могут существенно различаться. Здесь, по-видимому, потребуется сформировать соответствующие механизмы выравнивания между странами временных выгод и потерь.

Устойчивое развитие евразийской интеграции невозможно без совместных действий по модернизации экономик ее участников. Общей острой проблемой постсоветских государств после двадцати лет суверенного существования стала нарастающая примитивизация структуры их народных хозяйств. Всем им приходится иметь дело с устаревшей технико-технологической базой экономики, значительно ослабленной за годы реформ ее научным и кадровым потенциалом. Первоначальные надежды новых независимых государств на модернизационные скачки с помощью «третьих стран», как правило, не оправдываются. Автономные попытки экономической модернизации слабо связаны с активизацией евразийских интеграционных процессов. При этом модернизационная политика сводится в основном к технологическим заимствованиям из третьих стран, нацелена главным образом на импортозамещение и, как правило, не идет дальше «отверточного» производства. Обнаружилось, что приток зарубежных технологий в постсоветские государства, хотя и может способствовать модернизации отдельных отраслей, но, как правило, не ведет к технологическому обновлению экономик в целом, поскольку центры технологических и продуктовых нововведений находятся за их пределами.

В этой связи во многих из постсоветских государств зреет понимание того, что остановить процессы примитивизации и деиндустриализации национальных экономик можно лишь общими усилиями в рамках коллективной промышленной политики. И совершенно очевидно, что только Россия может стать инициатором ее разработки, выдвигая тезис о необходимости перехода к инновационной экономике как цели развития общего интеграционного пространства. Располагая наиболее крупной экономикой и инновационной сферой и учитывая в полной

мере возможности и интересы партнеров по постсоветским объединениям, именно она должна сыграть решающую роль в проведении согласованной модернизации.

Здесь, по-видимому, потребуется коллективная разработка концепции такого пространства, в которой были бы четко обозначены желаемая структура экономики в Евразийском союзе, инструменты ее формирования, а также этапы и сроки реализации.

Так или иначе, странам—участницам интеграционных проектов предстоит уделить особое внимание согласованию национальных приоритетов в научно-технической сфере, а также формированию общими усилиями «технологических коридоров», в рамках которых глобальная конкурентоспособность отдельных выбранных секторов экономики будет достигаться преимущественно за счет технологий, разработанных внутри интеграционного пространства.

Для решения этих задач представляется целесообразным:

- разработать межгосударственные целевые программы инновационного развития и определить порядок их финансирования;
- внедрить на двусторонней и многосторонней основе институциональные и финансовые механизмы поддержки и реализации научных исследований и инновационных проектов;
- сформировать трансграничные инновационные цепочки, позволяющие реализовывать принцип добавленных инноваций, когда инновации, созданные в какой-либо стране интеграционного объединения, дополняются и совершенствуются в других странах данного объединения;
- улучшить условия для инновационного бизнеса, обеспечить защиту интеллектуальной собственности малых и средних предприятий, ускорить принятие согласованных, а затем и единых технических стандартов;
- разработать нормативно-правовую базу, регулиующую распределение доходов и межгосударственной собственности в виде материальных и нематериальных активов, полученных в ходе реализации совместных инновационных проектов.

В заключение еще раз вернемся к российской политике в евразийском регионе. Судя по всему, странам—членам интеграционного блока предстоит запустить процессы расширенного воспроизводства в основном на базе собственных ресурсов и внутреннего спроса при одновременном сохранении и даже расширении хозяйственного взаимодействия с остальным миром. Контрпродуктивным в этой связи является неутраченное противопоставление политики модернизации России ее курсу на консолидацию постсоветского пространства. На самом деле обе установки не антагонистичны. С позиций истинных интере-

сов страны безальтернативен подход, в соответствии с которым национальные и интеграционные действия в области экономической модернизации должны взаимно дополнять, а не исключать друг друга. Только общими усилиями можно преодолеть периферийный характер евразийского региона и предотвратить его сползание в зону «технологического захолустья».

У.Ж. АЛИЕВ

Евразийский мейнстрим: многокритериальный подход к содержательной интерпретаций

Аннотация. Рассматриваются основные параметры евразийского мейнстрима путем сравнительного анализа с западным и советским по пятнадцати критериальным основаниям.

Ключевые слова: мейнстрим (основное течение), западный мейнстрим (ЗМ), советский мейнстрим (СМ), евразийский мейнстрим (ЕМ).

Abstract. This paper discusses the basic parameters of the eurasian mainstream by the comparative method with the western and soviet mainstream criterial on fifteen grounds.

Keywords: mainstream, mainstream Western (ZM), Soviet mainstream (SM), Eurasian mainstream (EM).

Один из важных вопросов сегодня — какой из существующих экономических мейнстримов (основных течений) недавнего прошлого и современности может обеспечить формирование, эффективное функционирование и устойчивое развитие мирового хозяйства в будущем, в том числе национальных экономик России и Казахстана¹.

Для ответа на этот непростой вопрос дадим общую характеристику современной экономической картины огромной части ойкумены методом «вопросы—ответы». Эти ответы на поставленные вопросы одновременно будут служить дополнительной фундаментальной теоретико-методологической основой обоснования выдвигаемого евразийского мейнстрима как возможного выхода из современного общемирового системного кризиса.

¹ Основное содержание данной статьи было изложено автором в выступлении на Международной научной конференции «Международное воспроизводственное обустройство евразийского (постсоветского) пространства: экономика и политика» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 4 — 6 декабря 2013 г.).

Итак, вопросы и ответы, характеризующие современную эпоху в целом.

1. *Каков тип (образ) современного реального мира, о котором в последнее время говорит весь «просвещенный» мир?* Иллюзорная реальность. Мир симулякров (замена реальности имитацией). Читинг-мир, или мир всеобщего обмана.

2. *Каков тип (образ) современной экономики, которую без умолку обсуждают «все, кому не лень»?* Патологическая экономика (патэкономика), или уродливая патлач-экономика (престиж-экономика), беспредельная финансовая, оденеженная экономика, «китч-экономика» (экономика наспех, кое-как, подделка).

3. *Каков категорический императив жизнедеятельности (поведения) людей современного «просвещенного» мира?* Всеобщее безудержное потребление. Вещеглотство. Услугомания.

Отсюда вечные вопросы и ответы, характеризующие современную вездесущую либеральную рыночную экономику.

А. *Какова мирская основа современного рыночного общества?* Свокорыстие, стремление обогатиться любыми средствами.

Б. *Каков мирской культ современного рыночного общества?* Всеобщее торгашество: лунными и марсианскими участками, землями наших предков, детьми.

В. *Каков мирской бог современного рыночного общества?* Деньги, деньги и еще раз деньги, которые «не пахнут».

А что в итоге? Человек — хищник № 1 на Земле, который безоглядно пожирает свои жизненные условия выживания и при этом ничего путного за собой не оставляет будущим поколениям.

Сложившаяся в большей части ойкумены экономическая ситуация является прямым результатом, главным образом, одного из трех мегапарадигмальных мейнстримов современности — западного (либерально-рыночного) мейнстрима неоклассического типа.

Наряду с ним в свое время имел место другой, так называемый советский мейнстрим, в фарватере которого «плыли» многие страны социалистического лагеря. А в последнее время (вторая половина XX в.) начинает разворачивать свой потенциал в отдельных частях мира третий мейнстрим, получивший за неимением подходящего слова название «евразийский мейнстрим»², который отчасти сохраняет в себе от-

² Термин «евразийский мейнстрим» заимствован у профессора А.А. Олейникова, хотя содержательно «его» и «наш» евразийский мейнстрим существенно отличаются друг от друга. И это мы высказали ему устно, теперь же раскрываем эти отличия письменно.

дельные положительные черты двух предыдущих мейнстримов, но с изменением их места и роли в этом становящемся мейнстриме.

Этот мейнстрим потенциально и актуально (возможно, в большой степени еще гипотетически) характеризуется, главным образом, гуманистической направленностью мирового человеческого сообщества, социализацией национальных (и мировой) экономик, гармонизацией общественных и, в первую очередь, социально-экономических отношений. Более развернутая сравнительная характеристика указанных мейнстримов дана в табл. 1.

Таблица 1

Мегапарадигмальные мейнстримы через призму многокритериальной характеристики

Виды мейнстримов	Западный мейнстрим (ЗМ)	Советский мейнстрим (СМ)	Евразийский мейнстрим (ЕМ)
Черты			
1. Философские основания	Позитивизм: крайний утилитаризм, практицизм, гедонизм (доминантность материально-вещественного над идеально-духовным)	«Абстрактный» материализм на бумаге и «конкретный» идеализм на практике (доминантность идеально-духовного над материально-вещественным)	Философский гуманизм (синтез идеально-духовного и материально-вещественного)
2. Теологические основания	Позднее христианство: протестантизм	Атеизм	Тенгрианство, ранее христианство, традиционный ислам
3. Научные основания	Рационализм (рациональность) Феноменализм	Номинализм (иррациональность) Эссенциализм	Конвенциализм (согласованность) Реализм

Продолжение табл. 1

4. Парадигмальные основания	Индивидуализм (эгоизм) Господство частного над общим, индивида над обществом	Холизм (альтруизм) Господство общего над частным, общества над индивидом	Солидаризм Разумный синтез эгоизма и альтруизма, индивидуального, коллективного, общественного
5. Методологические основания	Монолектика	Диалектика	Полилектика
6. Ценностные основания	Потребительство (вещеглотство, услугомания)	Аскетизм (уравнительное распределение)	Гармонизм (здоровый образ жизни)
7. Экономические основания	Либеральная рыночная экономика (фритредерство, рыночный фундаментализм)	Централизованно-плановая экономика (протекционизм, плановый фундаментализм)	Социальная (социализированная) экономика (гармонизация Ф и П с доминантным признаком социальности и рецессивным признаком рыночности)
8. Характер роста и развития	Утилитарно-потребительский	Производительно-догоняющий	Социально-устойчивый
9. Социальные основания	Приоритетность среднего класса с господством богатого слоя населения	Равенство всех слоев общества с приваляированием населения с низким доходом	Социальная справедливость в доступе и распределении общественного богатства между всеми членами общества

Продолжение табл. 1

10. Правовые основания	Верховенство законодательного права	Верховенство «командно-административного» права	Верховенство духовно-нравственных норм и естественного права
11. Идеологические основания	Идея абстрактной свободы	Идея тотальной несвободы (зависимости)	Идея конкретной (действительной) свободы
12. Политические основания	Многопартийность	Однопартийность	Отсутствие господствующих партий, а в перспективе — отсутствие партии вообще
13. Управленческие основания	Демократический централизм	Бюрократический централизм	Дирижизм (неодирижизм) в сочетании с самоуправлением
14. Характер общественно-экономических отношений	Вещная зависимость	Личная зависимость	Свободная индивидуальность
15. Характер (тип) мирового порядка	Господство однополярного мира во главе с США	Господство двухполярного мира (США и бывшего СССР)	Существование многополярного мира
Итоговая характеристика	Антигуманизм (античеловечность)	Абстрактный гуманизм	Реальный гуманизм

Как показано в табл. 1, мегапарадигмальные мейнстримы современности характеризуются по различным критериальным основаниям (их пока пятнадцать). Эти критерии при необходимости можно расширить.

Первый, западный мейнстрим, господствует в развитых в либерально-рыночном отношении странах мира и ряде постсоветских стран СНГ (в том числе в России и Казахстане), к сожалению, некритически заимствованный в свое время официальными властями этих государств и являющийся тупиковым вариантом «прогресса» мирового сообщества.

Второй, советский мейнстрим, в фарватере которого «плыли» в недалеком прошлом многие страны социалистического лагеря, уходит корнями в отдельных сферах общественной системы в прусско-российский опыт социокультурного и государственно-политического устройства. Ряд стран и ныне строят свою экономику по модели конвергенции (например, Китай), объективно двигаясь в направлении наиболее перспективного, на наш взгляд, третьего мейнстрима — евразийского.

Как видно из табл. 1, теологической основой наиболее перспективного евразийского мейнстрима, обеспечивающего, на наш взгляд, устойчивое развитие общества, выступают истинные ценности и нормы всех мировых религий и верований, в первую очередь, тенгрианства, раннего христианства и особенно традиционного ислама, которые лежат в русле духовности, нравственности, справедливости, солидарности, формирующие, в частности, халяльные (разрешительные) отношения человека к самому себе, другим людям и всей среде своего обитания. Именно поэтому рассматриваемый мейнстрим, по нашему мнению, постепенно получит (будем надеяться) характер и статус мегапарадигмальности в недалеком будущем, а значит, именно концепцию евразийского мейнстрима мы и рассматриваем и считаем наиболее объективной и фундаментальной теоретико-методологической основой дальнейшего развития мировой экономики вообще, национальных экономик евразийского (и, в первую очередь, российского и казахстанского) ареала, в частности, и исламской экономики в особенности, а в рамках развивающейся ныне халал-индустрии не только в отдельных исламских странах, но и в странах и регионах, где ислам не является доминирующей религией и даже не-исламских моноконфессиональных странах.

Таким образом, в краткой тезисной форме мы попытались разработать общий каркас нового мегапарадигмального мейнстрима — евразийский мейнстрим с гуманизованно-социализованно-гармонизирующим метасмыслом и направленностью социально-экономического и культурно-духовного развития национальных государств и мирового сообщества, в основе которого лежат подлинно человеческие идеалы и ценности, которые можно свести к триаде: «благие мысли — благие слова — благие дела». Впрочем, все это осуществится лишь при одном условии: если человечество осознает в конце концов апокалиптичность господствующего рыночного фундаментализма, который выражает интересы исключительно мировой и национальной капиталократии и клептократии.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Евразийство как поиск русской правды

Аннотация. Анализируется геополитический вектор и сакральный смысл евразийства. Основой анализа служит прозрение М. Волошина, который всю историю России увидел через призму движения страны с темных глубин Юго-востока к неведомому храму, сокрытому во льдах и снегах Северо-востока. Евразийство представляет собой поиск подлинного и целостного центра русского духа, его настоящей столицы. Именно выход православия на арену мировой истории вызвало к жизни евразийский проект, выражающий невидимую и скрытую сторону русского мира.

Ключевые слова: виртуальность, Евразийство, русский дух.

Abstract. The article is devoted to the geopolitical vector and sacral sense of eurasianism. Work of M. Voloshin who saw all Russia's history through a prism of country's movement from dark depths of the Southeast to the unknown temple hidden in ices and snow of the Northeast forms a basis of the analysis. Eurasianism is a search of the original and complete center of the Russian spirit, its real capital. Exit of Orthodoxy to the arena of world history caused to the Euroasian project expressing the invisible and hidden party of the Russian world.

Keywords: virtuality, Eurasianism, Russian spirit.

В современном мире царит болезненная и деструктивная безыдейность. Полностью теряются представления о смысле жизни, о целях и задачах человека, о законах истории. Экзистенциальный и социальный выбор, решения совести заменяют агрессивная реклама, инфернальное искусство. Трагические столкновения стран, культур и религий, терроризм превращают в шоу, инспирируемые транснациональными корпорациями. Человек ощущает себя как непроницаемое бытие. Он не находит ответов на вопросы своей жизни не потому, что в действительности она пустая, а потому что нет идей для ее понимания, а симулякры не могут дать ответ.

Нигде нет ясной, простой и целепонятной идеологии, способной вывести экзистенцию человека из бездуховной суеты и безразличия, сделать его жизнь осмысленной и перспективной. Деконструкция как рационализированный метод самоуничтожения человека есть последнее слово постмодернистской мудрости Запада.

Платон прав: без каких-либо идей невозможно бытие индивида и общества, их институтов, ибо идеи суть объективно-идеальные кристаллы вечности, несущие в себе ее социокультурные коды и смыслы,

инициативы, духовные импульсы и проекты устройства бытия, общества и человека. Идеи есть всегда, но не всегда они работают в формах, доступных разуму. Всем и всегда ясно, что все события и дела должны быть «*по идее*» и в пределе стремиться к «*идеалу*», который составляет творческий центр внутреннего содержания всякого бытия. Идеи — творцы смыслов, целей, идеалов, принципов, проектов и программ; идеи «запускают» двигатель жизни, которая дает им плоть, организмы, делает их зримыми и активными.

Безыдейность социума, жизни вдвойне трагична, опасна и невыносима для России, ибо она не только возводит любые идеи в сакральный статус, жертвенно служит им, но сама является непостижимой для себя самой идеей. В России ничего само по себе по простому «волеию» без «идеи не поедет». И воля частного или корпоративного бизнеса не заменит идейные стимулы, идейную одержимость. И вот сегодня, испытав все заморские идеи и проекты, все технологические и управленческие новации, выявив их полную непригодность для России, мы сталкиваемся с роковой необходимостью самостоятельно мыслить, находить свои идеи, принимать свои политические решения, отказаться от губительных претензий Запада на универсальность. Сегодня социально-экономическая система и машина Запада уже не в кризисе, а просто разваливаются, заменить же их пока нечем, да и время на замену уже исчерпано. Запад оказался в ловушке своего же развития и прогресса, ибо суть «постиндустриального общества» в том и состоит, что личность, человечество должны жить по новому закону, постепенно полностью перемещаясь в неведомый информационно-виртуальный мир, т. е. превратить свою бытие в симулянта человека.

Информационизм, либерализм и постмодернизм бросили России вызов. Развитие информационной экономики, созидающей виртуальный мир, требует виртуального же человека, не индивидуума, а «дивидуума», «постчеловека». Возникает неразрешимая коллизия: источником и «перводвигателем» современной экономики становятся информационно-виртуальные технологии, которые несовместимы с социокультурным человеком. Да и не все люди желают становиться виртуальными существами только для того, чтобы соответствовать прогрессу. Кто-то должен уступить: или экономика должна свернуть на социальный путь ради сохранения человека или же современный человек должен сбросить свой духовно-культурный облик и преобразиться в симулянта человека ради продолжения прогресса; человек должен стать симулякром человека. Или же «третий путь» — клонировать нужный для информационно-виртуального мира тип человека. Только человек ли это будет?

Идет видимая и невидимая *культурная война* за будущее человечества путем формирования катастрофического, иррационального и алогического сознания людей. Именно в России стала очевидной несовместимость информационно-виртуальной экономики и человека. Россия всегда жила идеями, хранящими правду и справедливость социума, но не всегда могла их адекватно осознать и реализовать. И сегодня в безыдейном мире Россия даже для простого самосохранения должна выявить хотя бы отчасти свою идею и сделать ее концептуальным средством решения своих геополитических и социокультурных проблем. Нынешняя власть в России не обладает ясным представлением о фундаментальных стратегических целях человечества и страны, о духовных проблемах угрожающего нового тысячелетия. Материальные, интеллектуальные и финансовые ресурсы в России есть. Нет концептуального понимания своего места и роли в современном мире, чтобы ответить на идеологический вызов виртуального мира.

В этом плане особый интерес представляет евразийская идея, евразийский проект. Только одна оговорка. Россия — это не Евразия, не простое сочетание элементов Востока и Запада, Азии и Европы. Россия — субстанциальная, автократическая страна, имеющая свою идейную матрицу.

Евразийство — одна из форм, в которой Россия раскрывает, реализует свою идентичность. Евразийская идея позволяет России устроить и организовать свое бытие на данном временном этапе уже на своих началах. Ибо Евразия — это идея, рожденная русским умом именно для решения исторических и духовных проблем России, которая познает себя и посредством Евразии.

Дело в том, что идея Евразии не только выражает географические, геополитические аспекты России, но в ней содержатся богатые социокультурные, этнические, национальные, государственные смыслы, основания неведомых для нас духовных ценностей России. Идея Евразии органично впитала в себя и смыслы Азии и Европы, и духовные традиции Византии. Российская Евразия в зародыше содержит в себе уникальный синтез, российскую ноосферу величайших мировых культур, признавая примат культуры над экономикой и политикой. И в методологическом плане идея Евразии берет исторический мир России в его целостности, сплетая в ней начала, середину и концы в неведомом продолжении. Именно поэтому евразийство уже служит концептуальным инструментом, который используют государствообразующие корпорации России, ее власть, для выработки стратегических перспектив развития страны.

Но и это еще не все. Евразийство несет в себе зародыш новой эпохи, новых открытий духовной жизни, для которых она готовит почву

из хаотической массы разнородных смыслов. Своеобразным евразийством был эллинизм, подготовивший почву для рождения нового духа — христианства.

Особый тайный сакральный смысл в евразийстве видел М. Волошин, выразив свои прозрения в поразительно точном и загадочном стихе «Северовосток».

Расплясались, разгулялись бесы
По России вдоль и поперек.
Рвет и крутит снежные завесы
Выстуженный северовосток.

Ветер обнаженных плоскогорий,
Ветер тундр, полесий и поморий,
Черный ветер ледяных равнин,
Ветер смут, побоищ и погромов,
Медных зорь, багровых окоемов,
Красных туч и пламенных годин.

Этот ветер был нам верным другом
На распутьях всех лихих дорог:
Сотни лет мы шли навстречу вьюгам
С юга вдаль — на северо-восток.
Войте, вейте, снежные стихии,
Заметая древние гроба:
В этом ветре вся судьба России —
Страшная безумная судьба.

В этом ветре гнет веков свинцовых:
Русь Малют, Иванов, Годуновых,
Хищников, опричников, стрельцов,
Свежевателей живого мяса,
Чертогона, вихря, свистопляса:
Быль царей и явь большевиков.

Бей в лицо и режь нам грудь ножами,
Жги войной, усобьем, мятежами —
Сотни лет навстречу всем ветрам
Мы идем по ледяным пустыням —
Не дойдем и в снежной вьюге сгинем
Иль найдем поруганный наш храм, —

Нам ли весить замысел Господний?
Все пойдем, все вынесем, любя, —
Жгучий ветер полярной Преисподней,
Божий Бич! приветствую тебя.

М. Волошин — уникальный поэт, ученый, в творчестве которого Русь высказала смысловые наказы своего таинственного бытия. В пророческом видении поэта Русь выступает особым миротворным существом, которое упорно и неотступно, вопреки всем историческим препонам, идет своим неведомым онтологическим путем из потаенных глубин Юго-Запада планеты на Северо-Восток, в мир невозможных земных бифуркаций. Этот путь имеет не только неведомые физические, но и метафизические, космические цели и задачи. Эта онтологическая направленность Руси составляет символический, космологический, смысловой и непостижимый вектор русской истории, ее путь, ее Дао, ее цели и храм ее неведомой сакросферы, манящий с такой силой, что большая часть земной суши устремляется к нему. Северо-Восток! Так это ж одно из самых гиблых мест на Земле: вечная мерзлота, рекорды морозные, тундра, болота, тьма гнуса, сокровища несметные, каторжные рудники, места ссылки пассионариев мысли и жертв материи? Даже дьявол и бесы избегают этих мест, стремясь в театры городов. Но Русь неотвратимо, исполняя провиденциальную волю, движется именно в этот земной филиал Преисподней! Двигается через... Евразию.

Монголо-татарские нашествия, экспансия Запада, протестантское безумие Петра, бунты беспощадные, столичные центры, социализм лишь на время отсрочили и замедлили продвижение Руси на Северо-Восток, но они не смогли отменить этот неотвратимый ход Руси к неведомому нам сакральному месту ее встречи со своим Храмом. Иначе не понять и не объяснить эту геополитическую диагональ русской истории, меняющую столицы, свои духовные центры. Идеи мыслят в пространстве направлениями, посредством которых движутся важнейшие миротворные смыслы; поэтому сама направленность обладает мощным смысловым потенциалом в деле понимания. И в этом движении на Северо-Восток поэт видит оправдание России, ее страшную безумную судьбу. Самой судьбе не под силу такие испытания, которые отмерены Высшим Промыслом для России! Судьба теряет ум в таких испытаниях, поэтому Русь не доверяет уму, догадываясь или зная, что сам ум не может постичь свою суть и свои цели, решать свои проблемы, запутываясь в антиномиях и парадоксах.

Это планетарное движение Руси к своему неведомому сакральному месту составляет, пожалуй, тайный смысл русскости, неявно требуя от

русских соответствовать сакральному плану этого пути, который духовными нитями связан с национальной Русской Душой, с ее глубинными духовными энергиями. Это есть и движение Духа к самому себе. И строительство нового космодрома, создание новых федеральных университетов на Востоке материально выражают этот порыв человеческого духа к своей неведомой столице на Земле, к своей небесной Родине.

Поэтому евразийство — это проект большого будущего, и в насущной, ближайшей перспективе ему нет альтернативы ни в теории, ни в практике, ибо это путь не конфронтации, а содружества и солидарности всех народов этого пространства. В европейской части России места для ноосферных проектов уже нет. Евразийский проект тоже не исчерпывает смысла русского бытия и русской экзистенции... но он ведет, приближает к ней.

А.В. БРЕДИХИН

Украинские еврорегионы как шаги к федерализации страны

Аннотация. В статье раскрываются вопросы влияния трансграничных интеграционных образований — еврорегионов — на процессы регионализации и автономизма. В качестве примера выбраны еврорегионы с участием Украины и возможности их влияния на процесс перехода страны из унитарного статуса в федеративный.

Ключевые слова: еврорегион, федерализм, автономизм, Донбасс, Украина.

Abstract. In this article the author reveals the impact of cross-border integration formations — Euroregion on the processes of regionalization and of autonomy. As an example, selected Euroregions with the participation of Ukraine and their possible impact on the country's transition from a unitary to a federal status.

Keywords: Euroregion, federalism, Autonomism, Donbass, Ukraine.

Украина представляет собой государство, состоящее из регионов с различной исторической судьбой, этнокультурным составом и экономическим потенциалом. Территория, некогда входившая в состав трех империй: Российской, Австро-Венгерской и Османской, а до этого разделенная на российскую Левобережную и польскую Правобережную Украину, и это не считая остальных многочисленных историче-

ских трансформаций, на настоящий момент представляет собой мозаику регионов с очень высокой степенью гетерогенности. Это не политическая манипуляция, о которой так любят говорить современные политики из «посторанжевого» лагеря. То, что Украина не может сохранить себя в унитарном виде, было ясно еще первым украинским «нациестроителям», об этом писали в период Октябрьской революции и Гражданской войны Н.И. Костомаров, М.С. Грушевский, М.П. Драгоманов, С.Л. Рудницкий. С обретением Украиной независимости тематика федерализации страны рассматривалась В.М. Черноволом, П.П. Толочко, В.Н. Тихоновым, В.В. Колесниченко, Б.В. Колесниковым, В.П. Безсмертным. В их исследованиях предлагаются самые различные принципы федерализации, начиная от создания укрупненных регионов и вплоть до «федерации громад».

Заметим, что приход к власти Партии регионов, политической силы, неоднократно заявлявшей в своей политической программе расширение прав регионов, вплоть до образования федеративного государства, так на практике ни к чему и не привел. В то же время сохранение «бело-голубыми» внешнеполитического вектора на евроинтеграционный путь страны, одним из ключевых шагов к которому является формирование еврорегионов, может привести не только к расширению прав приграничных областей, но и в дальнейшем к изменению статуса страны с унитарного на федеративный. И во многом на этом отразится специфика процессов, которые происходят со странами — участницами Европейского союза, а также государствами, стремящимися к интеграции с ними.

Европейский «дом народов» отводит значимую роль процессу переноса полномочий от официального центра к местной региональной власти. Данный принцип подчеркивает демократичность общеевропейских процессов, показывая, что каждый регион или муниципалитет способен донести свою точку зрения до всеевропейского уровня. Последствием данной регионализации и становится трансформация европейских стран в федерации. В качестве импульса к федерализму можно назвать «хозяйку» ЕС Германию, которая и диктует моду на федеративный тренд.

С каждым годом федеративные тенденции лишь набирают обороты, что может привести в ближайшее время к тому, что кандидаты в члены Европейского союза должны будут становиться федерациями, чтобы стать его полноценными участниками. Именно к подобному устройству и движутся некоторые кандидаты в члены ЕС, правда, в основном иррационально, пытаясь формировать политику внутренней борьбы с федералистскими тенденциями. Одним из инструментов подобного движения и выступают еврорегионы. В результате чего и ак-

туализируется вопрос: а есть ли уже сейчас предпосылки к тому, что в ближайшие пять лет государства ЕС и его потенциальные члены станут федерациями? Ведь данный процесс, совместно с созданием еврорегионов, может привести к созданию модели, близкой к европейской конфедерации регионов, что во многом реализует концепцию «Европы регионов».

Ставя задачу разобраться в данном вопросе на примере кандидата в ассоциативные члены Европейского союза Украины, мы приведем следующее понятие еврорегиона, на котором основывается их создание в рамках Европейского союза. Еврорегион — трансграничное интеграционное образование, создающее в своих рамках единую экономическую, социокультурную и экологическую систему, стремящуюся к политической интеграции. И то, что последующая политическая интеграция является итоговым результатом работы еврорегиона, нельзя отрицать. В европейском опыте она широко распространена, а единые политические структуры в рамках еврорегионов доминируют над органами исполнительной и законодательной власти входящих в него регионов. При этом базовой задачей еврорегиона является формирование вышеуказанных видов взаимодействия между соседними регионами.

Еврорегионы могут быть самого различного размера, начиная от включения в их состав нескольких приграничных муниципалитетов и заканчивая интеграцией в их рамках целых государств. При этом и уровень интеграции может отклоняться от указанного ранее. Он может быть как слабым, когда взаимодействие между участниками интеграции происходит исключительно на уровне бизнес-структур, может быть и сильным, что ведет к созданию нового трансграничного политического субъекта Единой Европы. Кроме того, существуют в ЕС и принципы интеграционного взаимодействия со странами, не находящимися на европейском континенте: Французской Гвианой, странами Магриба. Подобный проект предлагается и для создающегося Евразийского союза. Его озвучила Министр иностранных дел Приднестровья Нина Штански в ходе международной научно-практической конференции «Приграничное сотрудничество в контексте евразийской интеграции», проходившей в РИСИ. Она предложила концепт создания евразийского региона Приднестровье — «это трансграничное образование, не увязанное с исключительно приграничным аспектом, как то имеет место в случае с еврорегионами. В основе евразийского региона — принципы культурно-языкового и исторического единства с Россией, а также производственная кооперация и технологическая общность входящих в него субъектов. Экономический аспект интегра-

ции является ключевым элементом концепции», — сообщила Н. Штански [1].

Начиная с 1990-х гг. на Украине был выбран путь по созданию трансграничных образований с соседними государствами. В 2004 г. был принят базовый Закон Украины «О трансграничном сотрудничестве», который определил еврорегион как организационную форму сотрудничества административно-территориальных единиц (регионов) европейских государств, которая осуществляется в соответствии с двух- или многосторонними соглашениями о трансграничном сотрудничестве [2, 54].

Рассмотрим несколько моментов Концепции государственной программы развития трансграничного сотрудничества на 2011—2015 гг. В ней можно увидеть некоторые противоречия. С одной стороны, говорится, что еврорегион «способствует объединению усилий субъектов трансграничного сотрудничества для решения общих проблем приграничных регионов, осуществлению евроинтеграционных мероприятий на региональном уровне». Однако далее идет оговорка, что еврорегионы создаются не только с ЕС, но и Россией, Беларуссией и Молдавией, не являющимися его членами. О какой евроинтеграции на восточной границе идет речь — не ясно. Но это может означать и то, что внешнеэкономические процессы и трансграничные взаимосвязи как на Западе страны, так и на Востоке должны быть одинаковыми, и официальный Киев обязан предоставлять им равные права в вопросах интеграции с соседними зарубежными регионами. Особое место уделяется и тому, что еврорегионы с Евросоюзом получают финансовую поддержку со стороны программ приграничного сотрудничества Европейского инструмента соседства и партнерства (ЕИСП) 2007—2013 гг. Исходя из этого мы можем прийти к логичному выводу о том, что регионы, соседствующие с Россией и Беларуссией, для сохранения финансовой паритетности вполне могут претендовать на лоялизацию бюджетного законодательства в свою сторону, что может привести к частичному «бюджетному федерализму», о котором скажем ниже. Отмечается в Концепции и такая проблема, как «различия между Украиной и соседними государствами в развитии экономической самостоятельности регионов, а также законодательстве по вопросам внешнеэкономических связей». Существуют и «институциональные различия трансграничных регионов соседних государств, в частности недостаточный уровень децентрализации полномочий органов исполнительной власти, отсутствие экономической самостоятельности местного самоуправления приграничных территорий» [3]. Таким образом, унитарность страны видится ее руководству в качестве проблемы, мешающей полноценному взаимодействию на еврорегиональном уровне.

Украинские регионы уже сформировали такие интеграционные локальные объединения, как «Буг» (Волынская область, Люблинское воеводство Польши и Брестская область Белоруссии), «Верхний Прут» (Ивано-Франковская и Черновицкая области Украины, Ботошанский и Сучавский уезд Румынии, Бэлцкий и Единецкий районы Молдавии), «Днепр» (Брянская область России, Черниговская область Украины и Гомельская область Белоруссии), «Донбасс» (Ростовская область России, Луганская и Донецкая области Украины), «Карпаты» (Закарпатская, Львовская, Ивано-Франковская и Черновицкая области Украины, пять областей Венгрии, три соседние воеводства Польши, шесть районов Словакии), «Нижний Дунай» (Одесская область Украины, уезды Галац, Тульча, Бреила Румынии и районы Вулканешты, Кагул, Кантемир Молдавии), «Слобожанщина» (Белгородская область России и Харьковская область Украины), «Ярославна» (Курская область России и Сумская область Украины). Идет процесс формирования еврорегионов «Азов» (Крым, Донецкая и Запорожская области Украины и российские Краснодарский край и Ростовская область) и «Днестр» (Винницкая область Украины, Сорокский, Флорештский и Шолданештский районы Молдавии, Каменский и Рыбницкий районы Приднестровья). Так же возможны подключение украинских регионов к работе еврорегиона «Черное море» и создание по предложению народного депутата Вадима Колесниченко еврорегиона «Русское море» (Крым, г. Севастополь и Краснодарский край).

Спецификой еврорегионов, создающихся на постсоветском пространстве, выступает их узкая профильность и потому недостаточная эффективность. Большинство из них создаются исключительно в экономических целях. И российско-украинские еврорегионы тут не исключение. Заинтересованность региональных бизнес-групп получить новые рынки сбыта вблизи от своего местонахождения либо их стремление лоббировать законодательство на границе для улучшения уже существующих товаропотоков нередко ведут за собой трансграничные договоры и соглашения.

Экономический фактор сотрудничества констатируется и в официальных декларациях, заключаемых между губернаторами субъектов еврорегиона, и в создании мощных экономических кластеров, совместных проектов (аэропорты, промышленность, что весьма присуще для еврорегиона «Слобожанщина»), а впоследствии и зон свободной торговли, о чем говорит практика еврорегионов в ЕС, в частности германо-польских. Экономический фактор несет в себе значимый потенциал и в процессе формирования единых интеграционных проектов с соседними государствами. Так, если Украина до конца и не стала членом Таможенного союза и Единого экономического пространства Рос-

сии, Белоруссии и Казахстана, а декларировала подписание ассоциации с Европейским союзом в ноябре 2013 г., то первые экономические барьеры могли возникнуть именно в российско-украинских еврорегионах.

На протяжении всего периода их существования официальный Киев делегировал им локальные внешнеэкономические функции в системе взаимоотношений с сопредельными территориями, не придавая им статуса автономии. С каждым годом этот процесс расширения прав только укреплялся. Развивались трансграничные торговые связи. Был запущен процесс вхождения российских производителей на украинские рынки и украинских — на российские (что, кстати, было доминирующим, и украинский экспорт в 1,5—2 раза был выше российского). В рамках еврорегионов упрощалось законодательство в плане перемещения товаров. Весь процесс шел к созданию единого рынка внутри еврорегионов, что при создании Ассоциации российско-украинских еврорегионов могло привести к созданию беспрецедентной зоны свободной торговли от Смоленска до Крыма. Заметим, что подобные объединения уже созданы Украиной с западными соседями: это украинско-польский Межправительственный координационный совет по вопросам межрегионального сотрудничества, украинско-словацкая межправительственная комиссия по вопросам трансграничного сотрудничества, украинско-венгерская межправительственная смешанная комиссия по вопросам трансграничного и приграничного сотрудничества. При дальнейшем сохранении Украиной внеблокового статуса и отсутствия столь решительных шагов к интеграции с Европейским союзом это позволяло бы ей укрепить свои позиции на рынке ТС и ЕЭП и сохранить роль стратегического игрока в его системе экономических взаимоотношений. Однако при подписании Украиной ассоциации с ЕС, как было отмечено премьер-министром России Д.А. Медведевым, экономическая сфера сотрудничества России и Украины стала бы сужаться, а членство в Таможенном союзе оказалось бы невозможным.

Отметим, что идея расширения внешнеэкономической деятельности субъектов еврорегиона ведет за собой и расширение целого ряда экономических функций. Это придаст большую самостоятельность региону в экономических процессах приграничного характера и в то же время отдалит от них официальный центр. Центр постепенно делегирует все больше и больше полномочий периферии. При этом расширение внешних функций напрямую влечет за собой и расширение функций внутренних, что коснется в том числе и системы управления и формирования бюджета региона. Последний процесс приводит к бюджетному федерализму, о котором неоднократно заявляло население

ние Донецкой области, а сейчас данная тематика активно рассматривается местной региональной элитой и предлагается в качестве решения ситуации с мировым экономическим кризисом. Мэр Донецка А. Лукьянченко считает, что бюджетный федерализм реализуется, когда «государство выбирает только те финансы, которые необходимы. Это госорганы, армия, органы безопасности и т. д. А все остальное остается на территории для его развития. За прошлый год предприятия Донецка перечислили во все уровни бюджета 17,8 млрд гривен, из этой суммы 2,9 млрд грн. осталось в городе, 1,8 млрд было перечислено в область, а все остальное ушло государству. От государства мы получили для обеспечения всевозможных льгот, социальной защиты и т. д. 620 млн грн. Так кто кого дотирует? Поэтому, если будет бюджетный федерализм, то такие крупные города смогут развиваться» [4]. Заметим, что данная позиция донецкого мэра, хотя во многом и основывалась на требованиях, выдвигавшихся в 1990-х гг., имела истоки в политических манифестах Партии регионов периода «оранжевой революции», сегодня имеет абсолютно иные основания. Если 1993 г. был уже 20 лет назад, и многие идеи того времени потеряли свою актуальность, то совсем недавние требования нынешнего Президента Украины, а тогда еще премьер-министра и лидера Партии регионов В.Ф. Януковича и его ближайших сподвижников о создании Украинской федерации и придании Донбассу статусу автономии, за менее короткий срок также потеряли актуальность. С 2011 г. единственным «локомотивом» расширения прав Донецкой области выступает еврорегион «Донбасс». Именно взаимодействие с соседними российскими субъектами (Ростовской и Воронежской областями), а также Луганской областью, способствовало пересмотру взглядов местной элиты на возможность автономизации региона. Во многом, учитывая евроинтеграционную направленность Украины, можно опереться на опыт экономической кооперации бесчисленных еврорегионов в составе ЕС, одной из задач которых как раз и выступает процесс формирования новых акторов экономического процесса в трансграничье без участия столицы государства. В данном ключе и закладывался изначальный еврорегиональный концепт «Европы регионов», когда государство должно было в процессе наднациональной интеграции отойти на второй план, а лидирующее место в данных процессах должны были занять именно еврорегионы.

Муниципальная составляющая интеграции в рамках еврорегиона может внести свою лепту в расширение его прав. В Европейском союзе еврорегионы образуются не только странами или землями, но и муниципалитетами. Примером тому может стать еврорегион «Айфель—Арденны», который включает федеральную общину Прюм (ФРГ), го-

род Санкт-Вит (Бельгия) и общину Клерво (Люксембург). Подобные варианты взаимодействия возможны и в российско-украинских евро-регионах. Хотя, в вышеупомянутой Концепции государственной программы развития трансграничного сотрудничества на 2011—2015 гг. отмечается «недостаточное развитие трансграничного сотрудничества на уровне административных районов и территориальных общин». При этом как в ЕС, так и СНГ руководители муниципальных образований — районов и сельсоветов — являются активными участниками процесса еврорегионального строительства. Некоторые из них участвуют и в международных форумах, посвященных процессам развития еврорегионов. Примером тому может выступить глава Миловского сельского совета Луганской области А.Г. Кислицин, принимавший участие в международном форуме «Приграничное сотрудничество в контексте евразийской интеграции» и представивший на нем проект строительства интермодального логистического центра Меловое—Чертково. Актуальным может выступить и процесс по созданию сообществ приграничных муниципалитетов, проект которого разрабатывался для еврорегиона «Донбасс» Информационно-аналитическим центром (ГАУ РО «РИАЦ») при Правительстве Ростовской области. Появляется возможность *de facto* реализации идеи председателя Украинской центральной рады М.С. Грушевского о создании на территории Украины «федерации громад», т. е. федерации даже не регионов, а именно муниципальных образований.

Однако экономическим расширением прав регионов — участников трансграничных образований процесс локальной интеграции не ограничивается. На более второстепенных ролях в российско-украинских еврорегионах выступает культурная составляющая. Изначально евро-регионы создавались в регионах Европы, где население сопредельных территорий было размыто и принадлежало к одной культуре по обе стороны границы. Примером тому может служить французский Эльзас, за право владеть которым долгое время боролись Германия и Франция, а коренное население говорит на эльзасском языке, принадлежащем верхненемецкому. Он совместно с немецкой землей Баден-Вюртемберг создал современный еврорегион «Eurodistrict Strasbourg-Ortenau». Подобный этнокультурный кластер можно выделить в евро-регионах «Карпаты» и «Донбасс».

Еврорегион «Донбасс» также имеет ряд автономистских тенденций, носящих этнокультурную составляющую. И здесь можно выделить два значимых кластера.

С одной стороны, это казачество. Возрождающееся сейчас в Российской Федерации казачество приобретает наравне с этнокультурным подъемом и значимые политические позиции. Например, нынешний

атаман ВКО «Всевеликое войско Донское» В.Г. Гончаров является заместителем губернатора Ростовской области, а прошлый и ныне почетный атаман В.П. Водолацкий — депутатом Государственной думы Российской Федерации.

Отметим, что подъем казачьего движения на Дону сопровождался заявлениями об изменении административно-правового статуса региона, трансформации его в край или республику в составе Российской Федерации. И здесь можно выделить два прецедента подобных тенденций. Во-первых, это заявление бывшего заместителя по идеологии Верховного атамана Союза казачьих войск России и зарубежья (СКВРиЗ) В. Воронина об объединении Ростовской и Волгоградской областей в Донской край, что, по его словам, следует рассматривать в контексте общей политики «объединения и консолидации сил казачьего народа для служения Отечеству» [5]. А во-вторых, это позиция признанной прокуратурой Ростовской области экстремистской так называемой «Донской казачьей республики», настаивающей на превращении региона в автономную республику. Потому и казачество украинской части еврорегиона «Донбасс» может, имея пример подобной деятельности в соседнем российском регионе, выступить с соответствующими заявлениями.

Ростовской области в плане исторического процесса близки сопредельные украинские территории: Луганская область полностью, а Донецкая до Макеевки были частями дореволюционной Области Войска Донского. Да и сегодня рост казачьих формирований на территории регионов значим. И это в свою очередь выступает ключом для организации целого ряда этнокультурных казачьих фестивалей по обе стороны границы, а творческие казачьи коллективы выступают «послами интеграции» в данном еврорегиональном процессе.

С другой стороны, велика значимость и второго этнокультурного фактора — шахтерского. Донбасс всегда был известен как шахтерский регион, а большинство его жителей были шахтерами или имели родственников-шахтеров. Для Ростовской области это менее характерно, однако влияние Восточного Донбасса (Шахты, Гуково, Новошахтинск и др.) велико, что могло бы при дальнейших интеграционных процессах привести к созданию агломерации «Восточный Донбасс», объединяющей под единое управление все шахтерские города еврорегиона. Перекликается данный кластер и непосредственно с экономикой, и украинский бизнес (в частности главный олигарх страны Р.Л. Ахметов) проявляет очень большой интерес к ростовским месторождениям. Но и здесь предполагаемый процесс евроинтеграции Украины привел к большим издержкам для угольной сферы: недавнее заявление в связи с этим губернатора Ростовской области В.Ю. Голубева об ограничении

ввоза на территорию области украинского угля с содержанием серы более 1% может нанести значимый удар по украинскому угольному экспорту.

Интересная роль в процессе создания еврорегиональных объединений у Автономной Республики Крым. Это единственный регион Украины, в Конституции которого прописаны его автономный статус и права, делегированные официальным Киевом, что в свою очередь ставит под сомнение абсолютную унитарность Украины. Одним из первых идею создания еврорегиона с участием Крыма выдвинул народный депутат Украины от Партии регионов В. Колесниченко. На заседании Международного фонда сотрудничества и партнерства Черного и Каспийского морей, проходившего в Брюсселе 9—10 декабря 2010 г., он выступил с инициативой создания еврорегиона «Русское море» с участием Автономной Республики Крым, Севастополя и Краснодарского края. А 8 октября 2012 г. председатель Верховного Совета Крыма В. Константинов поручил постоянным комиссиям парламента автономии изучить перспективы создания еврорегиона (экономического района) «Крым—Кубань». «В автономии есть все предпосылки успешно расширять межрегиональное сотрудничество в новой для нас организационной форме — в формате еврорегиона. Это позволит более динамично развивать Крым в экономической, инвестиционной и социально-культурной сферах» [6], — отметил он. Создание совместного еврорегиона произойдет в ближайшее время, при этом руководство как Республики Крым, так и Краснодарского края ведет проработку совместных проектов, дабы новоявленное трансграничное образование не осталось только на бумаге.

Формирующийся еврорегион интересен тем, что как с российской стороны, так и с украинской в него войдут регионы, наделенные официальным центром расширенными правами. Краснодарский край имеет весьма широкие права как во внутренней, так и во внешней сфере экономики и политики, что может крайне позитивно сказаться на запуске совместных кластеров с Крымским полуостровом. Последствием может выступить создание единой курортной зоны от Евпатории до Сочи. Также данный статус позволит ускорить строительство стратегически важного моста через Керченский пролив и урегулировать целый ряд проблем, возникших вследствие демаркации границы в Азовском море. Лидеры субъектов будут сами договариваться и решать проблемы, возникающие в северо-восточном Причерноморье. Российский Черноморский флот, выступающий гарантом стабильности в регионе, также может выступить фактором большей интеграции еврорегиона «Крым—Кубань». На всем этом фоне статус Автономной Республики Крым возрастет еще больше, его внешнеэкономическая дея-

тельность расширится, что может привести к стремлению и остальных регионов Украины изменить их административно-территориальный статус.

Переходя к выводам, отметим следующие моменты.

Еврорегионы в качестве инструмента локальной интеграции имеют достаточно большой опыт применения. Обладая «гибкостью», они могут быть применены в любой части Европы и сопредельных территориях. Оттого и использование их в системе российско-украинских отношений может быть достаточно эффективным. Возможна их адаптация под постсоветские реалии и создание «евразийских регионов».

Государственная политика Украины в ближайшей перспективе будет направлена на развитие еврорегионов с участием стран ЕС. Российско-украинские еврорегионы будут поддерживаться большей частью за счет российской стороны. Потому «выравниванию» процесса может способствовать лишь реализация «бюджетного федерализма» регионов, что станет «импульсом» процесса федерализации страны в целом.

Как и в еврорегионах, созданных в Европейском союзе, в российско-украинском приграничье, кроме уже присутствующего этнокультурного единства, идет процесс создания единой экономики. Характерной чертой выступает доминирование украинского экспорта над российским, что влечет за собой большую заинтересованность украинской стороны в развитии еврорегионов и расширении прав и свобод украинских приграничных территорий во взаимоотношениях с Россией.

Для эффективной реализации российско-украинских еврорегионов следует изменить специфику взаимоотношений по оси «центр — периферия» как в России, так и на Украине. Федеративный принцип устройства РФ позволяет расширить региональные права для приграничных областей, переведя их в статус автономных образований и доведя до уровня края. В то же время подобные процессы следует провести и на территории Украины, однако здесь понадобится изменение уже не только статуса приграничных регионов, но и всего принципа административно-территориального устройства страны. Переход Украины из унитарного государства в федеративное является вполне возможным ввиду наличия прецедента автономии — Республики Крым, а также того фактора, что все приграничные территории страны входят в состав еврорегионов с другими странами, что несомненно требует от центра передачи больших прав и функций регионам.

Сегодняшний внешнеполитический курс развития Украины также может повлиять на изменение ее административно-территориального статуса. И здесь на судьбе украинских регионов вполне могут отра-

зяться европейские региональные конвенции. Уже сейчас, согласно европейской языковой хартии, на Украине был принят закон о региональных языках. В случае подписании в будущем ассоциации с Европейским союзом официальный Киев должен будет выделить большие права, вплоть до автономии, для Галичины, Закарпатья, Буковины и Буджака, которые входят в общие с ЕС еврорегионы. Конечно, на первоначальном этапе этого нового витка интеграции говорить о трансформации Украины в федерацию еще рано, но и о сохранении абсолютной унитарности говорить не приходится. Западные приграничные регионы получают наибольшие возможности (по сравнению с центральными и восточными регионами страны) для интеграции в «европейский дом». Их руководству предстоит еще большее усиление взаимодействия с европейскими регионами, которым хорошо знаком институт еврорегионов. Следствием чего и станет расширение прав в политической и экономической сферах для западноукраинских регионов. При дальнейшей интеграции Украины в ЕС федерализация страны будет неизбежна. Тогда уже не только западные, но и остальные регионы страны будут вовлечены в различные общеевропейские проекты, что и повлечет расширение их прав и свобод (см.: [7—17]).

Иначе говоря, любой путь интеграции Украины — как с Таможенным, так и с Европейским союзом — ведет к изменению ее административно-территориального статуса. Дальнейшее «противостояние регионов» невозможно. И в этом есть интерес как внутренних, так и внешних акторов. Федерализация страны выгодна и Донецку со Львовом, и Брюсселю с Москвой. Выгодна она и всей Украине в целом, как и нынешнему президенту В. Януковичу, который должен сделать ее приоритетной целью в случае своего выдвижения на новый президентский срок в 2015 г.

Литература

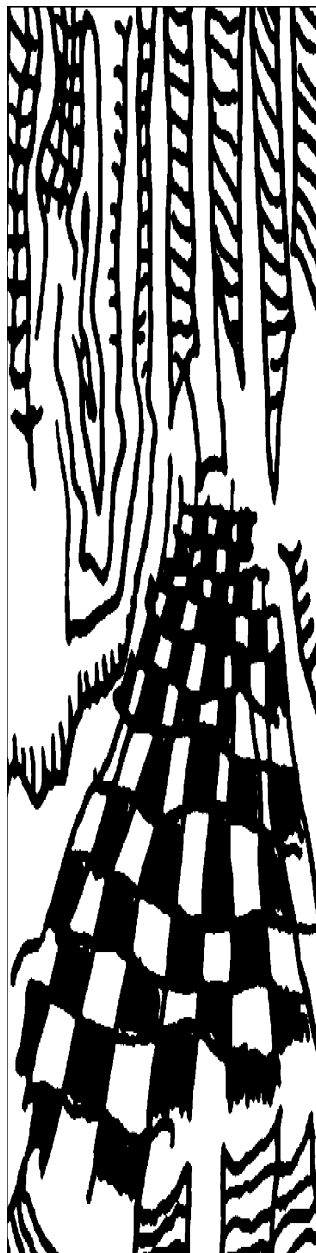
1. Приднестровские инициативы о вовлечении в евразийские интеграционные процессы как ответ на существующие региональные вызовы // Евразийское Приднестровье // <http://www.eurasian.su/article/pridnestrovskie-iniciativy-o-vovlechenii-0> (дата обращения: 25.12.2013).

2. Внукова Н.Н. Украинско-российское трансграничное сотрудничество еврорегионов // Бизнес приграничья: проблемы и возможности повышения конкурентоспособности региональных экономик: сборник материалов бизнес-форума в рамках многоотраслевой выставки-ярмарки Еврорегион «Ярославна», 5 марта 2010 г. / Администрация Курской области. Курск, 2010.

3. Концепция Государственной программы развития трансграничного сотрудничества на 2011—2015 гг. // <http://pravocenter.com/zakonodatelstvo/1061-ob-odobrenii-koncepcii-gosudarstvennoj-programmy.html> (дата обращения: 25.12.2013).
4. Донецк просит бюджетный федерализм // <http://donbass.ua/news/region/2013/03/26/doneck-prosit-bjudzhetnyi-federalizm.html> (дата обращения: 25.12.2013).
5. Донских казаков потянуло на Волгу // <http://www.kommersant.ru/doc/619363/> (дата обращения 25.12.2013).
6. Крымский спикер предлагает объединение Крыма с Кубанью в еврорегион «Крым—Кубань» // <http://argumentua.com/novosti/krymskii-spiker-predlagaet-obedinenie-kryma-s-kubanyu-v-evroregion-krym-kuban> (дата обращения: 25.12.2013).
7. *Грушевский М.С.* Освобождение России и украинский вопрос. СПб., 1907.
8. *Грушевський М.С.* Рух політичної суспільної думки в ХІХ столітті // *Грушевський М.С.* Твори: У 50 т. Т. 1.
9. *Грушевський М.С.* Хто такі українці і чого вони хочуть. К., 1991.
10. *Драгоманов М.П.* Чудацькі думки про українську національну справу. Львів, 1892.
11. *Колесниченко В.В.* Федеративная Украина: безальтернативная альтернатива развития украинского государства // *Голос Украины.* 2009. 15 окт.
12. *Костомаров Н.И.* Две русские народности (Письмо редактору) // *Основа.* СПб., 1861. № 3.
13. *Рудницький С.Л.* Коротка географія України. Ч. II (Антропогеографія). Львів, 1914.
14. *Рудницький С.Л.* Чому ми хочемо самостійної України. Львів, 1994.
15. *Рудницький С.Л.* Українська справа зі становища політичної географії. Берлін, 1923.
16. *Тихонов В.Н.* Манифест федерализма, или Путь к демократическому государству. Луганск, 2004.
17. *Толочко П.П.* Украина в оранжевом интерьере. К., 2012.

II

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

И.Р. БУГАЯН

**Россия в современном мировом хозяйстве:
приготавливаемое ей место и субъективно ощущаемое
«не так сидим»**

Аннотация. Для настоящего времени характерно одновременное и вынужденное сосуществование всевозможных империй. Поскольку факторы производства всегда строго субординированы, то и империи, возникшие в период доминирования одного из них, — тоже. Каждая из них, чтобы выжить, должна специализироваться на развитии фактора, на основе которого когда-то возникла, обеспечивая его соответствие ныне доминирующему — предпринимательству — на основе новых информационных технологий. Россия как империя возникла на основе доминанты земли и таковой остается и по сей день, преимущественно опираясь на этот фактор производства.

Ключевые слова: доминантный фактор производства и товар; их субординация и влияние на субординацию ныне существующих империй; место и миссия России в их системе.

Abstract. For the present the simultaneous and compelled coexistence of various empires is characteristic. As factors of production are always strictly subordinated, the empires which have arisen on its basis in the period of domination of one of them too. Each of them to survive, has to specialize on development of a factor on the basis of which once it arose, providing its compliance to nowadays dominating, to business on the basis of new and information technologies. Russia as the empire arose on the basis of a dominant of the earth and that remains, to this day, mainly leaning on this factor of production.

Keywords: main factor of production and goods; their subordination and influence on subordination of existing empires; place and mission of Russia in their system.

В современном мире уже много лет нет глобальных войн, столкновений. Одновременно сосуществуют империи, сложившиеся в разное время и соответственно на основе различных, доминирующих тогда факторов производства.

Россия сохраняется как империя, но на основе доминанты фактора производства «земля». Земля как кормила нас в прошлом, так кормит нас и сегодня.

Изменилась содержательная часть того, что мы сейчас продаем на международном рынке, но суть сохраняется. Когда мы отправляем за границу по трубопроводам газ, нефть или иными видами транспортных средств руду, лес, мы продаем часть нашей земли.

Мы возникли на основе земли в момент доминирования этого фактора и продолжаем жить за его счет. Наша империя «не новая», и мы в чем-то продолжаем жить тоже по-старому.

Однако за несколько столетий многое изменилось: земля как фактор производства утратила в мировом хозяйстве доминантные свойства. Ни наше население, ни бюджет российского государства не могут извлечь из нее доход, сопоставимый в неизменных ценах с прежними временами, например, периодом царствования Екатерины II. Причина в том, что в современном мире место земли как доминантного фактора производства заняло запрещенное в СССР частное предпринимательство. Именно оно, наряду с государственным предпринимательством, стало ныне доминирующим фактором производства, т. е. фактором, инвестиции в который дают наивысший хозяйственный результат.

И это не все! Само частное предпринимательство стало другим; его современная форма основывается на совершенно иных доминантных товарах, сама собственность на которые является достаточным основанием для присвоения прибавочного продукта.

Речь идет о вызванных НТР и НТП новых и информационных технологиях.

Ныне разрешенные — частная собственность и частное предпринимательство — сами по себе ни России, ни другим странам ничего существенного дать не могут и не дали ни в росте эффективности, ни в качестве производимых товаров. Они не вбирают и не используют, в отличие от периода нэпа, когда доминировал капитал, ныне доминирующие фактор производства и товар — предпринимательство на основе новых и информационных технологий.

Нынешние российские частная собственность и предпринимательство преимущественно не современны. В своем большинстве они из прошлого, предпочитают опираться на капитал, землю — на что угодно. Главное для них — избежать хлопот с НТР и НТП, создающими основу общепризнанного в мире всеобщего богатства — новых и информационных технологий. Между тем без них невозможно полноценно участвовать в международных распределительных отношениях, позволяющих присваивать мировой прибавочный продукт на основе лицензионных договоров и договоров о совместной деятельности.

Несмотря на обилие ошибок в выборе направлений развития страны в прошлом, стратегически главное — именно то, что в России было сделано основательно и с большим запасом прочности, сохранено.

Оборонно-промышленный и авиакосмический комплексы, в целом, продолжают оставаться конкурентоспособными. В отдельных стратегически значимых направлениях удалось добиться ощутимых результатов, которые, в частности, проявились в ходе как запланированных, так и «незапланированных» (в Средиземном море) недавних пусков ракет.

Расходы России на дальнейшее освоение космического пространства стали сопоставимы с бюджетом ЕС на эти же цели — около 4 млрд евро (в США — 18 млрд дол.; расходы Китая закрыты). Объявлено о планах вывода в космос уникальной российской обсерватории по дальнейшему изучению околоземного и более отдаленного пространства, предусмотрены посещения Луны тремя российскими аппаратами для размещения на ней в будущем российской базы, имеющей как фундаментальные, так и прикладные научные и иные цели.

В своем телевизионном интервью 5 января 2014 г. министр обороны России С.К. Шойгу подтвердил, что действительно проявились соседи, имеющие претензии в отношении нашей кормилицы-земли. И дал понять, что применительно к России силовыми методами эти претензии материализовать трудно, если можно назвать трудным то, что невозможно.

Обеспокоенность граждан России вполне понятна. Землю как фактор производства, который как в прямом, так и в переносном смысле нас кормит, надо охранять. Если этого не делать, то им обязательно попытаются воспользоваться другие.

Все наши сегодняшние усилия по укреплению обороноспособности страны вызваны не только общенациональными интересами безопасности, но и тревогой той части наших сограждан, интересы и доходы которых в разных формах (прибыль, рента, зарплата) непосредственно связаны с месторождениями природных богатств России. Те из них, которые, являясь собственниками, «сели» на трубы, транспортирующие нефть, газ, другие природные богатства, наконец, стали понимать, что, если нефтеносные земли, трубопроводный и прочий их капитал не охранять на государственном уровне, то они могут лишиться всего. Поэтому их отношение к выплате сравнительно небольших в сопоставлении с другими странами налогов (13% от прибыли против 60%) стало меняться. В государственном бюджете появилось больше средств для обеспечения надлежащей безопасности страны.

Мы — империя, но империя, которая, несмотря на успешно проведенную индустриализацию, продолжает во многом зависеть от прежнего, средневеково-доминирующего фактора производства — земли.

Если российский народ и страна в целом живут во многом за счет земли, то неизбежно возникновение соответствующих хозяйственных

отношений, которые не могут в этом случае ни носить оттенка феодализма, в том числе и в экономической политике. Поэтому у нас больше всего ценят, возможно, вынужденно, предпринимателей, связанных с землей. Что бы с ними ни происходило, они оказываются более терпеливыми и приспособляемыми.

Дело, связанное с землей, перенести куда-то сложно. А бросить — значит лишиться ставшего привычными не только дохода, но и образа жизни в целом.

Эффективность современного предпринимательства — на основе новых и информационных технологий — по сравнению с предпринимательством, связанным с землей, несмотря на «высокие цены» на нефть, газ и др., объективно и несравненно выше.

Программный продукт «Windows» семилетней давности исправно приносит доход и сегодня. Издержки же на его поддержку несопоставимо малы по сравнению с издержками на поиски, обнаружение, добычу (часто в труднодоступных местах), хранение, транспортировку и т. д. нефти, газа или любого другого природно-земельного блага.

Природные кладовые земли ограничены, интеллектуальные же возможности, а значит, и соответствующая собственность как результат предпринимательской деятельности в этой сфере от подобных ограничений свободны.

Возникшее противоречие между непрерывно и лавинообразно нарастающим человеческим интеллектом, соответствующими технологиями, создаваемыми им, и освоенными ограниченно-природными ресурсами пока не носит антагонистического характера. Но со временем оно неизбежно обострится и настоятельно потребует освоения — сначала околоземного, а затем и прилегающего космического пространства.

Рассчитывать на успех в этом беспрецедентном по масштабам и глубине деле можно лишь при одном условии — тесном сотрудничестве империй, которые возникли в разное время и на основе различных факторов производства, доминирующих в прошлом. Причем каждая из них, развивая как бы «свой» доминирующий фактор производства, в кооперации с другими, вынужденно стремится привести его в соответствие с ныне доминирующим фактором производства — доминирующим в настоящее время. И это уже происходит.

С современным предпринимательством, успешно развиваемым странами «золотого миллиарда», входящими в ЕС, вынуждены приводить в соответствие:

- труд в странах, принимающих их технологии на основе лицензионных соглашений и договоров о совместной деятельности, — Китае, Индии, др.;

- землю в странах, обеспечивающих новые и информационные технологии необходимыми энергоносителями, сырьем, предметами труда — Бразилии, Индонезии, России, Саудовской Аравии, др.;

- капитал, создаваемый в США, ЕС, Японии,купаемый, прежде всего современной мировой фабрикой — Китаем и прочими «тиражерами» товаров массового спроса на основе новых и информационных технологий, принадлежащих гражданам стран «золотого миллиарда».

Таким образом, происходит нечто совершенно новое. Вместо постоянных антагонистических противоречий, ведущих с неизбежностью к войнам, приходит другая неизбежность — межимпериальная специализация и соответственно разделение как бы «обязанностей» по развитию каждой империей «своего» фактора производства.

В этот процесс, вслед за странами-лидерами, империально связанными новым (пофакторным) международным разделением труда, по существу, во вновь образовавшееся сообщество, формирующееся под влиянием современного предпринимательства, вовлекаются и другие страны — страны-аутсайдеры. Они, в свою очередь, начинают создавать на своем уровне аналогичные, пофакторно специализирующиеся сообщества. Это, как правило, вызывает раздражение стран «золотого миллиарда», гражданам которых принадлежит 95% всего современного богатства — доминантного товара, которым сегодня располагает человечество, и примерно столько же функционирующего доминантного фактора производства мира — предпринимательства на основе новых и информационных технологий.

При таком крайне неравномерном, не имеющем аналогов в прошлом распределении современного богатства нетрудно понять мотивы поведения политиков стран «золотого миллиарда». Их тревожит возникающее обилие участников мирового хозяйства, пытающихся стать на его поле полноправными «игроками» с амбициями, не укладывающимися в негласную «табель о рангах». С ними трудно договариваться!

Труд и землю как факторы производства мирового хозяйства представляют страны БРИК. Современное предпринимательство и капитал — страны «золотого миллиарда». Можно еще принять во внимание дружественные страны, богатые нефтью, газом и другими полезными ископаемыми. А что делать с другими, особенно теми странами, которые тоже располагают немалыми богатствами своих недр, но не дружелюбны и не знают «своего места»?

Выход был найден. Надо «помочь» народам этих стран освободиться от «неправильных правительств». Методы, примененные в Сербии, Ираке, Ливии, а теперь в Сирии и даже уже на территории

СНГ — на Украине, а ранее в Грузии, не исключают прямого военного вмешательства.

Страны «золотого миллиарда» понимают — это опасно. Но большинство из них либо империи, либо — в империи. Следовательно, политика у них не может быть иной — неимперской. Ее суть была, есть и будет всегда и везде экспансионистской. Договоры между империями — оплотом демократии и либерализма в лице ЕС и «зла» в лице СССР — относительно сфер влияния и суверенных территорий оказались обязательны только для России.

Ничего нового! Для более сильной стороны межимперального договора, в данном случае — ЕС, его выполнение оказалось необязательным. «Не корысти ради, а токмо волей...» нерушимых принципов демократии, волеизъявления народов и, конечно же, поддержки вездесущих США Россия не только была вытеснена из Восточной Европы, но и лишилась части своих исконно имперских территорий. И не только в Прибалтике!

Надо иметь в виду, что одновременно и параллельно с нами столетиями существуют другие империи. Некоторые из них насчитывают тысячелетние истории и основаны тоже не на современном доминирующем факторе производства: Китай и Индия возникли раньше России — на основе доминанты труда. США — позже — на основе доминанты капитала. У всех у них соответственно свои так называемые «оттенки».

Единственная империя, впервые и недавно возникшая на основе современного предпринимательства и продолжающая свое развитие, преимущественно на его основе — это ЕС.

Раньше между зарождающимися империями и теми, которые возникли до них, на основе предыдущего доминирующего фактора производства, были неизбежны антагонистические противоречия. Они, как правило, разрешались войнами. Достаточно напомнить о трех Пунических войнах между Римом и Карфагеном, продолжавшихся 140 лет, которые закончились лишь тогда, когда Карфаген был повержен, а земля под ним была вспахана с солью в знак того, чтобы ничего подобного на этой земле больше никогда не произрастало.

В этом знаковом действии не содержалось намерения уничтожить и предыдущий имперский этнос — финикийцев, населявших город Карфаген.

Раньше в межимперских столкновениях античного и феодального периодов, возникших на основе иных факторов производства (отличных от капитала), жители поверженных территорий только лишь из-за своего этнического происхождения уничтожению, как это произошло

при капитализме XIX в. с коренным населением Америки и XX в. — Малой Азии и Европы, не подлежали.

Сейчас времена другие. Наличие у всех, по крайней мере, у большинства нынешних империй «оружия сдерживания» вынуждает их сосуществовать одновременно и относительно мирно. Но дело не только и не столько в этом.

Главное — завершился шеститысячелетний цикл, в течение которого происходило полное перемещение доминантных свойств между всеми факторами производства, совпавшее с феноменальным природно-астрономическим явлением — парадом планет.

Начало каждому последующему подобному циклу определяет возврат доминантных свойств — после труда, земли и капитала вновь к фактору производства — предпринимательству и соответствующему ему доминантному товару.

Шесть тысяч лет назад предпринимательство было посредническое, а его доминантным товаром являлось золото; ныне предпринимательство стало иным. Оно основывается на достижениях НТР и НТП, а в качестве доминантных товаров используются новые информационные технологии.

Каково предполагаемое место, которое должна занимать Россия в этом новом цикле и современном мировом хозяйстве? Место, которое никого бы не тревожило, не ущемляло, ни у кого ничего бы не только не отнимало, а, наоборот, было бы желательным для всех; совпадало бы и с чаяниями, и надеждами как непосредственных соседей, так и прочих стран мирового сообщества?

Нам представляется, что необходимо заниматься альтернативными энергиями и снабжением земель не только и не столько сырьем, извлеченным непосредственно из земли, как это происходит сегодня, а предметами труда и энергией, в том числе космического происхождения, создаваемыми на основе отечественных новых и информационных технологий. Дальнейшее освоение космического пространства было, есть и должно остаться навсегда первейшим стратегическим приоритетом нашей страны — первопроходца, пионера, открывшего другим народам путь из общей земной колыбели человечества в их безбрежное будущее. Именно в этом направлении должна развиваться экспансионистская суть имперIALности России.

Сейчас мы это направление общечеловеческой стратегии в одиночку развивать не в состоянии, и необходимость в ней не острая. Но возглавить обязаны!

Имея такое богатство, как обширные земля и ее недра, возникает забота: надо все это сохранить и наилучшим образом тактически использовать для достижения названных стратегических целей.

Китай имеет доминирующим фактором производства труд, который предшествовал доминанте земли. Это еще дальше от современного предпринимательства, чем земля.

Большую заботу вызывает у других империй изменяющееся положение США в мировом хозяйстве. США стали сдавать свои позиции относительно недавно — пропорционально утрате в мировом хозяйстве доминантных свойств фактора производства — капитала, на основе которого страна возникла. Отсюда разнообразные и понятные предчувствия и политиков, и населения страны, тревоги и сопутствующая им повышенная агрессивность.

Империям необходимо сосуществовать. Англия безупречно соответствует этой необходимости: она имеет большой исторический опыт имперского сосуществования, обладает видением и чувством меры. Это способствует тому, что мировой центр современной «предпринимательской мастерской» медленно, но верно перемещается в Европу. Более точный адрес этого перемещения — Соединенное королевство, которое в силу этого постоянно пытается в ЕС занять какое-то особое место.

Королевство сохранило свою валюту, а также другие отличительные черты и даже объявило о намерении провести в стране референдум по выходу из ЕС, что, на наш взгляд, в лучшем случае блеф, в худшем — приведет к непростительной ошибке.

Существует мнение, что СК — это не Европа, или, скажем так, не совсем Европа. На наш взгляд, это следствие извечного стремления Англии чем-то отличаться от других членов «своей стаи».

Уместно напомнить, что Великобритания в прежние времена была неоднократно подвергнута европейской колонизации; вторично после римлян-рабовладельцев завоевана норманнами — феодалами из Европы. Вся ее территория, согласно книге «Страшного суда» Вильгельм Завоевателя, была поделена между его рыцарями, потомки которых до сих пор заседают в Палате лордов СК. Пройдя рабовладельческую и феодальную стадии европейской колонизации, никто не может отличаться от Европы настолько, чтобы стать не-Европой.

Вторая нынешняя межимперская необходимость — *сотрудничать пофакторно*. Она предполагает, что каждая империя развивает свой фактор — фактор производства, на основе которого она возникла в прошлом или формируется ныне.

Китай и Индия — старые империи, возникшие на основе доминанты фактора производства — труд и доминантного товара — рабы. Примечательно, что труд как доминирующий фактор в этих странах претерпел спустя тысячи лет как бы второе пришествие.

Нечто подобное должно произойти и в России, но уже с иным, для нее характерным, доминирующим фактором — землей — в том аспекте, который был нами предложен выше.

Смысл и побудительный мотив второго пришествия названных факторов производства в перечисленных империях в том, что они должны получить в них такое развитие, которое обеспечивает их соответствие современному общемировому доминирующему фактору производства — предпринимательству на основе новых и информационных технологий. Это необходимое условие полноценного участия этих стран в современных мирохозяйственных отношениях.

Невозможно не заметить, что фактор производства «труд» и в Китае, и в Индии за исторически ничтожное время получил фантастическое развитие и оказался способным, сохраняя свою относительную дешевизну, производить по технологиям, предоставленным предпринимателями стран «золотого миллиарда», наукоемкую продукцию, соответствующую платежеспособному спросу мирового рынка. То же, но впервые с фактором производства «труд» происходит и в Бразилии.

Все империи полиэтничны. Но ведущий этнос всегда присутствует. Это третья необходимость. Она не зависит от того, существовал ли этот этнос раньше, до приобретения статуса ведущего, или возникает сейчас вместе с факторной доминантой рассматриваемой империи.

Внешним признаком существования такого этноса является принадлежность наиболее распространенных в межэтническом общении языка, денег, инструментов, оружия, блюд кухни, бытового и общественного уклада. Перечень можно продолжить.

Возникновению имперского этноса русских положило начало разразившаяся в золотоордынской империи междоусобица. По существу, это была «гражданская» война, в которую ее западная окраина — Русь — была вовлечена, вынужденно приняв на свою территорию несколько сот самых знатных чингизидов, уцелевших после кровавого пира, учиненного ханом Узбеком.

Буквально за несколько дней Москва, куда они прибывали вместе со своими сторонниками, невероятно усилилась. Де-факто, она вобрала в себя носителей интеллектуально-империальной субстанции тогдашней ордынской империи. Потомки этих золотоордынцев, победив совместно со знатью московской в судьбоносном сражении на Куликовом поле, вошли в аристократический костяк следующей за ордынской — уже Российской — империи.

Через конкретных людей, принявших участие в конкретных судьбоносных исторических событиях, произошел синтез двух империальных культур: римско-византийской, представленной Русью, и золотоор-

дынской, положивший начало формированию современного евроазиатского вообще и русского этноса и Российской империи в частности.

Русские как статусный этнос формировались в ходе длительной гражданской войны в Золотой Орде, в которой приняли участие практически все населявшие ее этносы. Это проявляется как в необычайном многообразии народов, проживающих на территории Дагестана, где произошло решающее сражение, так и в самом названии статусного этноса. На вопрос «кто вы?» получаешь ответ в виде прилагательного: «мы русские», т. е. именно *какие*, а не *кто*!

Именно они — *какие* — вызвали со временем трансформацию золотоордынской империи в империю российскую, с центром — Москва. А столетия спустя «красные», победив в новой гражданской войне, дали жизнь в начале XX в. на этой же территории новой империи — Советскому Союзу³.

А.А. ГРИЦЕНКО

Ноодирижизм

Аннотация. Раскрыто содержание ноодирижизма как адекватной формы управления-самоорганизации нооиндустриальности, в которой разум превращается из внешнего целеполагания для системы машин во внутренний момент функционирования био-социо-индустриального тела. Показано, что основополагающими составляющими нооиндустриализации являются нано-, био- и социоиндустриализация.

Ключевые слова: ноодирижизм, нооиндустриализация, биоиндустриализация, социоиндустриализация.

Abstract. This article discloses the substance of noodirigism as an adequate form of management-self-organization for nooindustrialty where mind turns from external goal-setting for system of machines into an internal momentum of bio-socio-industrial body. It is shown that the basic component of nooindustrialization are nano-, bio- and socioindustrialization.

Keywords: noodirigism, nooindustrialization, bioindustrialization, socioindustrialization.

Дирижизм возник как феномен индустриально-рыночной экономики, обнаружившей неспособность решать все экономические проблемы на основе законов саморегулирования. Его родиной является

³ Продолжение следует.

Франция, нуждавшаяся после Второй мировой войны в активной государственной политике, направленной на восстановление экономики.

Рыночное саморегулирование способно решать свои задачи только тогда, когда экономические явления и процессы формируются на основе внутренней естественноисторической логики развития. Этим достигается структурная сбалансированность хозяйства. Если же структурные пропорции нарушены войной или какими-то другими внешними факторами, то саморегулирование может работать на углубление диспропорций.

Дирижизм рассматривается обычно как «политика активного вмешательства государства в экономику, основанная на теории французского экономиста Ф. Перру о принципах индикативного (рекомендательного) государственного планирования по наиболее важным направлениям развития экономики. Для индикативного планирования было характерно применение прямых методов вмешательства государства в экономику — контроль над ценами, широкая кредитная деятельность, эмиссия ценных бумаг, активная предпринимательская деятельность государства, владевшего значительной частью промышленных и транспортных предприятий, и др.» [1]. Однако современная экономика является в значительной степени постиндустриальной и неоиндустриальной. Разумеется, дирижизм также должен отвечать новым реалиям.

«Неодирижизм, — отмечает Ю.М. Осипов, — дирижизм эпохи неоиндустриализма: гибкий, дискретный, побудительный, игровой (что-то вроде судьи на футбольном поле). Это дирижизм, сочетающийся с неолиберализмом, который, в отличие от индустриального либерализма, не чужд кое-каким самоограничениям и не отвергает лимитов и ориентиров, задаваемых дирижизмом» [2, 4]. Следует отметить историческую сопряженность категорий индустриализма, частной собственности, рыночной экономики и дирижизма. Индустриальное развитие основано на развитии разделения труда, специализации, концентрации и механизации производства. Экономическим основанием этих процессов является частная собственность, а формой осуществления — рыночная организация хозяйства. В более общем цивилизационно-культурном плане — это эпоха Модерна.

Индустриализм технологически предопределяет определенную логику жизни и мышления, преимущественно механистические подходы, рациональность, различие истинного и ложного, наличие основного, сущностного и второстепенного, иерархичность, связывающую все элементы в целое, что и образует определяющие черты Модерна. Переход от модернистского проекта к постмодерной парадигме привел, по мнению Ю. Наризного, «к следующим результатам.

1. Отказ от построения *единой целостной системы* культурных норм в пользу множества различных нормативных систем, где место согласия и порядка занимают различия, разногласие, противостояния. Вместо порядка и иерархии в культуре возникают *хаос или ризома*.

2. *Монополия науки подорвана*. Приоритет имеют ненаучные дискурсы, прежде всего художественные. Доминирование эстетического в культуре.

3. *Истина или вообще не может быть познана, или имеет релятивную природу*, выразить ее можно не с помощью общезначимых категорий науки, а скорее благодаря использованию метафор, намеков, условностей, образов.

4. *Приоритетность личного, индивидуального, случайного, уникального*.

5. *Реальность не субстанциональна, а многомерна, существуют различные типы и формы реальности, в том числе «полевые» и «непрозрачные»*. Более адекватное описание реальности не как субстанции, а как «текста», *природа реальности не субстанциональна, а семиотична*, поэтому к ней более приложимы герменевтические процедуры (лингвистический поворот)» [4].

Постмодерн как первое отрицание модерна и индустриальности как его технико-технологического базиса находится в пространстве неопределенности. В нем много всего и разного, но нет ориентиров, истинного знания, все одинаково важно и неважно. Это есть отрицание и индустриальности, и рыночных законов, и дирижизма. Вполне закономерно, что все это представлено преимущественно в сфере культуры, где идеальное может свободно парить над материальным, остающимся преимущественно индустриальным, рыночным и дирижистским.

Постиндустриальность и неоиндустриальность как термины являются неопределенными. Они только указывают, что нечто следует после индустриальности и является новым, но не указывают, в чем состоит новизна и каково ее содержание. Поэтому данные термины отражают только первое отрицание индустриализма. А определенность предмета предполагает двойное отрицание: отрицание отрицания. Определить предмет — значит в буквальном смысле указать его пределы. Но чтобы знать, что дальше находится не-предмет, надо выйти за его пределы (первое отрицание). Иначе их нельзя обнаружить. Однако выйдя за пределы предмета и обнаружив, что дальше находится не-предмет, необходимо возвратиться к предмету (второе отрицание), но уже как вполне *определенному* предмету.

Для раскрытия содержания постиндустриальности и неоиндустриальности необходимо выяснить их содержательные характеристики.

Сделать это возможно только на основе теоретико-эмпирических обобщений, опирающихся на уже существующую практику. Современные мобильные телефоны и смартфоны, компьютерная техника, роботы, работающие на клеточном уровне, наноматериалы и нанотехнологии, соединение технического, биологического и социального — все это и многое другое включает в себя индустриальность, но более высокого уровня.

Второе отрицание — как возвращение к индустриальности через отрицание Постмодерна — придает индустриальности постмодернистскую форму. Это общий методологический момент. Например, потребительная стоимость, не являясь предметом политической экономии, входит в нее там, где придает форму экономическому отношению (например, различие между основным и оборотным капиталом возникает из учета особенностей предметно-функциональной формы средств производства, которая сама по себе в предмет политической экономии не входит). Виртуальная компьютерная игра, художественное конструирование, геновая инженерия и т. д. — постиндустриальные феномены, включающие «снятую» индустриальную составляющую.

Одной из фундаментальных причин неуспешности социалистического проекта в СССР явилась попытка преодолеть рыночную систему хозяйствования и частную собственность на индустриальной основе. Только тогда, когда основным производственным ресурсом и основным продуктом станут информация, знания, способности людей, возможна ситуация, при которой присвоения одних людей не исключают из присвоения этого же продукта других людей. В этих условиях общественная собственность становится формой существования личной собственности каждого индивида. Такая ситуация в принципе не возможна с собственностью на предметно-материальные блага, но органична для собственности на информацию, знания и способности.

Разумеется, все предшествующие достижения не отбрасываются, а диалектически снимаются, т. е. одновременно прекращаются и сохраняются [3, 168], и уходят в основание. Индустриальность не исчезает, а приобретает новую форму. Одной из теоретических, а вместе с тем и практических ошибок, было простое отрицание индустриальности, что проявилось в неадекватной оценке финансизации экономики, выводе за границы развитых стран индустриальных производств и т. д.

К наиболее важным чертам современной индустриальности следует отнести ее перемещение на наноуровень. Всемирное развитие нанотехнологий является формой неоиндустриализации. Ее собственное содержание может быть определено как *наноиндустриализация*. Другой важной чертой является соединение биологического и технического, включение в технико-производственные процессы биотехнологий и

технизация биологических процессов и организмов. Это можно назвать *биоиндустриализацией*. Наноиндустриализация создает предпосылки и формы для биоиндустриализации. И, наконец, происходит соединение социального и технического. Техническое развитие все больше учитывает социальные императивы, становится техническим воплощением социального. Социальный мир индустриализируется, а индустриализация социализируется. Этот процесс можно назвать *социоиндустриализацией*. Соединение этих трех базовых составляющих делает индустриализацию всеобщей, охватывающей весь природный и социальный мир и включающей в свое собственное движение разум не как внешне задаваемое целеполагание, а как внутреннюю способность к оптимизации движения всех составляющих.

Здесь уместна аналогия с ноосферой В.И. Вернадского [5]. Разум превращается из внешнего целеполагания для системы машин во внутренний момент функционирования био-социо-индустриального тела. Поэтому пост- и неоиндустриализация содержательно могут быть определены как *нооиндустриализация*, имеющая своими составляющими нано-, био- и социоиндустриализацию.

Соответствующим образом меняет свои характеристики дирижизм. Это уже не активное вмешательство в экономику на принципах индикативного планирования и не господство государственного директивного планирования над экономикой, а органическое присутствие государства в экономике в качестве неотъемлемого и незаменимого института, выполняющего свою собственную и незаменимую роль представителя общественных интересов, комплементарно соотносящихся в каждый миг и в каждой точке экономического пространства с частными интересами, представленными институтами рынка. Такие подходы к соотношению государства и рынка получили в последнее время активное развитие [6]. От Постмодерна в таком дирижизме присутствует отказ от всеобщего принципа, проводимого в экономической политике. На место этого приходит политика, соответствующая существу ситуации, месту и времени. В одном случае такая, в другом — другая, но неизменно адекватная ситуации, умная. Получается, что это и не совсем политика, так как последняя предполагает последовательность и принципиальность. Это дирижистская политика, никому ничего не навязывающая, никого ни к чему не принуждающая, но создающая стимулы, показывающая пример, договаривающаяся, в одних случаях стратегически ведущая, в других — просто помогающая, в третьих — препятствующая, в четвертых — призывающая и т. д. Это дирижизм, слившийся с самоорганизацией на уровне общества. Это — нооиндустриальность как адекватная форма управления (самоорганизации) нооиндустриальности.

Но это все в идеале. А такие страны, как, например, Россия и Украина, далеко еще не нооиндустриальные, хотя и ростки этого существуют. Они еще в значительной степени индустриальные с элементами доиндустриального и постиндустриального состояния. Есть и общинные и феодальные рудименты, причудливый синтез индустриализма, феодализма и социализма. Кажется, в такой ситуации собственно нооиндустриалистские и ноодирижистские рекомендации не очень подходят для практики. Однако дело в том, что нооиндустриальность и ноодирижизм допускают множественность разнообразных подходов, включая раннеиндустриальные, рудиментарные и пр., но лишь с одним условием: они всегда должны быть адекватными ситуации. И в этом плане ноодирижизм может быть реализован уже и в современном обществе, постепенно развиваясь и переходя к более высоким формам.

Литература

1. *Заславская М.Д.* Особенности государственного регулирования экономики во Франции. Экономическая политика дирижизма // http://uchebniki.ws/14050225/politekonomiya/osobnosti_gosudarstvenno-go_regulirovaniya_ekonomiki_frantsii_ekonomicheskaya_politika_dirizhizma.
2. *Осинов Ю.М.* Неоиндустриализация: сущность, значение и механизм реализации // [http://www.econ.msu.ru/cmt2/lib/c/1450/file/-Neoindustrializaciya_1\(1\).pdf](http://www.econ.msu.ru/cmt2/lib/c/1450/file/-Neoindustrializaciya_1(1).pdf).
3. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. Т. 1. М., 1970.
4. *Нарижный Ю.* Постмодернизм в культурологии // <http://postmodern.in.ua/?p=1722>.
5. *Казначеев В.П.* Учение Вернадского В.И. о биосфере и ноосфере. Новосибирск, 1989.
6. *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Индивидуум & государство: экономическая дилемма. М., 2013.

Е.В. ПАСТУКЬЯН

Влияние изменения субординации факторов производства на культуру

Аннотация. Изменение в субординации факторов производства является одним из основополагающих моментов при рассмотрении причин развития культуры. Характер доминирующего фактора произ-

водства оказывает влияние на тип формирующегося общества, а значит, и на все аспекты его культуры.

Ключевые слова: доминантный товар, субординация факторов производства, культура, империя, цивилизационный прогресс, трансцендентность.

Abstract. When we consider the reasons of cultural changes it is very important to take into account the role of the subordination of production factors. The character of the dominant production factor influences the type of the society and all aspects of its culture.

Keywords: dominant product, subordination of production factors, culture, empire, civilization progress, transcendence.

Вопрос о роли империй в цивилизационном процессе неизменно актуален в научных кругах. Одни ученые видят в империи исключительно реакционное начало, другие отмечают, что именно на период процветания великих империй пришелся расцвет наук и искусств, были сделаны важнейшие для человечества изобретения и крупнейшие открытия.

Так, в период возвышения Карфагена были заложены основы современных дисциплин финансово-экономического цикла — налогообложения, финансов, бухгалтерского учета. Римская империя дала человечеству театр [1], искусство исторического рельефа и портретной пластики [2], в этот период были заложены основы историографии и юриспруденции. В Средние века, в период господства феодализма в Европе, была внедрена гелиоцентрическая система мира, найдены морские пути в Африку, Америку, Индию. Капиталистическая Европа вызвала технический прогресс, дала миру ряд технологических нововведений, в частности, паровой двигатель, железную дорогу, точные механизмы с силовым приводом, печи для выплавки стали. А научно-техническая революция 1940—1950-е гг. инициировала автоматизацию производства, использование новых материалов, создание компьютера.

Именно империи раскручивают спираль цивилизационного прогресса [3, 17]. Они являются закономерными вехами в развитии человечества и демонстрируют необычайную культурно-историческую эффективность [4].

В философско-хозяйственном аспекте эта спираль прогресса эксплицируется посредством перемещения доминантных свойств между факторами производства [3, 17]; эта новая их субординация закладывает основу для возвышения иных этносов и создания ими новых империй.

В разные исторические периоды развития рыночных отношений доминантными свойствами обладали разные факторы производства.

Около 6 тыс. лет назад, в период становления рыночных отношений, доминантным фактором производства было посредническое предпринимательство, а доминантным товаром, т. е. товаром, собственностью на который позволяла присваивать прибавочный продукт, являлись деньги. Возникли сообщества людей, чьим основным занятием являлось посредническое предпринимательство. В дальнейшем эти люди сформировались в единый этнос — финикийцев [5, 43].

С течением времени меняется доминирующий товар, и на арену истории выходят новые этносы. Возникновение и длительное господство этносов древних арийцев связано с тем, что доминантным фактором производства стал труд; рабы стали приносить больший прибавочный продукт, чем посредническая предпринимательская деятельность. Начиная с V в. н. э. в недрах рабовладельческих отношений зарождаются феодальные, основанные на новой доминанте — земле. Набирают могущество новые этносы, возникшие на основе иного доминантного фактора производства.

В XVIII в. во многих странах Западной Европы возникает новый доминантный товар — рабочая сила. Развиваются мануфактуры, доминирующим фактором производства становится капитал. На его основе возникают новые этносы: американцы, австралийцы, др.

По мере развития цивилизации степенные показатели факторов производства продолжают меняться и наивысшего влияния в настоящее время среди них вновь достиг показатель, связанный с предпринимательством. Однако доминантным стал уже иной товар — новые и информационные технологии.

Иначе говоря, своеобразный круговорот доминантных факторов производства с периодизацией 6 тыс. лет приводит к тому, что доминантные свойства одних и тех же факторов производства проявляются в иных доминантных товарах, нежели в предыдущем кругообороте [6].

Изменение субординации факторов производства и выделение новой факторной и товарной доминанты влекут за собой появление новых этносов — исторически сформировавшихся групп людей, характеризующихся общностью происхождения и языковых и культурных признаков. Выдвижение нового доминантного фактора производства становится экономической основой для выделения нового этноса со своим особым типом хозяйствования [5, 33—34]. Возникает необходимость тесных деловых контактов между народами, группами людей, образующими этнос. Такова концепция, предложенная профессором И.Р. Бугаяном.

Этнос русских, по его мнению, возник на основе доминантного товара «земля». Наивысший расцвет Российской империи пришелся на годы царствования Екатерины II, именно тогда были присоединены

Северное Причерноморье, Северный Кавказ, Крым, часть современной Прибалтики и Белоруссии. На этих территориях жили разные народы — украинцы и белорусы, крымские татары и армяне, осетины, прибалты, поляки, евреи. Будучи присоединенными к России, территории эти переняли принятый в России тип хозяйствования, основывающийся на доминантном факторе «земля». Живущие на этих территориях народы начинают вести свои дела в рамках этого типа хозяйствования, у них формируются схожие ценности и мировоззрение, схожая культура. Возникает единый этнос, который, в свою очередь, состоит из отдельных субэтносов, отличающихся такими специфическими чертами, как национальный язык и национальная культура [5, 34].

Показателен пример этнических немцев, проживавших на территории Российской империи. При Екатерине II присоединенные территории изначально были малозаселены. Чтобы укрепить российскую государственность в приграничных районах, принимается решение о колонизации края. Льготные условия, обещанные русской императрицей, привлекли на эти территории безработных ремесленников и безземельных крестьян из соседних разоренных Семилетней войной германских владений. За десять лет на берегах Волги возникли 117 немецких колоний [7]. Переселенцы продолжали пользоваться своим родным языком, придерживались своих религий, но, будучи вовлеченными в хозяйственную деятельность, говорили на русском языке, постепенно перенимали элементы культуры русских и становились носителями культуры этноса русских.

Субординация факторов производства и выдвижение на первый план новой факторной и товарной доминанты являются одними из основополагающих факторов при рассмотрении причин динамики культуры. Для объяснения взаимосвязи понятий культуры и хозяйства обратимся к трактовке хозяйства С.Н. Булгакова, в соответствии с которой «хозяйство — есть борьба человечества со стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечения природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм. В хозяйственном процессе выражается стремление превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело, с его органической целесообразностью, поэтому в пределе цель эту можно определить как превращение всего космического механизма в потенциальный или актуальный организм, в преодоление необходимости свободой, механизма организмом, причинности целесообразностью, как очеловечение природы» [8, 63]. Хозяйство — это ответ человечества на необходимость отстаивать у природы свое право на существование, это «оборонительно-наступательное отношение человека к природе». Непременным условием хозяйства называется

наличность труда, в свете чего хозяйство приравнивается к трудовой деятельности [8, 64—65]. Таким образом, хозяйство рассматривается С.Н. Булгаковым как процесс (борьбы со стихией, приспособления окружающего пространства под свои нужды), как деятельность, в результате которой возникает массив материальных и нематериальных ценностей. Культура — результат внегенетически обусловленной деятельности людей, понятие культуры отражает определенный уровень развития общества и человека.

Не вызывает сомнения, что производство, работа, труд, учеба, рождение людей, их воспитание, образование, забота о здоровье, движение, досуг, развлечение относятся к хозяйству [9]. При этом, как и было отмечено ранее, речь идет о действиях, процессах и трудовой деятельности.

Результаты этих действий в виде средств производства и предметов потребления, достигнутого уровня развития науки, технологий, разнообразных открытий и прочих интеллектуальных достижений, в том числе в областях литературы и искусств; в целом ментальность и система ценностей, принятая в обществе, — все это образует культуру этноса.

Человечество в ходе истории постоянно взаимодействует с окружающей реальностью, природой и стихией с целью обеспечения для себя жизненного пространства и последующего его усовершенствования. В ходе преобразования природы человечество создает массив материальных вещей. Человечеством накапливаются знания, осваиваются новые умения, разрабатываются технологии. В обществе устанавливается определенная система ценностей, которая находит отражение в его литературе и искусстве. Именно эта совокупность сторон жизни общества рассматривается как культура в широком смысле этого слова.

Понятие культуры многоаспектно и всепроникающе, оно не ограничивается лишь духовностью или эстетикой, а характеризует уровень жизни человечества на определенном этапе его развития. Мы будем рассматривать культуру как сложную систему, включающую в себя следующие взаимосвязанные аспекты:

- материально-производственный: средства производства и продукты производства, уклад и уровень жизни;
- деятельностный: умения и технологии;
- информационно-знаковый: искусство и литература, издательское дело, наука, образование;
- духовный: ментальность и система ценностей.

Материально-производственный аспект связан, на наш взгляд, с формационной теорией развития общества. Наиболее очевидна эта

взаимосвязь при рассмотрении этапного типа культурной динамики, к которому применима историческая периодизация в соответствии с доминирующим типом социальных отношений — первобытное общество, рабовладельческое, феодальное, капитализм, постиндустриальное общество. Подобное традиционное деление не вбирает, как мы видим, всех особенностей социальной и культурной жизни определенного периода, но отражает некоторые общие принципы социокультурной регуляции.

Так, первобытное общество подразделяется на ряд периодов, последним из которых был железный век, характеризующийся распространением металлургии железа и изготовлением железных орудий, что привело к тому, что рабовладение стало экономически оправданным. Доминантные свойства переместились к фактору производства «труд», а степенной показатель остальных факторов производства (в числе которых и господствовавший до железного века фактор «предпринимательство»), оказались меньше степенного показателя фактора «труд».

Первобытный строй сменяется рабовладельческим, и тут уже господствует фактор производства «труд», доминантный товар — рабы. Владение рабами позволяет в тот период присваивать наибольший прибавочный продукт.

При феодализме доминантным фактором становится земля, а при капитализме — капитал [5]. Определенная субординация факторов производства оказывает влияние на социум, на образ жизни людей, ценности, ориентиры и приоритеты, т. е. культуру как общее содержание производственной деятельности, совмещающей в себе и технологические, и социальные, и духовные начала.

Постиндустриальное общество рассматривается многими учеными (Д. Белл, Д. Рисман, А. Тоффлер, З. Бжезинский, Дж. Гэлбрейт, А. Турен и др.) как новая, следующая за капитализмом, стадия социального развития, обусловленная, прежде всего, преобразованиями в производственной сфере. В 1980-е гг. Д. Белл ведущими характеристиками и отличительными чертами постиндустриального общества как нового социального уклада, основанного на телекоммуникациях, назвал разворачивающуюся революцию в обработке и организации информации и знаний, в которой центральную роль играет компьютер. Доминантным фактором производства снова становится предпринимательство на основе принципиально нового доминантного товара — новых и информационных технологий. Подобная субординация факторов производства на данном этапе истории ведет к развитию нового типа общества и культуры в широком смысле этого слова. Для него характерны «массовое распространение творческого, интеллектуального труда,

качественно возросший объем и значение научного знания и информации, развитие средств коммуникации, преобладание в структуре экономики сферы услуг, науки, образования, культуры над промышленностью и сельским хозяйством» [10].

На все аспекты культуры непосредственное влияние оказывают факторная и товарная доминанты. Из четырех факторов производства, два — предпринимательство и земля — трансцендентны по происхождению, а труд и капитал созданы человеком [5, 19]. Трансцендентность — философский термин, характеризующий то, что недоступно опытному познанию или не основано на опыте.

Талант предпринимательства и земля возникли не по воле или благодаря труду человека, они даны человеку особым априорным образом, и сами обуславливают возможность получения всякого опыта. Предпринимателями могут стать лишь очень небольшой процент людей, у них есть для этого все необходимые качества, в то время как остальные люди не обладают даром эффективного комбинирования факторов производства с целью получения прибыли. Земля также является данностью, обладающей огромным потенциалом. Факторы предпринимательства и земли не могут быть воспроизведены, либо сделать это очень сложно.

Раскрывая понятие трансцендентности, С.Н. Булгаков акцентирует внимание на неразрывной связи знания и хозяйства. Источником же знания является Мировая Душа — идеальный центр мира, состоящий из мыслей и воли всех людей [8, 133—135], в свою очередь индивиды являются представителями единого рода, идея которого существует в Божественной Софии [8, 139].

Именно Бог определил, что есть добро, а что зло. Именно в Божественной Софии прописана Истина, достижение которой позволит преодолеть разрыв между *natura naturans* (творящей душой природного мира) и *natura naturata* (теперешней природой). В идее Божественной Софии заложено понимание общечеловеческих ценностей — теоретически существующих моральных ценностей, не связанных с каким-либо сообществом индивидов или историческим периодом, а олицетворяющих фундаментальные ориентиры и нормы и являющихся абсолютным стандартом «правильности» для людей всех эпох и культур. Именно эти ценности обозначены как основополагающие добродетели верующих представителями всех основных мировых религий, в частности это доброта, преданность, честность, верность, вера, справедливость, любовь.

Характер господствующего доминантного фактора в хозяйстве, а именно, является ли он трансцендентным или имеет человеческое происхождение, оказывает непосредственное влияние на культуру хо-

зыйствующего этноса. В периоды доминирования факторов трансцендентного происхождения (предпринимательства и земли) человечество в большей мере подвержено воздействию метафизических факторов [3, 24], например, в обществе укрепляется роль религии как источника и воспитателя нравственности. Так, во времена господства феодализма в Европе, когда доминирующим фактором и товаром была земля, церковь и монастыри почитались особо именно как светочи нравственности и чистоты. Как отмечает Т.В. Ильина, само средневековое мировоззрение основывалось на теологии, в частности, искусство несет в себе символы запредельного и его главными чертами становятся спиритуализм и аскетичность [2].

Вся средневековая культура подвержена влиянию метафизического — достаточно вспомнить череду Крестовых походов, разделение Вселенской церкви на Римскую католическую и Восточную православную (1054) и дальнейшее отделение от Католической церкви протестантов (XVI в.), инквизицию в Средневековой Европе. Воздерживаясь от оценки данных исторических фактов, мы, однако, считаем необходимым подчеркнуть всепроникающую значимость теологии в средневековой европейской культуре (и в том числе в искусстве). Так, возникает романское направление в искусстве, излюбленным сюжетом которого становится борьба между сатаной и Богом за душу человека. И в зародившемся в XII в. направлении готики также чувствуется влияние метафизического, искусство этого периода ориентировано на провозглашение победы христианской истины над силами зла [2]. Общество жило идеалами рыцарства — верности своему сеньору и служения прекрасной даме, чей моральный облик был строг и нравствен. Сеньор на земле олицетворял Бога на небе, обладал той же значимостью и требовал аналогичной преданности.

В период, когда доминирует фактор капитала, в Европе главным благом становятся деньги и благосостояние. Зачастую духовный аспект культуры общества на определенном этапе истории находит отражение в литературе и искусстве. Для Европы периода расцвета капитализма знаковым с этой точки зрения является творчество Чарльза Диккенса и Уильяма Теккерея. В середине XIX в. уже проложена первая железная дорога, английская промышленность развивается быстрыми темпами. Благодаря тому, что в легкой промышленности труд рабочих механизмуется, себестоимость тканей падает. Это разоряет ткачей-ремесленников, поскольку мануфактуры не могли конкурировать с машинами. Ткачи вынуждены наниматься на фабрики, соглашаться на тяжелые условия труда. Растущая промышленность требует все большего количества рабочих, капиталисты нанимают все больше женщин и детей, труд которых оценивается дешевле. Число бедняков

увеличивается, растет арендная плата, капиталисты становятся богаче, бедняки и средний класс становятся еще беднее.

Роман У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» повествует как раз об этом периоде в истории Англии. Внимание читателей акцентируется на мелочности житейской суеты так называемых «хозяев жизни». Героям романа чужды понятия верности и чести, одна из главных героинь, Бекки, в течение всего романа находится в поиске возможности получения титула и состояния, не чураясь лжи, лицемерия, обмана и предательства своей лучшей подруги. Банкротство отца невесты становится поводом для другого героя романа Джорджа Осборна предать ее и отказаться жениться на ней, девушке без состояния. Поступки многих героев этого знакового для той эпохи романа диктуются корыстью. Впрочем, сам У. Теккерей назвал свое произведение и вовсе «романом без героя».

Влияние характера господствующего фактора производства — его трансцендентность или антропологичность — несравненно весомее, нежели только некое «нравственное несовершенство» представителей общества. В периоды господства нетрансцендентных факторов производства — капитала и труда — в ходе истории имели место наиболее жестокие и разрушительные войны, например, Пунические войны (фактор труда), Столетняя война (переход доминанты от фактора земли к фактору капитала), Первая и Вторая мировые войны (фактор капитала).

Вероятно, характер господствующего доминирующего фактора производства связан с понятиями моральных ценностей и нравственности общества опосредованно, через определяемый им характер самого общества.

Антропологичность господствующего фактора производства вызывает к жизни индивидуалистические (открытые) общества, главными чертами которых, в противовес закрытым (магическим), являются отсутствие единой для всех его членов идеологии, поощрение их инициативы и самостоятельности, главенство светского закона, провозглашение прав и свобод личности и гражданина, экономическая основа в виде частной собственности [11].

Понятия открытого и закрытого общества были введены А. Бергсоном в начале 1930-х гг. Впоследствии развиты К. Поппером, который рассматривает Грецию в составе Римской империи как пример открытого общества, в котором наблюдается тесная связь между империализмом и демократией, возникает философия как попытка заменить магическую веру верой в рациональное, а мыслители избегают метафизических теорий [12, 88—90].

Провозглашаемая в концепции индивидуалистических обществ, свобода духа индивида, на наш взгляд, перекликается с теорией пассионарности Л.Н. Гумилева, который сравнивает ее с коллективным темпераментом, особой энергией космического происхождения [13]. Говоря о Греции как об открытом обществе, следует отметить, что греки были людьми страстными, по словам Б. Рассела, «не все греки, но большинство из них, были людьми, обуреваемыми страстями... людьми, борющимися с собой, влекомыми интеллектом по одному пути, а страстями — по другому; они были наделены воображением, чтобы постигать небо, и своевольными притязаниями, творящими ад. ...В действительности они были невоздержаны во всем: в чистом мышлении, в поэзии, в религии, в грехе. Именно сочетание интеллекта и страсти делало их великими, пока они оставались таковыми» [14, 38—39].

Успехи греков связываются во многом с их разумностью, удачно сочетающейся с высокой интенсивностью чувств [11]. Иначе говоря, в период господства антропологического фактора труда в Римской империи сформировалось открытое индивидуалистическое общество, состоящее преимущественно из пассионариев. В подобном обществе на первый план выходят автономия личности и инициативность, в то время как метафизика уходит на второй план. И поскольку успешность личности в социуме зачастую определяется уровнем ее благосостояния и власти, в индивидуалистических обществах культура во многом материально-ориентирована, что и сказывается на особенностях развития хозяйства и истории в период господства нетрансцендентных факторов производства.

На хозяйственную деятельность человека оказывает влияние множество факторов. О. Шпенглер утверждал, что «всякая экономическая жизнь есть выражение душевной жизни» (цит. по: [5, 39]). Духовная составляющая культуры трансформируется под воздействием изменения субординации факторов производства. И она же, уже измененная, находит отражение в последующей хозяйственной деятельности данного этноса. Иначе говоря, хозяйство развивается с учетом господствующей факторной и товарной доминанты и, развиваясь, оказывает влияние на этнос, на его материальную и нематериальную культуры, а культура в свою очередь не может не отражаться в хозяйстве (особенностях хозяйствования) данного этноса.

Литература

1. Моммзен Т. История Рима. СПб., 1993.

2. *Ильина Т.В.* История искусств. Западноевропейское искусство. М., 2000.
3. *Бугаян И.Р.* Современное предпринимательство и менеджмент: соотношение и мера. Ростов н/Д, 2013.
4. *Толочко П.П.* Без империй прогресс невозможен // <http://ava.md/analytics-commentary/017506-bez-imperii-progress-nevozmozhen.html>.
5. *Бугаян И.Р.* Философия хозяйства: соотношение и мера форм занятости и незанятости российских этносов. Ростов н/Д, 2011.
6. *Бугаян И.Р.* О закономерностях перехода доминантных свойств от одного фактора производства к другому // Философия хозяйства. 2002. № 3.
7. *Чеботарева В.Г.* Немцы Российской Империи // http://www.minnation.senat.org/minnat/Deutsche_Russland.html.
8. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 2008.
9. *Кара-Мурза С.Г.* Этнос и его хозяйство // Золотой лев. № 93—94 // http://www.zlev.ru/93_2.htm.
10. *Емелина В.А.* Постиндустриальное общество и культура постмодерна // <http://postmodern.in.ua/?p=1179>.
11. *Ивин А.А.* Философия истории. М., 2000.
12. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992.
13. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 2001.
14. *Рассел Б.* История западной философии. М., 1993.

Г.В. ЗАДОРЖНЫЙ, О.Г. КОЛИНЬКО

Свобода-ответственность как исток спасительного хозяйствования

...На дух надо больше напирать, на дух, его надо стяжать и поддерживать, а то и лечить... За себя надо отвечать. Больше серьезности и ответственности!

Юр. Михайлов. Реквием

Аннотация. Раскрываются методологические основы исследования ценностно-знаниевых первоначал человека и деятельности, которые должны целостно реализовываться в хозяйстве. Предложена гипотеза о необходимости постижения неразделимого единства свободы-ответственности как онтологически синкретичном ноумене, проявляющемся в хозяйстве и деятельности человека.

Ключевые слова: человек, личностное начало, свобода-ответственность, ценностно-знаниевые первоначала, ответственность, хозяйство, синкретичность, человеческие ценности.

Abstract. Methodological bases of research of values-knowledge first principles of human and its activity, which should be realized in a hozijstvo. A hypothesis about the necessity of understanding indivisible unity of the freedom-responsibility as ontologically syncretic noumenon, which is manifested in the hozijstvo and human activities, is proposed.

Keywords: human, personal principle, freedom, responsibility, values-knowledge first principles, responsibility, hozijstvo, syncretism, human values.

Конец XX — начало XXI в. стали поликризисной действительностью, глубинное постижение которой оказалось не под силу современной материалистически настроенной науке. Понять смысл мироздания, осмыслить роль человека в Универсуме, как оказалось, возможно и необходимо в совершенно *ином* формате размышлений — *философии хозяйства*, которая предоставляет «*возможность целостного видения, отражения и отображения трансцендентно обусловленного мира, его динамики и судьбы, с учетом, на основе и через призму действующего в нем творческого субъекта*» [1, 5].

Философия хозяйства дает размышляющему человеку ключ к *личностной методологии* миропостижения. Критическое рассмотрение повсеместно насаждаемого поверхностного штампа-вменения оптимального выбора неизбежно выводит на проблему *свободы и ответственности* как *двуединую* проблему глубинной *синкретичности*, которая в процессе объективации разрывается и предстает в современном экономическом сознании в весьма упрощенно-поверхностном виде. Этот *разрыв* является в том, что свобода, прежде всего экономическая, как правило, рассматривается *вне* своей связи с ответственностью и задает поверхностно-схематичный концепт «свободного выбора». В последние годы проблема, прежде всего, социальной ответственности стала актуализироваться под действием внешних для человека обстоятельств: углубляющегося экологического кризиса, потери устойчивости экономического развития, быстрого нарастания угроз и рисков самому существованию человечества. Но пытаться понять проблему ответственности только исходя из этих аспектов — значит пытаться разглядеть только вершину айсберга, что подвластно лишь телесному взору при закрытых духовных очах. Открыть же их можно при помощи обращения к тем *творческим прозрениям*, которые уже однажды были сделаны русскими религиозно-философскими мыслителями.

Однако и здесь человека ожидает некая ловушка, представшая своеобразным *главным итогом* XX в., на которую указал М. Мамардашвили: она сводится к особому *сопротивлению человека пониманию*, закреплению специфической ситуации того, что многие открытые, понятые и сообщенные кем-то существенные для человека истины современным человеком не понимаются, а самой знаменитой фразой века стала: «А я не знал!» [2, 385]. Непонимание жизнеустроительных хозяйственных истин, уже имеющихся в арсенале человеческого знания, породило беспрецедентную ситуацию не индивидуальной, но *профессиональной некомпетентности* (П. Фейерабенд), когда «*безграмотность* не только не осуждается, напротив, она служит *знаком профессионального превосходства*. Ее не просто терпят, *ее требуют*» (курсив наш. — Г.З., О.К.) [3, 260, 287].

В этой ситуации происходит *разрыв цепи понимания* и передачи последующему поколению уже открытых хозяйственных истин, а, стало быть, формируется-наблюдается стратегическая проблема будущего как самого человека, общества, так и природы. Здесь всплывает одна из наиболее фундаментальных проблем-оснований бытия человека — проблема его ответственности перед собой и миром за свою (без)деятельность в русле житнетворения как возможного дления жизни человека *человечного*. Проблема эта явно метафизического плана, но если учесть, что «все законы природы являются статистическим усреднением взаимодействия вещества с самим собой. Часть этих взаимодействий является объектом человеческого сознания и является самим человеческим сознанием. *Разгадать тайны природы вещей, тайны явлений нельзя односторонне*, отдельно проблемы *физики* и отдельно проблемы *психики*, так как они являются *разными сторонами* той же самой вещи, также тайны и, по-видимому, *неделимы*» (курсив наш. — Г.З., О.К.) [4, 194], то тем самым сама наука для своего дальнейшего развития вынуждена «входить», сопрягаться с «полем» метафизики. «Истинная физика та, которая когда-либо сумеет включить всестороннего человека в цельное представление о мире» [5, 142]. И этот «вход» в «истинную физику» уже зафиксирован Фрэнсисом Коллинзом, руководителем международного научного коллектива, расшифровавшего геном человека, ведущего американского генетика, физика по первому образованию, в следующем выводе: «*Геном написан на языке Бога* — том самом, с помощью которого Бог вызвал из небытия жизнь. Изучая этот главнейший из всех биологических текстов, я чувствовал великое благоговение. Да, конечно, он написан на языке, который мы понимаем очень слабо, и нам понадобятся десятилетия, а может быть, и века, чтобы в нем разобраться, и все же мы пе-

решили через мост, вступив в совершенно новую область» (курсив наш. — Г.З., О.К.) [6, 99].

Язык Бога — язык духовно-нравственного возвышения человека. Именно посредством этого языка вспоминается-открывается то, что изначально заложено в саму природу человека, который создан «по образу и подобию». В этом языке началами-первоосновами предстают слова, не требующие иных оснований: совесть, честь, ответственность, долг. Все люди их понимают, хотя дать какое-то четкое лаконичное определение весьма затруднительно. Но их специфика состоит в том, что они проявляются-реализуются *только в деяниях* человека. Говорение о них мало что определяет в реальности, ибо здесь важно именно деяние-поступок (см.: [7]), посредством которого полностью реализуется то, что скрывается за этими словами, будучи само по себе абсолютным, ни с чем не соотносимым. Не может быть полусовести, получести, полуответственности, полудолга. Но, с другой стороны, видимо, можно говорить о том, что честь, ответственность и долг неким метафизическим образом снимаются в совести и ею же «управляются», ибо она отвечает в них, пронизывает их, как бы оплодотворяя их для *нового рождения* в *каждом отдельном поступке* человека. Совесть здесь понимается как со-Весть, как изначальная предданная, предзаложенная Весть, предопределяющая душу человека как ценностно-смысловую квинтэссенцию его жизнедеятельности.

И это не просто рассуждения-догадки, ибо результаты многочисленных экспериментов, выполненных в Институте клинической и экспериментальной медицины при Сибирском отделении РАН, позволили академику В.П. Казначееву обосновать вывод, что «живое вещество (Душа) *сначала* проектирует себя в виде *голографического полевого образа* и на основании именно этого образа строит свое конкретное земное биохимическое тело. Значит, есть две стороны жизни. И *первая* — та, *полевая, голографическая сторона*» (курсив наш. — Г.З., О.К.) [8, 8]. Академик П.П. Горяев с коллегами экспериментально доказал, что такая *голограмма* возникает еще до появления на свет целостного организма, т. е., грубо говоря, информация, приходящая извне по отношению к эмбриону, заставляет его хромосомы создавать определенный волновой образ-голограмму, которая «диктует делящимся клеткам, когда и куда должны расти ноги, руки, голова. Волновой образ заполняется материей, подобно тому, как литейная форма заполняется литьем». По сути, тем самым практически подтверждена одна из самых красивых библейских легенд о непорочном зачатии: кто-то должен был направить волновые голограммы, заставившие простые молекулы собраться в более сложные, вплоть до белков, ДНК и РНК и далее в сложный организм (см.: [9, 164—165]).

Именно в этом информационно-волновом голографическом образе еще до рождения в свернутом виде заложен ценностно-смысловой континуум, охватывающий до 95—97% внутренней информации молекулы ДНК, которую до открытий волнового образа-голограммы сами генетики называли «генетическим мусором». Теперь же проясняется, что данный «мусор» представляет мемы (культурные «гены») и *уны* (человечные «гены»), которые синкретично в волновом образе связаны с генами биологическими, и через духовную и социальную ипостаси единой глубинной внутренней природы человека «формируют» и «воспроизводят» его целостность как необходимое условие человеческой жизнедеятельности.

Ответственность «родом» из мемо-уных предначал и относится к пласту фундаментальнейших спасительных начал-оснований человеческой жизнедеятельности. Это положение весьма своеобразно выразил М. Мамардашвили: «Перед пустым миром я беру на себя бремя ответственности, я подчеркиваю, *ответственности, не имеющей основания*, потому что если бы было основание в мире, то мир был бы не пустым, а мы договорились, что мир экстремальный, в пограничной ситуации. Это очень странная ответственность: она основана *на существовании того человека, который взял на себя ответственность*. После акта ответственности в мире могут быть предметы, например моральные или юридические нормы» (курсив наш. — Г.З., О.К.) [2, 261].

Ответственность в силу того, что она относится к глубинно-основательным внутренним пластам человеческой природы, человек может принять лишь *добровольно*; она, как бы сама в нем «просыпается» и требует соответствующего действия-поведения. Вменить, насадить ответственность нельзя. Но об этом, как правило, забывают те, кто пытается рассуждать по иному: дескать через внешние моральные нормы можно вынудить к ответственности. Но это будет уже нечто иное, но отнюдь не ответственность как начало-качество личности. За такого рода рассуждениями всегда, как правило, скрывается попытка переложить свою ответственность на другого, боязнь ответственности. Однако не об этом сейчас речь.

Для экономической науки актуализация проблемы ответственности сегодня, в условиях поиска путей выхода из кризиса, осмысления направлений и способов реализации императива выживания человечества, оборачивается необходимостью ее понимания в широком хозяйствоспасительном размысленческом поле. Именно в нем можно раскрыть и понимать те сущностные определения ответственности, которые существуют еще *до* процесса объективации и должны «задавать» коридор самому этому процессу. И в этом фундаментальном плане

человек ответствен за добро/зло своих хозяйственных поступков. Для видения-понимания этого нужны духовные очи⁴. И если они открываются, то в своем хозяйствовании человек пытается избегать зла.

В своем фундаментальном исследовании «Непостижимое» С. Франк в самом конце изложения обращается к проблеме *ответственности* человека за зло и открывает путь к пониманию и самой ответственности. Он исходит из того, что «зло никогда не «выбирается» свободно, — напротив, нас произвольно *тянет, влечет* или *гонит* к нему; поскольку зло нас «привлекает», в этом самом акте влечения ко злу мы уже теряем нашу свободу, подлинно свободно мы стремимся только к *добру*, ибо оно одно, совпадая в глубине реальности с *бытием*, образует подлинную внутреннюю основу нашего бытия» [11, 484]. Зло как бы находится вне человека, но это такое «вне», которое находится «внутри» человека: внешний враг здесь есть внутренний враг [11, 486]. Человек как бы подсознательно участвует во зле. «Сознание моего соучастия во зле — в том, чего *“не должно быть”*, — неотделимо от сознания *моей* ответственности, моей *“вины”* в этом» [11, 484]. Специфика глубинного понимания ответственности покоится в том, что «ответственность несет та *точка бытия* — одновременно бытия моего и превышающего меня, в которой я совпадаю с ним в неразделенно-неслиянном двуединстве» [11, 486], отражающем всеединство бытия, где человек является не только частью целого, но и несет в себе самом это целое.

Такое понимание весьма сложно и затруднительно потому, что «есть только *одна-единственная возможность в живой конкретности воспринять безусловно непостижимое “происхождение” зла*: эта возможность заключена в *сознании моей вины*, в самом *опыте виновности*. Вот почему истинный смысл вопроса о “происхождении” зла есть вопрос об “ответственности” за него. “Быть ответственным” за что-либо не значит быть *“причиной”* (в теоретически-онтологическом смысле слова) чего-либо. “Ответственность” есть *категория совершенно иного порядка*, чем предметно-онтологическая категория причины: ответствен *“виновный”*, а не “причина”; “причина”, напротив, будучи необходимой, всегда не ответственна» [11, 491—492]. Метафизическое представление существа вины открывает возможность понимания того, что она может быть испытана лишь во мне самом, т. е. как

⁴ На один из важнейших аспектов духовного видения-понимания ответственности указал Н.А. Бердяев: «Каждый из нас получает двухтысячелетнее христианство, и этим налагается на нас бремя мировой ответственности. На нас лежит ответственность мирового возраста христианства, а не личного нашего возраста» [10, 176].

лишь моя вина. Всякое обвинение других в этой связи есть лишь констатирование неправомерности их действий как установка рационального права и морали, не содержащая метафизического видения. Но отсюда же вытекает и метафизическое понимание ответственности как моей за мою вину. «*Единственно возможное постижение зла есть его преодоление и погашение через сознание вины*» [11, 494]. Но сознание вины есть и сознание ответственности как глубинно-сущностное осознание того, что существует еще *до* рационального права и морали, в которых проявляется-отражается уже объективированный мир действительности.

Ответственность, как и свобода, — исходные ноумены, такие, которые являются самодостаточными, невыводимыми ни из каких других. Более того, свобода и ответственность представляют собой стороны изначального двуединства, т. е. в их истинном понимании они предстают как «две стороны одной медали», а поэтому разрыв их в теоретическом плане закладывает весьма существенные коллизии, даже катастрофы в действительном практическом мире. Для их истинного постижения, нам представляется, необходимо ввести в научный оборот категорию *свободы-ответственности* наподобие категории пространства-времени, фиксирующей единое неразделимое пространство-время, которое более глубоко и на полвека раньше, чем И. Пригожин и И. Стенгерс, описал В.И. Вернадский (см.: [12, 108]).

Если же исходить из утверждения уже упоминавшегося Р.О. ди Баргини, что «атрибуты реальности — протяженность (временная и пространственная) и *мышление* — несмотря на неопишную редкость во Вселенной — должны иметь *димензиальную общность в измерениях высшего порядка*. В нашем логическом ракурсе не дан явный ответ на фундаментальный вопрос о природе вещей, о сущности бытия и сознания. Эта тайна Природы под двойным замком, и я думаю, что ключ к ним может быть изготовлен только тогда, когда этот ключ станет *общим для обоих замков*» (курсив наш. — Г.З., О.К.) [4, 202], то и пространство-время должны каким-то образом быть *сущностно* связаны с *человеком, личностью*. «Время-пространство все еще носит бес-субъектный, обезличенный, наиндивидуальный характер, представляется внешней для людей и отчужденной формой, хотя и формой, принадлежащей обществу» [13, 164]. Нам представляется, что эту сущностную связь, которая приблизит человека к поиску «общего ключа для обоих замков», поможет раскрыть свобода-ответственность как глубинное сущностное (пред)начало человека, созданного «по образу и подобию».

В определенной мере к пониманию единства свободы-ответственности в русле экологии и этики почти подошел А.Н. Ермо-

ленно, соединив в человеке *способность творить* и *универсальную ответственность*, когда в заключении к своему весьма фундаментальному исследованию написал: «...современный экологический кризис и поиски способов его преодоления свидетельствуют о том, что *не только* универсальная экспансия человека в природу делает его исключительным существом, которое способно творить по меркам любого вида (Маркс), но и *универсальная ответственность* за все сущее — вот что прежде всего делает человека исключительным во Вселенной» [14, 398].

Для постижения проблемы свободы-ответственности необходимы метафизические размышления, ибо в своем неразделимом единстве свобода-ответственность покоится в глубинно-сущностной природе *личности*, всецело принадлежат сфере *духа*. Открывается, что именно из этого единства свободы-ответственности исходят все глубинные ценностные установки личности, которые (должны) объективируются в ее хозяйственной жизнедеятельности. Разрыв свободы-ответственности порождает все суетные проблемы. Потеря ответственности — это утрата человеком способности к истинному использованию свободы. Свобода в отрыве от ответственности превращается во вседозволенность, рождает внутренне разорванного, раздвоенного человека, который не может жить полноценной жизнью. Личность его как внутреннее глубинное ценностное единство разрушается. И никакой внешний закон не может справедливо отрегулировать межчеловеческие отношения.

Понимание свободы-ответственности связано с тем глубинным изначально-первичным форматом осмысления существования «я» *до того*, когда оно еще не раздваивается, не проявляется во внешнем объективированном мире. Это именно тот формат постижения «я», который достаточно подробно и аргументировано для обыденного сознания, сознания этого — объективированного, внешнего для «я» и личности мира описал Н.А. Бердяев, когда исследовал проблему одиночества. Он писал: «“Я” характеризуется антиномически *изменением неизменного*. Изменение “я” во времени, актуализация “я” предполагает *субъект изменения*, предполагает, что тот, кто меняется, *остается, пребывает*. “Я” постоянно двойится, оно меняет свои личины, но оно *остается единым и единственным...* Можно сказать, что “я” есть *единство* во всех изменениях, *вневременный центр*, не определяющийся извне. Изменения “я” могут определяться извне, но *самое “я” не может определяться извне*, не из “я”, оно определяется *изнутри* и активно реагирует на всякое действие извне. Оно и есть *то, что определяется изнутри*» (курсив наш. — Г.З., О.К.) [15, 216—217]. Этот внутренний вневременной центр, исходное единство-единственность

изнутри, «я» как глубинная неизменность, то «я», которое «имеет свое существование, лишь поскольку оно не объективируется и не социализируется в мире» [15, 218], содержит в себе эту внутреннюю свободу-ответственность, которая еще до «всех изменений» «конституирует» личностно-человечное качество «я».

Здесь важно указать, во-первых, на понимание «я» как *изменение неизменного*, что делает его субъектом изменения, а субъект определяется, «статуируется» свободой. Единое-единственное как сущностно внутреннее остается, пребывает как основание, но в статусе субъекта оно свободно изменяется, разворачивается потому, что внутри себя имеет свободный потенциал. Но, во-вторых, важно при этом понимать, что это «остается, пребывает» есть первый, изначально-исходный внутренний акт ответственности, в котором единое-единственное как бы отвечает перед собой за свое предвечное пребывание в «я». Получается, что это единое-единственное «я» в себе заключает и свободу, и ответственность, которые имеют, так сказать, рефлексивную природу, отсвечиваясь одно в другом, но отсвечиваются так, что это по сути единое-единственное, которое и есть предисходной *свободой-ответственностью*. И эта свобода-ответственность не имеет оснований, т. е. является предоснованной. В ней необходимо находить основания постижения мироздания, ибо она изначально «определяет» саму среду, в которой разворачивается вся полнота опыта личности, т. е. она предстает в форме исходной основополагающей интуиции для самопостижения и самореализации личности.

И эта свобода-ответственность в таком понимании «я» (глубинно-сущностная предопределенность личности) предстает именно исходной точкой пространства-времени, которая разворачивается в физическом мире прежде всего через физические константы антропного принципа, а затем и в пространственно-временной материально-вещный мир. Но в то же время эта исходная точка разворачивается и по личностно-человечной, духовной «оси», представляя процесс разворачивания свободы-ответственности как сознательного творчества. По сути, здесь говорится о разворачивании единой предсущности, но в разных объективированно воспринимаемых мирах: физическом и духовном.

Само же название — физические константы антропного принципа — при такой глубинной расшифровке показывает, что в науке, которая изначально отгородилась от исследований духовного мира, акцент делался именно на физических константах, но все же антропного (жизнечеловечного) принципа. В названии, как теперь можно утверждать, на *первом* главном плане все же находится антропный принцип, а на втором — обеспечивающем плане — физические константы.

Эти рассуждения-расшифровки еще раз доказывают, что физические константы антропного принципа обеспечивают развертывание духовно-нравственной константы этого принципа (см.: [16]), которая исходно предположена в свободе-ответственности как вневременном центре человеческой-человечной личности.

В этой исходно-изначальной свободе-ответственности личность предстает перед пустым миром, но через нее же берет ответственность за «сотворение» мира, свободно-ответственно распаковывая в нем те смыслы, которые как тайна находятся в вероятностном смысловом континууме. И в этом статусе-процессе преодоления жесткой личностной капсулизации, который именно и предстает развертыванием свободы-ответственности постижения житнетворческих смыслов, *личность* можно понимать как *смысл смыслов*, как постоянную устремленность к тайне. А «сила соприкосновения с тайной в том, что она несет в себе моральное начало. И где еще можно найти основу для морали?» [17, 330].

Указывая на принадлежность свободы-ответственности сфере духа, принципиально важно подчеркнуть, что специфика духа определяется тем, что «дух может быть организатором, он может владеть техникой для своих духовных целей, но он будет сопротивляться превращению его в орудие организаторского технического процесса» [10, 660]. Свобода-ответственность проявляется-реализуется в хозяйстве и целостной деятельности человека, познание которых возможно только в формате метафизических и ценностно-рациональных размышлений. При этом специфика свободы-ответственности сводится к тому, что она автоматически не воспроизводится в каждой отдельной ситуации или отдельном действии, поступке личности. Каждый раз свобода-ответственность «созидается» *заново* и требует напряженных личностных усилий.

Рационально-прагматическое мировоззрение и мышление, которое в нынешней ситуации представлено в империализме экономизма и его современных оглауренных формах, игнорируют и всячески замалчивают-затушевывают изначальную взаимосвязь свободы и ответственности, свободы-ответственности, так сказать, прообраз их исходного единства, синкретичности, которая «присутствует» в сущностных основаниях-характеристиках и поступках личности. Отсюда и следует весьма распространенное поверхностно-схематичное понимание свободы как *своеволия* и *вседозволенности*, полностью оторванных от ответственности. Такой *извращенной* «свободой» так умело в своих корыстных целях сегодня пользуется кастроэлита, не понимающая, что своей вседозволенностью/безответственностью возвращает действительно *катастрофичное будущее*, прежде всего, *для своих детей* и

внуков. Сиюминутная ориентация на успех и персональный комфорт уже обернулась широкой *моральной деградацией общества*. «При существующих сейчас в стране масштабах неравенства имеем не только нужду во многих семьях, но и подавленность духа, неверие в будущее, разочарование, апатию, настроения содержанства, тревогу и депрессию» [18, 203], а «ненормальное, девиантное поведение превратилось в повседневную норму у огромной массы людей. Базовым, к сожалению, для украинского общества становится человек без мировоззрения и морали, “человек без свойств”» [19, 444], без своих человеческих корней как «непроявляемой» в нынешней повседневнокризисной действительности синкретичности своей духовной ипостаси.

В действительном хозяйстве как мире объективации существует изначальная проблема-противоречие между внутренним миром человека и внешним миром, в котором он творит хозяйство. Распаковывая ценностно-смысловой универсум, личность не просто стремится к постижению мира, Вселенной, но и пытается открывшиеся смыслы использовать для своего благоденствия. При этом важно понимать, так сказать, трехуровневую картографию хозяйства. Первый уровень связан с внутренним духовно-смысловым миром личности, который проявляется в напряженном смыслопоиском и сознаниевым созиданием идеальных образцов и проектов будущего хозяйства. Второй уровень представлен самим моментом (процессом) перехода из внутреннего мира личности в вещественно-пространственный мир действительности, состояние которого накладывает существенный отпечаток на сознанием выработанные образцы и проекты, они как бы «притираются» в сознании личности к действительности и в определенной мере изменяются, хотя и остаются идеалом для достижения. Третий уровень знаменуется процессом реализации данного идеала в самой хозяйственно-преобразующей деятельности, что в собственном смысле и означает процесс объективации.

Все это возможно благодаря единой духовно-био-социальной природе человека, которая реализуется целостно, но в разные исторические периоды в ней актуализируются различные ее составляющие. Современный этап характеризуется пока еще преимущественным, но уже инерционным значением *социальной* составляющей, которая находится, как говорится, на сносях, рождая актуальность *духовной* составляющей. Переход к актуализации социальной составляющей был обусловлен индустриальной технизацией жизни человека. В процессе объективации сознательных проектов будущего рождалась техника как совершенно новое, до того еще не бывшее основание хозяйственной жизнедеятельности человека. Оно, по сути, знаменовало карди-

нальный сдвиг процессирующего перехода от природной, органической жизни к жизни отехнизированной, организованной, когда ее действительным основанием становилась организация. Объективация в своей сущностно-проявленной характеристике именно и предопределялась организацией. Вследствие этого осуществился кардинальный переход от организма к организации. Суть этого перехода выразил Н.А. Бердяев: «Техника означает переход всего человеческого существования от организма к организации. Человек не живет более в органическом строе... Организм рождается, а не творится человеком, он есть порождение природной, космической жизни, в нем *целое не складывается с частей, а предшествует частям* и определяет их жизнь... Техника радикально меняет отношение человека к пространству и времени. Она враждебна всякой органической воплощенности... Техника убивает все органическое в жизни и ставит под знак организации все человеческое существование» (курсив наш. — Г.З., О.К.) [10, 658—659].

Но этот кардинальный переход в глубинном плане пока еще полностью и всесторонне не осмыслен, хотя вектор такого осмысления был дан Н.А. Бердяевым. Он указал, что переход от организма к организации является одним из *источников* современного кризиса мира. В нем столкнулись, с одной стороны, технизация, механизация, материализация жизни, посредством чего человек ввергается в «новую холодно-металлическую среду, в которой нет уже животной теплоты, нет горячей крови»; с другой стороны — душевность, ибо «власть техники несет с собой ослабление душевности в человеческой жизни, душевного тепла, уюта, лирики, печали, всегда связанной с душой, а не с духом» [10, 659]. Но разрешение данного кризиса Н.А. Бердяев связал с духом: «дух может противиться этому процессу, может овладеть им, может вступить в новую эпоху победителем. Это и есть основная проблема» [10, 659]. Организация, связанная с техникой, рационализирует жизнь, но человек в силу своей внутренней единой духовно-био-социальной природы не может свести жизнедеятельность лишь к рациональному, ибо в этой природе, прежде всего в духовной ипостаси заложена иррациональность, внутренняя тайна личности. Эта тайна приоткрывается посредством вхождения личности в ценностно-смысловой универсум, в котором *предметная сфера человеческой деятельности* через социальную деятельность, ориентированную одновременно и на материальное тело цивилизации, и на «духовное эхо» Вселенной, призвана давать *ноосферный ответ на космический запрос разума* [20, 31].

В ценностно-смысловом универсуме из метафизического понимания моей вины и моей ответственности вытекают проблемы социаль-

ной справедливости и делания добра. Конечно, это проблемы требуют широкого нового осмысления в поле ценностной рациональности. Мы здесь укажем лишь на некоторые весьма важные в методологическом плане моменты.

Анализируя современную ситуацию в украинском государстве невольно вспоминаются слова пророков⁵, высказанные ими в период с VIII по VI в. до Р. Х., когда Израиль жил еще самостоятельной политической и экономической жизнью. Пророк Амос обличал не только отклонения от религиозной истины, но и прямое попрание социальной справедливости: «Так говорит Господь: за три преступления Израиля и за четыре не пощажу его, потому что продают правого за золото и бедного за пару сандалий... О вы, которые суд превращаете в отраву и правду повергаете на землю... Итак, за то, что вы попираете бедного и берете от него подарки хлебом, вы построите дома из тесовых камней, но жить в них не будете... разведете виноградники, но сами от них пить не будете... Ибо я знаю, как многочисленны преступления ваши и как тяжки грехи ваши: вы — враги правого, берете взятки и извращаете в суде дела бедных... Возненавидьте зло, возлюбите добро и восстановите у ворот правосудие... Пусть, как вода, потечет суд и правда, как сильный поток» (цит. по: [21, 49]).

Пророк Исая, обличая лицемерие, ханжество и бессердечность отношения богатых к бедным, видит источником несправедливостей прежде всего столицу: «Как сделалась блудницей верная столица, исполненная правосудия! Правда обитала в ней, а теперь убийцы. Серебро твое стало изгарью, вино твое испорчено водой: князя твои — законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гоняются за мздой, не защищают сироты и дело вдовы не доходит до них» (цит. по: [21, 50]).

Пророк Михей, также выступает с могучими обличениями существующих порядков, веря, что будущее принадлежит правде и в нем воцарится не только благоденствие и социальный мир, но и социальная справедливость. Он говорит: «Не стало милосердных на земле, нет праведных между людьми; все строят ковы, чтобы проливать кровь:

⁵ «Пророки (наби — вешун) — суть люди, которые считают себя органами для возвещения божественной воли и правды... пророки являются буревестниками мировой истории, выступление пророков знаменует новую эпоху в сознании, предвещая ряд трагических событий истории. Пророк действительно имеет способность распознавать Бога в истории. Он чувствует, если в воздухе носятся катастрофы. Но он вместе с тем есть и воплощение совести народа, который чувствует и выражает все, что в народе дурно и не угодно Богу. Израильский пророк есть человек, который имеет способность временно рассматривать под углом вечности» [21, 47—48].

каждый ставит брату своему сеть. Рука их обращается к тому, чтобы уметь делать зло; насильник требует подарков, судья судит за взятки, а вельможи высказывают злые хотения своей души и извращают дела. Лучший из них, как терн, а справедливый хуже колючей изгороди... О человек, сказано тебе, что добро и что требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудро ходить перед Богом твоим» (цит. по: [21, 51]).

Непреходящее значение учения пророков состоит в том, что вопросы хозяйствования и жизненного устройства они рассматривали как вопросы *нравственности*. С.Н. Булгаков подчеркнул, что «они видят в хозяйстве не только вопросы социальной техники, но и социальной правды. Если и изменяется конкретная постановка социальных вопросов, то их нравственное содержание остается одним и тем же... эти вопросы ощущаются прежде всего как вопросы *совести*, социальной правды или неправды» [21, 52].

Ситуация, описанная пророками, весьма близка той, которая сегодня наблюдается в нашей стране. Но сегодня власть предрержащие не только не знают учения пророков, но и всячески способствуют тому, чтобы устранить из сферы жизнедеятельности нашего народа понятия совести и правды, все свести именно к социальной технике, средствам, обеспечивающим общественный упадок и повсеместную деградацию нравственности. Исторические уроки других народов не рассматриваются в качестве требующих осмысления и недопущения их социально отрицательных последствий. Власть предрержащим не хватает образованности понять, что деградация всех сфер общественной жизни, в том числе и экономики, лежит в области нравственности, вернее, безнравственности, которая сегодня расцвела пышным цветом.

Повсеместное господство безнравственности проистекает от современного человека. «Человек, все более погружаясь в искусственный мир и становясь все более искусственным, создает условия для все большего неразличения Д(обра) и зла, выхода за пределы Д(обра) и зла, реализации жизни без и вне оценки Д(обра) и зла, т. е. создает условия для превращения человека в иное животное существо, в какого-то *постчеловека*. Это очень важно и очень интересно! Не победу Д(обра) над злом празднует ныне человек, а отмену — через преодоление — самой проблемы Д(обра) и зла, их последовательного различения. Доброе и злое сливаются в одно — потребность, действие, удовлетворение — и все это уже без всякого на этот счет критического мудрствования!» [22, 271]. Но без личной свободы-ответственности, устремленности к справедливому в социальном плане хозяйствованию, без осознания необходимости постоянного делания добра человек перестает быть не только истинным субъектом хозяйства, но и человек-

ным человеком, становится не способным к глубинному самопознанию, саморазвитию, самореализации, не способен к самоидентификации себя как Человека. Поэтому во имя своего спасения и продления жизнедеятельности как целостного хозяйства человек должен усиленно осознавать свои глубинные ценностно-знаниевые первоначала и стремиться их реализовывать в трехуровневой картографии хозяйства как своей постижительно-практичной целостной деятельности, покоящейся на сущностном единстве свободы-ответственности. Этим сегодня определяются задачи хозяйствоведческой науки и должны задаваться реформаторские практики жизнеспасения.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Предисловие // *София. Сто лет русской философии хозяйства* / Под ред. Ю.М. Осипова, А.И. Агеева, Е.С. Зотовой. М., 2012.
2. *Мамардашвили М.* Очерк современной европейской философии. СПб., 2012.
3. *Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе. М., 2010.
4. Роберт Орос ди Бартини — советский авиаконструктор, физик-теоретик, философ. Статьи по физике и философии. М., 2009.
5. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека: Сб. очерков и эссе. М., 2002.
6. *Коллинз Ф.* Доказательства Бога: Аргументы ученого. М., 2008.
7. *Войтыла К. (Папа Римский Иоанн Павел II).* Личность и поступок: Антропологический трактат. М., 2010.
8. *Казначеев В.П.* Живые лучи и живое поле // *Чудеса и приключения*. 1996. № 4.
9. *Тихоплав В.Ю., Тихоплав Т.С.* Физика веры. М., 2005.
10. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М., 2011.
11. *Франк С.* Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. М., 2007.
12. *Симаков К.* К генеалогии реляционно-генетической концепции времени // *Свободная мысль—XXI*. 2003. № 4.
13. *Кемеров В.Е.* Общество, социальность, полисубъектность. М., 2012.
14. *Єрмоленко А.М.* Соціальна етика та екологія. Гідність людини — шанування природи. К., 2010.
15. *Бердяев Н.А.* О человеке, его свободе и духовности: Избр. труды. М., 1999.

16. *Задорожный Г.В.* О нравственной константе антропоного принципа и государстве гармонии как насущном проекте спасения-служения-возрождения украинской нации // Социальная экономика. 2011. № 2.

17. *Налимов В.В.* Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 2011.

18. *Колот А.М.* Соціально-трудова сфера: стан відносин, нові виклики, тенденції розвитку. К., 2010.

19. *Шульга М.О.* Дрейф на узбіччя. Двадцять років суспільних змін в Україні. К., 2011.

20. *Крымский С.* Экспликация философских смыслов. М., 2006.

21. *Булгаков С.Н.* История экономических и социальных учений. М., 2007.

22. *Осинов Ю.М.* Добро // Философия хозяйства. 2006. № 2.

М.Р. ЭЛОЯН

Н. Якобс: конфуцианство и капитализм (этическая экономика Китая)

Аннотация. Показана несовместимость конфуцианства и западно-европейского капитализма. Рассмотрена китайская система землевладения как препятствие к формированию в Китае торгового капитала и его наследника — промышленного капитализма, а также китайская система наследования земли, которая сохранила в Китае «крестьянство как класс», уничтожение которого в Европе стало необходимым условием для возникновения там современного индустриального капитализма. Показана совместимость конфуцианства и китайского земледельческого коммунизма.

Ключевые слова: землевладение, государство, аренда, частная собственность, поземельный налог, наследование, гомогенитур, легисты, конфуцианцы, капитал, капитализм, труд, профессия, промышленность, торговля, армия.

Abstract. The article is devoted to the incompatibility of Confucianism and the West European capitalism. The Chinese system of land tenure as an obstacle to formation in China of the trade capital and its successor, industrial capitalism is considered. The Chinese system of inheritance of the earth which kept in China «the peasantry as a class» which destruction in Europe became a necessary condition for emergence there modern industrial capi-

talism is shown. Compatibility of Confucianism and the Chinese agricultural communism is shown.

Keywords: land tenure, state, rent, private property, land tax, inheritance, homoyogeniture, legist, Confucians, capital, capitalism, work, profession, industry, trade, army.

Китайская система землевладения

Конфуцианский принцип человеколюбия определяет смысл этической экономики Китая, согласно которому не человек служит экономике, а экономика — благу человека. И в этом отличие этической экономики Китая от протестантского понимания экономики, где не дело служит человеку, а человек делу. Об этом говорит и этимологический анализ слова «экономика» в китайском языке. Древнее слово, от которого впоследствии произошло слово «экономика», буквально означало «развивать землю и спасать людей», ибо «такое положение дел — желание Небес» [1, 48]. Отсюда обязанность правителя состояла в том, чтобы посредством правильного управления защищать людей. Поэтому в современном понимании слово «экономика» буквально означает продуктивное управление. А этическая экономия Китая есть наука об управлении и распределении богатства между людьми, согласно правилам социальной справедливости, т. е. в интересах всего общества. «Этическая интерпретация экономики подразумевает управление богатством согласно принципам правосудия в интересах общества... В мире свободной конкуренции будет преобладать самое сильное, тогда как в мире управления — защитить слабое... Независимо от размера населения социальная справедливость может быть достигнута только посредством равного распределения богатства среди всех людей. Проблема богатства — поэтому дистрибутивная (распределительная) и не производительная проблема, и равное распределение богатства — средство установить и поддержать социальный мир среди богатых и бедных» [1, 48].

Поэтому изначально китайское сельское хозяйство решало две задачи: оно было, во-первых, средством существования для большинства населения страны и, во-вторых, источником благосостояния для имперского двора и бюрократии. Причем «поддержка человека была основной заботой китайского общественного строя, фундаментальным занятием которого было сельское хозяйство. Обязанность политического аппарата состояла в том, чтобы обеспечить надлежащее урегулирование для сельского хозяйства, сохранять мир и препятствовать оттоку населения из сельского хозяйства, как угрозу сокращения производительности... Отклонение людей от сельского хозяйства было

нежелательно, как отклонение... подвергающее опасности общественный строй. Спорадические вторжения в Китай кочевых народов не изменяли это; основной образец остался идеально сельскохозяйственным» [1, 111].

Урегулирование государством общественных отношений в Китае коснулось и отношений собственности на землю. В Китае, хотя еще династией Чжеу и была санкционирована частная собственность на землю, никогда не существовала частная собственность на землю в чистом виде, если под этим понимать независимую от правящей власти земельную собственность. Уже при династии Цинь для повышения производительности почвы государство активно проводило политику переселения населения. Впервые эту идею предложил Мэн-цзы, ученик внука Конфуция, живший в IV в. до н. э. А при династии Минь правящая власть осуществляла конфискацию и перераспределение земли, чтобы не допустить концентрацию богатства в руках немногих. Поэтому «в Китае правящая власть, хотя и санкционировала частную собственность человека на землю, но сохранила за собой этическое право на препятствование развитию частной собственности, не только посредством фискальных методов, но также посредством захвата и передачи прав на нее, или через переселение населения» [1, 22]. Таким образом, в Китае частная собственность на землю всегда существовала как подконтрольная государству частная форма собственности, препятствующая развитию в Китае крупной земельной собственности в ущерб существующей политической власти и большинству земледельческого населения страны.

Кроме того, правительство обладало этическим правом на свободную трудовую службу (согвбе) земледельцев. Согласно этому праву, земледелец был обязан участвовать в общественных работах, например, в борьбе с наводнениями, в работе на правительственных объектах или на транспортировке правительственного зерна. Это был принудительный труд, но он не был ни рабским трудом, как в Античности или в раннем европейском Средневековье, ни дармовым, как в Индии. Якобс видит в нем своеобразную форму арендной платы за землю, которую земледелец и сельский дворянин платил государству. «С точки зрения людей, согвбе могла интерпретироваться как арендная плата за использование земли, на которой им теперь позволили обосноваться, независимо от определенной формы собственности... С точки зрения правителя, вся частная собственность на землю была его собственной благодатью и подвергалась налогу» [1, 27].

Поземельный налог был оплотом налоговой политики государства. «Из всех источников дохода земля представляла самый надежный, самый безопасный и самый легкий для управления источник дохода.

Сам Конфуций сделал некоторый акцент на поземельном налоге, в котором он видел единственный источник дохода. Это предложение единственного налога никогда не осознавалось, но в любом перечне прямых налогов, поземельный налог стоял на первом месте» [1, 23]. Только сельское дворянство было освобождено от поземельного налога, и это освобождение расценивалось правительством как плата сельскому дворянству за ту работу налоговыми инспекторами, которую они выполняли для центральной власти. Причем поземельный налог в Китае существовал в форме семейного налога как налог на семью, которая занимала определенную часть земли, полученную ею в наследство.

Родоначальниками системы наследования в Китае, так же как и концепции частной собственности на землю, были легисты, жившие во времена династии Чжеу. Легисты были, прежде всего, политиками, предложившими установить тотальную власть государства над обществом. Центральный тезис их политической философии гласил: чем сильнее государство, тем слабее общество, и, наоборот, чем сильнее общество, тем слабее государство. Поэтому все их реформы были направлены на ослабление всех сфер жизнедеятельности китайского общества. В городе они отменили частную собственность, чтобы не дать возможности сформироваться экономической власти, существующей независимо от политической власти. В деревне они, наоборот, ввели институт частной собственности на землю и принцип наследования, согласно которому земля делилась между всеми мужчинами семьи, что предотвращало концентрацию земли в руках отдельных лиц и не допускало образования крупных поместий, способных выступить как самостоятельная сила, противостоящая политической власти.

Это по достоинству оценили оппоненты легистов — конфуцианцы. Хотя со времен Мэн-цзы конфуцианцы выступали за государственную собственность на землю, но в легистской концепции наследования они увидели новый эквивалент их старому идеалу, а именно контроль государства над земледелием и принцип справедливого распределения земли согласно потребности, качеству и размеру семьи. Поэтому, когда конфуцианцы пришли к власти в эпоху Хань, они не стали отменять частную собственность на землю, а просто поставили ее под контроль государства, чтобы ограничить ее развитие. Это, прежде всего, проявилось в конфискации и перераспределении земли, которыми власть добивалась уравнения благосостояния народа. «Следовательно, они просто продолжили периодическое перераспределение земли, чтобы предотвратить сверхнакопление в этом стратегическом типе собственности» [1, 153]. Эту концепцию передачи наследства поддержали националисты и коммунисты. Так Сунь Ятсен, предложив обширную

аграрную реформу, тем не менее не изменил существующую систему наследования, а философы «новой китайской экономики» оправдали существующую систему наследования как средство обеспечения населения. Коммунисты сочетали политику принуждения крестьян в колхозы и кооперативы с институтом частной собственности на землю, видя в обеих этих системах функциональный эквивалент старой системе наследования, которая предотвращала концентрацию земли в одной семье, в чем, собственно, китайские коммунисты и видели главную угрозу для построения социализма. Под частной собственностью на землю они понимали обеспечение землей всех, кто способен на ней работать. Земля должна принадлежать тем, кто на ней живет и кто ее обрабатывает. Эта китайская система наследования земли, названная А.Л. Кроебером *homogeneity* (что буквально означает человекопорождение), передает землю каждому взрослому мужчине в семье не для извлечения из нее прибыли, а для обеспечения себя и своей семьи средством к существованию. Дж. Лоссинг Бак, например, отметил, что 90% китайского землевладения были приобретены посредством такого наследования⁶. Не в этом ли источник миллиардного народонаселения Китая?! И не в европейской ли системе наследования земли причина убывающего населения Европы?!

Китайская и европейская системы наследования земли

Здесь есть смысл сравнить европейскую и китайскую системы наследования земли и те последствия, которые из них следуют. В противоположность китайской системе наследования, согласно которой земля передавалась равным образом всем законным наследникам (обычно сыновьям), в европейской наследственной системе первородства наследство передавалось только старшему сыну. А так как средневековые семьи были многочисленны, то вторые, третьи и т. д. сыновья оставались без наследства и вынуждены были для сохранения своего положения в обществе искать себе соответствующее своему статусу материальное обеспечение. В результате действия этой системы наследования произошло «высвобождение свободных талантов», взоры которых были направлены на поиск и открытие новых источников своего существования, к примеру, на открытие новых знаний или новых земель. Великие географические открытия XV—XVI вв. — это их рук дело. «Принцип наследования, по которому власть и имущество

⁶ Исключениями в этой системе наследования во всей истории Китая являются императорская собственность, где действовало право первородства, но она составляла только 8% земли в Китае, и правительственные земли при республике, которые также составляли не более 7%.

передаются старшему сыну, создало в Европе избыток свободного, выброшенного за рамки ритуала таланта и что во многом объясняет европейский авантюризм — психологическую установку изгоев на возвращение в ритуал с чем-нибудь новым и необыкновенным, компасом, например, или с Америкой, философским камнем, социальной утопией...» [2, 120]. Или с металлическими деньгами, добытыми европейцами в пиратских походах, что, в конечном итоге, и привело к накоплению первоначального капитала в Европе, так необходимого для развития индустриального капитализма.

Кроме того, первородство в европейской социальной структуре способствовало переселению остальных мужчин семьи, лишенных наследства, в другие места. Отток в города дворян, лишенных земли (наследства), а также безземельных крестьян, потерявших землю в результате огораживания — сгона крестьян с земли, способствовали появлению свободной дешевой рабочей силы, выступившей, наряду с частным капиталом, необходимой предпосылкой для возникновения западноевропейского капитализма. «Появление рабочего класса, городского населения, уничтожение крестьянства... подрывают феодализм и способствуют формированию капитализма, обеспечивая его свободной дешевой рабочей силой, полученной в результате перемещения населения, антифеодального по своей сути, так как готового поддержать альтернативный заказ, обеспечившего ему существование в новых экономических условиях» [1, 155].

Китайская система наследования *homoyogeniture* (гомогенитура), делившая семейные владения между всеми законными наследниками, с точки зрения экономической эффективности была не самой лучшей. Во-первых, как утверждает экономическая теория, большие поместья являются более рентабельными, так как на них может быть более эффективно использована сельскохозяйственная техника. Тогда как в Китае на протяжении всей его истории существовала система наследования, обеспечивающая существование небольших, фрагментированных земельных участков, где единственной надеждой на увеличение урожая было интенсивное их культивирование. Но с точки зрения экономической безопасности народа и препятствия для развития капитализма эта система наследования была безупречна, потому что, во-первых, она обеспечивала землей всех мужчин. И где бы ни находился китаец, и чем бы он ни занимался, но когда наступало время наследования, он всегда возвращался в деревню, чтобы наследовать землю, чтобы со временем передать свой участок своим сыновьям. Тем самым китайская система наследования, в отличие от европейской, не поставляла элементы для разрушения традиционного строя, а направляла человеческие ресурсы в сельскохозяйственную сферу и гарантировала

перенаселенность сельской местности в период сезонных работ. Во-вторых, эта система наследования максимизировала налогоплательщиков и трудовое обслуживание земли, что было выгодно государству. В Китае очень рано утвердился принцип государственного благополучия: чем больше земледельческого населения, тем богаче государство. И, наконец, в-третьих, она предотвращала развитие частного капитала. Ведь, как известно, земельная власть исторически является предшественницей денежно-кредитного капитала и промышленности. В Западной Европе такая возможность для накопления частного капитала была создана системой первородства — сначала за счет концентрации земли в руках одной семьи в течение долгого времени, а затем за счет превращения земельной собственности в финансовый и индустриальный капитал. В Китае этого не могло быть из-за системы наследования, которая, по сути, была системой распределения и перераспределения земли, препятствующей образованию торгового капитала и его наследника — индустриального капитализма. «Положительная функция этой системы земли всем ясна; она должна максимизировать число налогоплательщиков и трудовое обслуживание земли, деконцентрируя земельную собственность... чтобы никакие независимые концентрации земельной власти не возникали в течение долгого времени. ...Так как земля поглощает большую часть ликвидного капитала, накопление достаточного частного капитала для инвестиций в производительное предприятие невозможно; и также накопление капитала в течение долгого времени (как в торговый период в Западной Европе), вследствие системы *homogeneity*. Таким образом, система наследования положительно функционировала в пользу антикапиталистических сил в Китае» [1, 156].

Деньги. Торговля. Промышленность

В противоположность Западной Европе — наследнице античной цивилизации (по М.К. Петрову, «пиратской культуры»), которая составила себе первоначальный капитал за счет морских разбоев, китайская цивилизация была земледельческой, где основными источниками накопления денег у правительства были поземельный налог и контролируемая им международная торговля — с принятой системой пошлин как дани. Китай всегда считал себя первенцем среди народов, отношения с которыми он строил по принципу превосходства, а внешнюю торговлю рассматривал как дань низших цивилизаций великому китайскому государству. Поэтому изначально внешняя торговля была поставлена под контроль правящей власти. Расширение международной торговли принесло обогащение Китаю за счет эффективного управления коммерческой деятельностью со стороны правительства.

«Китайские международные отношения... строились на основе конфуцианских предписаний для обмена подарками. В “Книге Обрядов”, например, есть тщательно продуманный свод правил для надлежащего обмена подарками. Китай, как самозванный начальник, интерпретировал любой обмен между государствами как дань» [1, 34]. Поэтому деньги концентрировались в руках правящей власти, а не в руках частных лиц, как это было в Западной Европе в период первоначального накопления капитала. Причем, как подчеркивает Якобс, здесь важно, что не сам факт накопления денег выступает в качестве предпосылок капитализма, хотя, безусловно, развитая денежная экономика является технической потребностью капитализма, а скорее то, в чьих руках оказались накопленные деньги — в руках некапиталистических (даже антикапиталистических) сил или же в руках капиталистических сил. В Китае деньги концентрировались в руках правительства, главного оплота бюрократическо-феодального строя Китая, тогда как в Западной Европе деньги находились в руках торговцев, которые вкладывали их в развитие промышленности, что в конечном итоге и расшатало феодализм.

Более того, в Китае со времен династии Хань существовало этическое право правителя предотвращать бесконтрольное накопление денежной массы в руках частных лиц. Начиная от политики государственных кредитов, которые сначала выдавались частным лицам, а затем, как только возникало хоть малейшее подозрение относительно растущего богатства заемщика, востребовались государством с немедленной выплатой всех процентов в любой момент, и заканчивая полной конфискацией правящей властью накопленного капитала. Той же цели служила и банковская политика. Китайское банковское дело принадлежало правительству и служило инструментом, препятствующим накоплению независимого инвестиционного капитала.

Внутренняя торговля также находилась под строгим контролем правительства. «Правитель в Китае имел этическое право вмешиваться в действие рынка, чтобы обеспечить экономическое правосудие» [1, 30]. Поэтому, свободный рынок, который является одним из основ индустриального капитализма, а вследствие этого и свободный город, независимый от правящей власти, в Китае не сложились. Правительство устанавливало цены, регулировало продажи, распределяло запасы продовольствия. Одним из самых значительных шагов китайского правительства в поддержку бедных было создание государственных зернохранилищ, получивших название «хлебные дома». Введение их приписывается неоконфуцианцу, жившему в начале правления династии Хань, который выступил против спекуляций богатых, скапливающих зерно, скупленное по низким ценам, и продававших его в пери-

од неурожаев по завышенным ценам. В противовес этому были организованы правительственные зернохранилища — хлебные дома, в которых хранилось зерно, которое в период дефицита продавалось по тем же самым низким — закупочным — ценам. Китайские хлебные дома стали прообразом европейских хлебных домов; а европейская концепция «справедливых цен», требующая постоянных цен на хлеб и в урожайные, и в неурожайные годы, была направлена против спекуляции торговцев и в феодальной Европе. Но если в Европе, в конечном итоге, восторжествовала свобода торговли, то в Китае нет. Правящая власть всегда относилась к торговцам с опаской, потому что видела в них угрозу существующему строю. Она всячески препятствовала вхождению торговцев в государственные учреждения, а при династии Хань торговцам было запрещено покупать земли, чтобы они не становились слишком сильными или влиятельными. В то же время вся система государственного регулирования общественной жизни Китая была направлена на то, чтобы не вовлекать земледельцев в коммерческую деятельность, так как это могло привести к количественному уменьшению земледельцев, что стало бы катастрофическим для существующего общественного строя.

Современное индустриальное предприятие в Китае возникло как государственное предприятие на деньги налогоплательщиков, а не свободных торговцев, постепенно накапливающих независимый инвестиционный капитал. Все «тридцать отраслей промышленности» Китая были правительственными. В сложившейся ситуации только китайская бюрократия могла выступить в качестве инвесторов за счет наложения дополнительного поземельного налога, который, собственно, и являлся в Китае единственным верным источником капитала. Неправительственный капитал, достаточный для инвестиций, из-за тотального контроля и вмешательства, так и не сформировался в Китае, что всегда было проблемой для власти, испытывающей нехватку в дополнительных капиталовложениях. «Товарный способ производства, как основа государственного, никогда не мог возникнуть в китайской цивилизации, поскольку основные концепции мандаринов исключали не только принцип наследственного аристократического феодализма, но и систему ценностей богатого купечества. Накопление капитала в китайском обществе могло, конечно, иметь место. Но использование капитала в промышленных частных предприятиях постоянно подавлялось ученой бюрократией, поскольку это была единственная форма социальной активности, которая могла бы угрожать их привилегиям. Поэтому купеческие гильдии Китая никогда не достигали статуса и силы купеческих гильдий в городах — государствах европейской цивилизации... Из этого вовсе не следует, что ремесло и

торговля не были развиты в Китае. В XII—XIII вв. в Китае наблюдается расцвет торговли и ремесла в Сунской империи. Это говорит о низком статусе торговли в обществе и о контроле торговли со стороны бюрократии» [3, 156—157].

Таким образом, в отличие от Западной Европы, где металлические деньги — первоначальный капитал — были получены пиратством и скапливались в руках частных лиц, преимущественно в руках торговцев, которые и снабжали пиратские экспедиции, в Китае металлические деньги скапливались в руках правительства, основными источниками дохода которого были поземельный налог и дань от внешней торговли. Кредитно-банковская система и внутренняя торговля также находились под контролем государства, что не допускало увеличения их влияния на хозяйственную жизнь Китая и на его общественный строй. Все это говорит о том, что Китай миновал эпоху меркантилизма, если под эпохой меркантилизма понимать не только накопление денег в руках частных лиц, но и вложение этих денег в развитие торговли и промышленности.

Конфуцианская (этическая) концепция труда

На основании своих исследований Н. Якобс делает общие выводы относительно профессиональной структуры Китая и Западной Европы. В противоположность европейской концепции «общественного разделения труда», согласно которой все виды деятельности с экономической точки зрения считались равноценными и достойными, в Китае существовала этическая концепция «фундаментального разделения труда», согласно которой все виды деятельности делились на фундаментальные и нефундаментальные, достойные и недостойные, что созвучно традиционным и нетрадиционным для китайского общества. Под фундаментальной деятельностью подразумевалась общественно значимая, под нефундаментальной — не общественно значимая, или частная, а потому несоциальная и неблагородная. «Фундаментальные роли были связаны с социальным обслуживанием. Только эти существенные роли, априорно, были благородны и имели право на общественное признание. Нефундаментальные роли, напротив, были априорно постыдными и отрицали общественное признание» [1, 123]. В Китае фундаментальными были земледелие и чиновничество, а нефундаментальными, а потому и постыдными, были промышленность, коммерция и вооруженные силы. Причем такая оценка промышленности и торговли вовсе не вытекала из психологического или культурного типа китайцев, которые за пределами своего государства были великолепными торговцами и рабочими, а из зависимой роли, которую

играли торговля и промышленность в китайском обществе по отношению к сельскому хозяйству.

Промышленный, или индустриальный, «труд» традиционно рассматривался как временное и несущественное «занятие» и оценивался как стартовая площадка для фундаментальных занятий. Такое понимание профессионального труда не имеет ничего общего с протестантским пониманием труда (согласно Веберу) как необходимой основы для развития западноевропейского капитализма. Если в протестантизме профессиональный труд только и считался трудом, а все остальные виды деятельности только занятием, времяпрепровождением, то в конфуцианстве, наоборот, профессиональный труд был времяпрепровождением, тогда как существенными занятиями были земледелие и чиновничья деятельность. При националистах и коммунистах, которые заменили конфуцианских бюрократов, такое понимание профессионального труда сохранилось. Коммунисты, хотя и определили индустриальный труд как основу общественного строя, а пролетариат — как передовую профессиональную группу, труд рассматривали как неотъемлемую часть коммунистического политического движения, а не как профессиональную деятельность, а пролетариат рассматривали как класс, решающий политические задачи, а не как группу, исполняющую профессиональные задачи. Поэтому и у коммунистов профессиональный труд не имеет корпоративного признания, а профсоюзы выступают приложением политической власти, а не самостоятельной силой, защищающей интересы рабочих по отношению к правящей власти, как это и было задумано изначально. И если в Западной Европе на основе профессионального труда и профсоюзов сформировалась независимая экономическая власть, то в Китае только укрепилась политическая власть.

Армией в Китае традиционно управляли гражданские лица, а армейские разряды повторяли ступени государственной службы. Впервые именно в Китае сформировался наглядный признак непрофессионализма любой армии, когда военные должности занимают гражданские лица. Это значит, что армия будет выполнять не профессиональные функции, а политические — защищать существующую власть и проявлять слабость перед захватчиком. Этот образец не изменился при республике, когда главные военные должности продолжали занимать бюрократы, а земледелец-солдат китайской истории получил свой статус от его роли земледельца-пахаря. При коммунистах Красная армия как армия крестьян и рабочих получает признание, но ее статус повышается не от выполнения военных обязанностей как таковых, а за счет выполнения партийных решений.

Заключение

Таким образом, в результате исследований Н. Якобса, изложенных в его работе «Возникновение современного капитализма и Восточная Азия», была показана несовместимость конфуцианства с западноевропейским капитализмом. Такой институт китайского общества, как мандаринат, воплощение конфуцианства в действии — в теории и практике государственного строительства — выступил главным препятствием для развития в Китае капитализма западноевропейского образца. Принципы, которые воплощало в себе конфуцианское государство, а затем его современные эквиваленты в лице националистического и коммунистического государства, были несовместимы с принципами европейского государства, главными целями которого были извлечение прибыли и удовлетворение интересов частного капитала. Потому что установка китайского государства, конфуцианского по своей сути, всегда была больше социальной, чем экономической, ставившей своей целью не извлечение прибыли, а сохранение согласия и гармонии в обществе.

Другими словами, в Китае мы имеем дело с таким типом государства, который не получил на Западе своего реального развития, хотя и был заявлен в политических теориях, позже признанных, в лучшем случае, идеалистическими. Речь идет о существовании государства, служащего интересам всего общества. Несмотря на то, что под интересами всего общества понимались интересы двух фундаментальных классов китайского общества в лице чиновников и земледельцев, но именно они представляли собой большинство населения Китая и были признаны общественно значимыми, т. е. обеспечивающими жизнеспособность всего китайского общества. Соответственно коммерсанты, промышленники, военные были признаны не общественно значимыми сословиями, решающими свои частные, а не общественные задачи, и находящимися в полной зависимости от фундаментальных классов. Поэтому они и не получили в китайском обществе нравственного оправдания и изначально были взяты под контроль государства. В итоге, Китай миновал эпоху меркантилизма, которая в Европе, по сути, была эпохой поднимающегося торгового капитала и его наследника — индустриального капитализма. А деньги в Китае никогда не имели такой моральной силы, как на Западе, потому что истинным богатством страны считалось народонаселение, на рост и обеспечение которого была направлена вся деятельность китайского государства. В результате, в Китае рано сформировался главный принцип экономической политики государства: чем больше земледельческого населения, тем богаче государство. Поэтому земля в Китае никогда не была ис-

точником накопления капитала, а всегда — средством существования своего народа.

Китайская система землевладения и наследования стала главным оплотом земледельческого фундаментализма Китая, наделившего земледельцев землей и преградившего, с одной стороны, их отток в города для пополнения класса пролетариата, так необходимого для возникновения индустриального капитализма, а с другой — поглотившего их торговцами, так необходимыми для образования финансового капитализма. Проще говоря, в Китае крестьянство было сохранено как класс, хотя мы сознательно, и в противовес всем исследователям, говоря о конфуцианской системе земледелия, ни разу не употребили термин «крестьянство» для обозначения земледельца Китая, ибо считаем, что этот термин имеет отношение только к европейским сельскохозяйственным системам, где крестьянин есть христианин, а христианин есть крестьянин.

Не подходит к характеристике китайской системы земледелия и термин «фермер», который неоднократно использует Якобс, говоря о китайском земледельце, намекая на некую аналогию с фермерским хозяйством США, что противоречит его же собственным характеристикам китайской системы наследования земли. В США изначально собственниками земли были крупные земельные магнаты, сформировавшие свои ряды или из бывших лордов, которым английская корона давала земли за океаном, или из рядов буржуазии, покупавших земли за большие деньги. Поэтому фермер США, как правило, является арендатором, а не собственником земли, тогда как земледелец Китая — это, прежде всего, собственник земли, даже если он большую часть жизни занимался другими занятиями, ибо это его положение гарантировано ему системой наследования, согласно которой земля представлялась каждому взрослому мужчине семьи.

Да, государство Китая имело этическое право вмешиваться в частнособственнические отношения, чтобы, с одной стороны, препятствовать образованию крупных земельных хозяйств, а с другой — обеспечивать повышение производительности земли за счет переселения земледельцев. Но и на новом месте земледелец получал землю и всегда был при земле, а не как фермер США — «фермером без фермы». Ибо в Китае земля принадлежала тем, кто на ней живет и кто ее обрабатывает, т. е. использует по назначению. И это политика всех правительств Китая — от конфуцианцев до коммунистов — которые свою аграрную реформу начали с того, что ликвидировали пустующие земли, отдав их под сельскохозяйственное производство. И в этом смысл аграрной политики государства, в противоположность тактике земельных магнатов, которые в один прекрасный момент захотят использовать землю

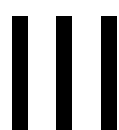
не по назначению, например, провести огораживание и отдать ее под выращивание овец, потому что шерсть в данный момент оказалась более рентабельной, чем земля, или вообще запустить все земледелие страны.

Таким образом, для избежания терминологической путаницы мы, во-первых, для характеристики сельскохозяйственного населения Китая использовали термин «земледелец», во-вторых, под китайской системой землевладения понимали не арендную систему хозяйства, где все были арендаторами земли у государства, как на это намекал Якобс, а подконтрольную государству частнособственническую систему, гарантированную правом наследования. Результатом китайской системы землевладения и наследования и стало «сохранение крестьянства как класс».

Одним из главных достижений Н. Якобса является последовательное проведение им мысли, согласно которой коммунистический период китайской истории есть закономерный результат развития конфуцианского государства, существовавшего в Китае на протяжении двух тысяч лет. Якобсу удалось не только показать несовместимость конфуцианства и западноевропейского капитализма, но и соответствие китайского коммунизма конфуцианской доктрине. Применяя марксистскую терминологию, в которой нет ни грани этики и религии, к решению аграрного вопроса в Китае, можно сказать, что главным достижением китайской коммунистической партии было «сохранение крестьянства как класс», уничтожение которого в Европе выступило необходимым условием для появления там современного индустриального капитализма. Через уничтожение «крестьянства как класс» прошла не только Европа — на пути строительства капитализма, но и Россия — на пути строительства социализма. Одной из главных коренных экономических причин развала СССР является решение аграрного вопроса не в пользу крестьянства. И если СССР не удалось построить коммунизм в условиях «уничтожения крестьянства как класса», то Китай, «сохранивший свое крестьянство как класс», оказался сегодня ближе всего к коммунистическим идеалам. И в этом смысле китайский коммунизм есть логическое продолжение китайского земледельческого фундаментализма, взлелеянного конфуцианством, тогда как советская аграрная политика пошла вразрез с православными земледельческими традициями. Тем самым Китай реально показал другой путь к коммунизму, идущий не через уничтожение крестьянства, а через сохранение крестьянства. И самый нерешенный вопрос в марксизме — аграрный — получил свое практическое решение в форме реального «земледельческого коммунизма» Китая.

Литература

1. *Jacobs N.* The Origin of Modern Capitalism and Eastern Asia. Hong-Kong, 1958.
2. *Петров М.К.* Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д, 1992.
3. *Нидам Дж.* Общество и наука на Востоке и на Западе // Наука о науке. М., 1966.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

В.И. КОРНЯКОВ, Н.А. АЛЕКСЕЕВА

Позвоночник общественного воспроизводства современной экономики

Аннотация. Рассматривается встроенность совокупного производственного аппарата социума в поток общественного технологического процесса производства — главной материальной основы целостности всего общественного воспроизводства. Выясняются его экономические содержание и принципиальные качества современного.

Ключевые слова: общественное воспроизводство, ОТПП (общественный технологический процесс производства), овеществленный труд, воспроизводственный поток, технологические цепочки.

Abstract. It is considering the lining up the society's aggregate producing capacity as the stream of public technological process of production of OTPP which is the main material basis of integrity of all public reproduction. It is clear up the economic contents and basic qualities of modern OTPP.

Keywords: social reproduction, PTPP (public technological process of production), embodied labor, reproduction stream, workflows.

Теория общественного воспроизводства как единства производительных сил и соответственных экономических отношений опирается на особое их качество, которое постепенно получило название общественного процесса производства. Более полно и точно оно может быть названо *общественным технологическим процессом производства (ОТПП)*.

Но этот термин фактически исчез из публикаций последних двух десятилетий. Однако из экономики соответствующий объект не только не пропал, но в условиях современного научно-технического и технологического прогресса развивается и обнаруживает все более богатое не только технико-технологическое, но и экономическое содержание.

ОТПП ввиду своей не схватываемой воображением громадности (это, по-видимому, одно из самых обширных-объемных экономических образований) в обыденной действительности как дискретный предмет прямо, непосредственно не просматривается. Однако его существование и «работа» не вызывают ни малейших сомнений.

Крупные экономики сегодня являют собой миллионы предприятий («бизнесов»), выпускающих ту или иную продукцию (оказывающих те или иные услуги). Продукция (услуги) каждого без каких-либо исклю-

чений поступает либо для личного, либо для общественного воспроизводственного потребления, либо (как элемент промежуточного продукта) для потребления производительного, т. е. выпуска других изделий. Абсолютная всеобщность этого правила — несокрушимое доказательство единства всех процессов производства как целого, заканчивающегося лишь там, где продукция, покидая экономику, переходит в воспроизводственную сферу. Налицо бесспорная всеобъемлющая технико-производственная и технологическая взаимодополняемость всех предприятий как участников всего общественного воспроизводства.

Она показана уже К. Марксом — особенно четко в разделе VI главы XX второго тома «Капитала». Отсюда понимание В.И. Лениным социализма как «одной конторы и одной фабрики» [1, 101]. Отсюда же модель межотраслевого баланса В.В. Леонтьева и многие другие макроэкономические модели.

Таким образом, общественное воспроизводство — это не только единство производства и обращения, о которых весьма часто пишут научные издания, это также и ОТПП — производственное техническое-технологическое единство функционирования всех средств производства, производственных фондов, постоянного (основного и оборотного) капитала всех собственников всего общественного воспроизводства. Отсюда — понятие совокупных работника, рабочей силы. Для этого функционирования экономики как единого целого отношения собственности (разные собственники!) абсолютно проницаемы. Более того, собственники всячески содействуют невредимости объединяющих предприятия производственных связей. Лишь тогда, когда возникают нарушения тем или иным производством социального критерия эффективности — нормы прибыли — предприятия, не обеспечивающие ее, могут подвергаться реорганизации вплоть до закрытия. Затем может последовать та или иная «починка» поврежденной сети производственных связей.

И классикам, и многим исследователям, так или иначе, известна идея общественного воспроизводства как единого потока экономической материи. Целостность всего общественного производства естественно определяет и целостность его воспроизводственного потока. В ряде наших работ (наиболее обстоятельно в [2]) мы развернули и конкретизировали эту идею следующими основными положениями.

1. Воспроизводственный поток ОТПП имеет завершение («конец») и «начало». Если завершением, согласно мнению многих авторов, считать II подразделение (здесь продукция покидает производящую экономику), то «началом», истоком воспроизводственного движения, является «кольцо Маркса», «производство средств производства для средств производства», в годовых оборотах которого получает объ-

яснение возникновение-появление каждого «кванта» овеществленного труда воспроизводства текущего года.

2. Единство всего общественного производства и воспроизводства необходимо предполагает единого субъекта всего воспроизводственного движения, которого можно назвать единой трудовой экономической субстанцией, виды которой (живой труд, труд, овеществленный в предметах, в средствах труда, в произведенной продукции) ввиду своего единства направлены превращаются один в другой. Как и сам живой труд, субстанция органически противоречива-двуедина: ее «результатная» творящая (обладающая производительной силой) составляющая всегда сопровождается затратной — расходом ресурсов жизни трудящегося.

Итак, ОТПП — технико-технологическое единение всех предприятий в производстве и воспроизводстве совокупного общественного продукта как воплощения всех индивидуальных и, тем самым, общехозяйственных результатов и затрат. На наш взгляд, верное понимание экономического содержания ОТПП (как, впрочем, и иных образований экономики) требует учета диалектики неотделимости и неслиянности, получившей развитие не в светской научной, а в религиозной философии, особенно применительно к рублевской Троице. В соответствии с этой диалектикой каждое индивидуальное, образуя вместе с другими индивидуальными общее, не растворяется до конца в этом общем, а, участвуя в нем, в то же время сохраняет свои индивидуальность, качество, происхождение. ОТПП при всем своем гигантизме включает различимые, выделяемые вклады всех участников своего создания. Различимость этих вкладов — не мистика, не чудо. Она образована сложнейшей завоеванной-вымученной дискретностью создающих ОТПП технологических цепочек обработок, переделов, предприятий. И данное обстоятельство носит фундаментальный характер, во многом определяя направления совершенствования, развития современных экономических систем.

Из этих кратких характеристик явствует, что ОТПП может рассматриваться и в аспекте производительных сил, и со стороны экономических отношений. Но, конечно, порознь эти стороны ОТПП не существуют, в нашем дальнейшем рассмотрении они специально не разграничиваются.

ОТПП, родившийся в итоге первой промышленной революции, особенно выражено раскрывает свои незаурядные качества в XX—XXI вв. В прессе немало упоминаний о драматическом усложнении экономического бытия, растущей беспомощности и изолированности индивидов. Между тем содержание ОТПП прямо противоположно. Но его генерализующие связи всеобщей экономической консолидации

простерты всеохозяйственно, почему в обыденности могут быть невидимыми.

И *первое* принципиальное качество современного ОТПП в том, что в нем получает высшую экономическую объективацию индивидуальность, личность каждого работника. При современных технологиях трудовой вклад каждого индивидуального работника — объективная необходимая составляющая жизнеспособности всей технологической цепочки, а потому, при совокупности данных условий — и всего ОТПП. Таким образом, на ОТПП — материальные отпечатки всех трудовых вкладов всех поучаствовавших в его рождении индивидуальностей. Поэтому ОТПП являет собой синергически охватившие друг друга овеществленные производительные силы всех его создателей. Это все материально-потокково движущееся экономическое «вещество» как высшее расширение сферы экономической объективации каждой личности. В этом смысле наступает время «запеленгованного» («авторского») участия каждого труженика в судьбах человечества.

Второе качество (признак, свойство) ОТПП: он есть всесторонне самосогласующееся стопроцентное движение. Двигутся все его вещественные составляющие. Двигается, прежде всего, субстанция, претерпевающая обработку — предметы труда с их преобразованием в конечные продукты. Соответственно движению этой самой текучей вещественной части субстанции выстроены стадии обработки, технологические цепочки. Но движутся и средства труда, так называемый основной капитал, хотя и с много меньшей скоростью. Таким образом, весь ОТПП каждой большой страны с его интернациональными ветвлениями — сплошное самодвижение и самопревращение, самоизменение. На его ход оказывается растущее сознательное воздействие. Однако в целом в мире, и в большинстве стран, первенствует его «самость». Громадный всемирный выраженно упорядоченный поток словно реализует команды чьего-то вселенского замысла. Политэкономическая схема (модель) этого движения нами неоднократно публиковалась.

Третье. ОТПП движется-функционирует непрерывно-прерывно (дискретными тактами) без отдыха, отгулов не только составляющими фрагментами, но, прежде всего, весь целиком (от на годы и годы отстоящего «начала» до «конца»). Единое экономическое время функционирования ОТПП люди до сих пор даже не пытаются осмыслить и замерить.

Иные предприниматели «начала» ОТПП в сплетении добывающих отраслей могут не иметь представления о том, где будет использоваться их продукция. Но их продукция никуда-таки не пропадает, так или иначе проходит все сотни производственных звеньев обработки до

выхода из сферы производства в качестве составляющей конечных изделий. Ее путь де-факто детерминирован, причем изначально, еще до производства. Значит, и ее производство, и выпуск соответствующих конечных изделий схвачены одним и тем же экономически целостным «замыслом», «решением», и одним и тем же экономическим временем. Каждое такое звено ОТПП имеет «внутренние» прошлое и будущее, четко соотносимые между собой. Ни одно производство не существует ни виртуально, ни реально без этих своих прошлого и будущего. Но все эти «частные» временные характеристики частей ОТПП — принадлежность его общего движения и единого времени. Следовательно, данный определенный единичный «сейчасный» ОТПП как целостность — это не только всемирно-единое производство, протертое в прошлое, настоящее и будущее, но и единое экономическое время, можно сказать — одна единая его шкала.

Пока что мы, экономисты, не знаем никаких временных параметров единичных тактов этой «работы» ОТПП. Время общего оборота Солнечной системы вокруг центра Галактики — пожалуйста, все известно; время же обновления данного текущего-функционирующего ОТПП, его общей продолжительности от «начала» до «конца» — нет, его тактов — нет. И сколько таких «тактов» у ОТПП за то или иное календарное время? К тому же ОТПП в своей целостности, несмотря на его «внутреннее» время, всегда существует для каждого его работника еще и субъективно («здесь и сейчас»). Общее время жизни-функционирования ОТПП «усеяно» внутренними шкалами времени его отдельных субъектов. Это непривычная и непростая диалектика.

Четвертое. Реальный ОТПП, как нами не раз показывалось, внутренне многолетен. Начало «сейчасного» движения экономической субстанции — в весьма отстоящих прошлых годах «разматывания» «кольца Маркса» [3]. А завершения (в конечных продуктах) этого налично происходящего движения, как показывают факты жизни и модельные расчеты, происходят как бы веером: и в данном году, и на протяжении ряда последующих лет (разъясняется в цикле работ, например, в [2]).

Пятое. Понятно, что деятельное-творящее функционирование «квантов» овеществленной экономической субстанции происходит на протяжении всего времени их прохождения-движения через ОТПП от сколь угодно давних времен до настоящего момента, а для многих из них — и в будущем. Важно подчеркнуть: каждое мгновение, в любом «сейчасе», функционирует *все* — вся бесконечность ОТПП, включая ту, которую мы зрительно не видим (она «где-то там»), чувственно не воспринимаем. Актуальные в текущем производстве свойства субстанции могут быть (частично и даже полностью) сформированы тру-

дами давних прошлых лет, но действительно обнаруживают эту свою природу и при создании, и много позже — допустим, сегодня. Весь ОТПП как единый производственный аппарат социума, конечно, — застывший овеществленный труд, но в момент своего застывания все его фрагменты были живыми в общепринятом традиционном смысле. А сейчас все они, став чувственно невидимыми, живые-функционирующие уже экономически. Мы оставляем философам этот факт: образования физически вроде бы нет, оно явным образом как будто «здесь и сейчас» не присутствует, где-то в прошлом, но и, явившись из этого прошлого, оно живет и «работает» в данный момент («сейчас»), причем многие будут «работать» завтра-послезавтра, а некоторые, как выявляет моделирование, и в сколь угодно отдаленном будущем, вечно. Вроде бы чувственно «отжившие» компоненты ОТПП тем не менее материально присутствуют в нем сегодня, и не просто присутствуют, а экономически активны. В этом смысле в составе экономической материи, пребывающей в ОТПП и продвигающейся по нему, нет субстанции ни «мертвой», ни беспробудно «спящей». Экономическая субстанция овеществленного труда ОТПП существует в нем не только от ближних, но и самых давних времен, и системе ОТПП вся она экономически живая-действующая, «работает», направляя свои усилия-услуги в сегодня и в будущее. В этой деятельной природе всей экономической субстанции текущего производства — все-временное жизнь-единство ОТПП, всех его «тактов». Каждый квант субстанции ОТПП экономически «жив» на все сто процентов, но при этом у отдельных составляющих ОТПП — свой «образ жизни», своя специализация.

Шестое. Образующий физически наличный ОТПП овеществленный труд, вопреки распространенным представлениям, не соотносится исключительно с прошлым и не является нерасчленным однообразно-монотонным монолитом. Особое внимание привлекает функционирование-движение вышеупомянутого так называемого овеществленного труда, вошедшего в данную определенную стадию обработки именно из прошлого, из предшествующих стадий технологических цепочек. В длинных производственных технологических цепочках овеществленные труды начальных стадий повторяются иногда по несколько десятков и сотен раз, пока цепной процесс не достигнет конечной, выпускающей стадии обработки. Рассматриваемый овеществленный труд — не омертвевшее образование. Хотя уже на втором, на третьем, а тем более — на последующих технологических переделах от тех потребительских признаков, свойств, которыми предмет труда обладал при первой своей обработке, внешне мало что остается. «Тело» исходной потребительской стоимости неоднократно преобразовано, реформи-

ровано конкретным полезным трудом каждой стадии обработки, который К. Маркс не случайно назвал «трудом формирования». Но в технологических цепочках ОТПП утрата исходной полезности никогда не бывает абсолютной. Ее всегда заступает появившаяся-рожденная ее «телом» (и новым трудом) новая полезность. Именно благодаря ей сможет воспоследовать следующая, очередная стадия технологической цепочки: обработка придавала предметам труда, овеществленному труду такие качества, которые позволили ему соединиться с живым трудом новой стадии обработки. Каждая стадия обработки — подвижка заготовки к последней, завершающей операции по выпуску продукта. На каждой происходит формирование новой потребительной стоимости, пригодной для обработки на следующей, и так до выпуска конечного изделия. Причем на каждой обязательно и не заменимо участвует сразу весь прошлый труд. Ради этого его целикомого, ничем и никем не заменимого участия (наряду с новым живым) и протянуты через весь ОТПП длинные технологические цепочки.

Дремотное состояние прошлого труда имеет место, длится лишь тогда и постольку, поскольку отсутствует-прерван живой труд. Но когда живой труд возобновлен, прошлый труд как его «брат» и объект тоже «вживую» функционирует (в значении и материала создаваемой потребительной стоимости, и его «соавтора»-творца).

Это создание в технологических цепочках серий сменяющих друг друга и друг в друга превращающихся потребительных стоимостей — процессы невообразимой сложности. Начиная с первых же стадий технологической цепочки, овеществленный труд — сложно организованная композиция вкладов многих полезных трудов: к нему присоединяется, застывая в продукте, каждый новый живой труд очередной стадии единого технологического процесса. Причем вклады труда первых стадий никогда не исчезают-уничтожаются, но преобразуются, становятся моментами очередной потребительной стоимости.

И, наконец, *седьмое* — особенно важное качество ОТПП. Конечная продукция ОТПП — это как бы «свернутый» ОТПП, сложенный дружный многоголосый «хор» всех индивидуальных звеньев всей многолетней продвинувшейся (к завершению всего процесса движения) громады конкретных трудов этого гигантского образования. Моделирование устанавливает присутствие в конечном продукте вкладов трудов многих предыдущих лет (абстрактно — даже бесконечно удаленных). Без хотя бы некоторых индивидуальных производственных звеньев, (в том числе самых дальних) «хор» не соберется, «захрипит», оборвется, смолкнет. И каждый «голос» здесь, пока конечный продукт не покинул экономики, — строительный, функционирующий, образующий и крепящий этот конечный продукт и в этом экономическом

смысле — живой. Собственно живой труд повсюду в ОТПП, овеществившись, не перестает экономически жить. Он экономически жив своим участием в построении следующего продукта технологической «цепочки», а в составе последнего — в создании очередного и т. д. Он неповторимо индивидуален и в то же время в неотделимости от других: его держат при себе, на него и воздействуют, и опираются все другие, он, не омертвевая ни на секунду, до конца живо поддерживает-выдерживает всю живую «пирамиду» хора.

Возможно, дальнейший анализ позволит выявить и другие свойства современного ОТПП как позвоночника всего общественного воспроизводства — совокупно функционирующего производственного аппарата сегодняшней экономики. Все они сосуществуют-софункционируют целостно и могут рассматриваться по отдельности только теоретически. Полагаем, предстоит исследовать, что нового привносит в общественное воспроизводство современное развитие рассмотренных свойств ОТПП. Нам представляется, синтетическим новым является современные потоковость и положенность всего движения общественного воспроизводства.

Потоковым, непрерывно и направленно трансформирующим свою субстанциональную материю, общественное воспроизводство было изначально. Но ныне потоковость становится все более кристаллизирующейся стойкостью всех очертаний и всего самодвижения ОТПП. Все прекрасно знают, на кого они работают, а равно кто работает на них. Развернутые продолжительные маршруты с формальной стороны существуют вроде бы идеально, но в огромном большинстве случаев уже вполне реально, как бы ожидают субстанции, обязательно должны их наполнить, и заранее обсчитываются экономически. Эта устойчивая структурированность потоков абсолютна в решающем сегменте общественного воспроизводства — в длинных технологических цепочках сверхкорпораций, сверхконцернов. И отсюда она уверенно навязывается ими остальным сегментам общественного воспроизводства.

Свойства современного ОТПП, его потоковость-положенность, казалось бы, самым «красноречивым» образом «просятся» в объекты серьезного изучения и надлежащего сознательного использования людьми. В аспекте изучения можно отметить ряд значимых подвижек. Конечно же, в этом направлении должны быть приняты во внимание и анализы состояния отдельных отраслей производства, и исследования межотраслевых связей, и описания-характеристики территориальных комплексов и кластеров, и выяснения цепочек приращения стоимости по методологии М. Портера. Однако все это, к сожалению, нельзя отнести к прямому направленному изучению ОТПП как целостного объ-

екта исследования. Нам не удалось найти в доступной нам литературе упоминаний о какой-либо исследовательской структуре, специально изучающей образование типа ОТПП. Хотя движение в направлении создания такой структуры несомненно. Например, Агентством стратегических исследований разработан инвестиционный портал регионов России. «На нем с помощью интерактивной карты можно получить информацию об инвестиционных предложениях регионов, наличии инженерной и транспортной инфраструктур, показателях развития и мерах государственной поддержки бизнеса в субъектах» [4, 34].

По нашему мнению, что-то, а уж позвоночник общественного воспроизводства требует исследований такого масштаба, какие в нашей стране предпринимались для изучения естественных производительных сил. Чем скорее будут предприняты соответствующие организационные меры, тем лучше будет для страны. Нам представляется, что надо создавать специальный орган проведения таких исследований по образцу СОПС — Совета по изучению производительных сил.

Результаты таких исследований вооружили бы экономику инструментарием воздействия на ее развития, можно сказать, фундаментального значения. Достаточно вспомнить нерешенную до сих пор проблему экономических кризисов. Мы почти ничего не знаем о них — когда приходят, какой мощью располагают, когда минуют. Между тем, располагая научной «картой» ОТПП, социум, с его современной информатикой, заблаговременно выявлял бы появление воспроизводственных угроз и «гасил» бы их еще до возникновения сколько-нибудь значимых сбоев в общественном воспроизводстве. «Гасил» бы в самом производстве, не прибегая к хлопотным и тихоходным, но малоэффективным программам рыночных мероприятий (см. также: [5; 6]).

Литература

1. *Ленин В.И.* Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33.
2. *Корняков В.И.* Сомкнувшаяся потоковая экономика: рассуждения об обгоняющей самоускоряющейся экономике XXI века. М.; Ярославль, 2003.
3. *Алексеева Н.А., Корняков В.И.* О классическом уровне теории общественного воспроизводства // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики: Сб. науч. тр. / Под ред. Б.Д. Бабаева. Иваново, 2012. Вып. 2 (18).
4. *Труханова Э., Ранчев Д., Кузнецов Д.* Эффект развития // Российская газета. 2013. 31 янв.

5. Корняков В.И., Алексеева Н.А. Производительность живого труда, структурная и воспроизводственная производительность в современной страновой экономике // Научный журнал СПбГУНИПТ. 2013. № 1 (март). Сер. Экономика и экологический менеджмент // URL: economics.open-mechanics.com.

6. Корняков В.И. Послезавтра: краткая политическая и социальная экономия. Ярославль, 2007.

А. БЭТТЛЕР

Потенциал развития человека как фундамент движения человечества к прогрессу

Человек есть мера всех вещей.

Протагор

Аннотация. Подвергается критическому анализу теория национального богатства и человеческого капитала, взамен выдвигается собственная концепция факторов, лежащих в основе прогресса человечества. В этой связи большое значение придается взаимосвязи между средней продолжительностью жизни и прогрессом, фундаментом которого являются общественные знания.

Ключевые слова: национальное богатство, человеческий капитал, потенциал развития человека, прогресс, средняя продолжительность жизни.

Abstract. The author exposes critical analysis of the theory of national wealth and human capital, instead pushing his own concept of the factors underlying the progress of mankind. In this regard, he attaches great importance to the relationship between the average life expectancy and progress, the foundation of which is public knowledge.

Keywords: national wealth, human capital, potential of human development, progress, average life expectancy.

Во второй половине XX в. в рамках буржуазной политэкономии на Западе стала широко распространяться теория национального богатства и человеческого капитала, обязанная своим возникновением таким крупным американским экономистам, как Теодор Шульц, Гери Беккер (лауреаты Нобелевской премии по экономике), а также Джейкоб Минцер. К концу первого десятилетия XXI в. особую популярность эта теория получила и в капиталистической России, экономисты которой, буквально следуя за своими западными учителями, взяли ее

на вооружение для подсчета богатства России. Хотя содержательная часть теории ничего нового в анализе экономических процессов не дает, ее привлекательность, скорее всего, связана со словом *богатство* в сочетании со словом *национальное*, а слово *человеческий* в сочетании со словом *капитал*. Эти словосочетания позволяют камуфлировать эксплуататорский характер капиталистического общества, выводя его на термины, как кажется авторам, внеклассовым, так сказать, общечеловеческим.

Некоторые же российские экономисты настолько прониклись этой теорией, особенно ее составляющей — человеческим капиталом, что видят в ней чуть ли не панацею для развития России. Так, один из них, В. Мау, всерьез пишет: «Страна, которая сможет сформировать современную эффективную модель развития человеческого капитала, получит огромное преимущество в постиндустриальном мире» [1, 115].

Судя по контексту статьи Мау, такая модель существует в США. Вопрос только в том, действительно ли она эффективна. Практика говорит о том, что эта модель не решила ни одной социально-экономической проблемы в этой стране.

Но пропагандист этой теории в России Р.И. Капелюшников, участник данного проекта в ОЭСР, идет еще дальше. «Общепризнанно, — пишет он, — что накопление человеческого капитала является одним из главных “моторов” экономического роста, ключевым фактором экономического и социального благосостояния современных обществ. XX столетие было названо экономистами веком человеческого капитала. Уже ясно, что с еще большим правом эта характеристика будет приложима к нынешнему XXI столетию» [2, 3].

Российские экономисты явно не понимают, что *сущность капитала*, даже «человеческого», заключается не в том, чтобы получать какие-то «преимущества», и не в том, чтобы решать социальные проблемы. И уж не в том, чтобы увеличивать благосостояние общества. А в том, чтобы сделать богатых еще более богатыми, а бедных еще более бедными. И это происходит как в индустриальном обществе, так и в «постиндустриальном», будь то век XIX-й, XX-й или XXI-й.

Теория национального богатства и человеческого капитала в рамках буржуазной политэкономии

Рассмотрим коротко два основных понятия теории национального богатства: национальное богатство (НБ) и человеческий капитал (ЧК).

Стандартное определение НБ звучит так: это совокупность материальных благ, накопленных в обществе в результате предшествующего труда людей, и природных ресурсов, пригодных для использования.

В политэкономическом выражении это означает — совокупная *стоимость* всех экономических активов (нефинансовых и финансовых) в рыночных ценах, находящихся на ту или иную дату в собственности резидентов данной страны, за вычетом их финансовых обязательств как резидентам, так и не резидентам. При этом часто подчеркивают, что НБ — это характеристика экономической *мощи* страны.

Почему-то из таких определений никто не замечает несоответствия между словом *богатство* и его определением. Богатство — это *изобилие* материальных ценностей у человека или общества. А любое изобилие находится вне рациональных потребностей человека или общества. Это всего лишь излишек, своего рода роскошь, которая в принципе не нужна для воспроизводства человека или общества. Обычно наличие таких излишков характерно именно для богатых, которые, как правило, составляют меньшинство общества. И такое богатство не может быть *национальным*, т. е. распространяться на всю нацию, которая, как известно, состоит не только из богатых, но и из бедных, средних и т. д. Вот какова статистика распределения богатства в США.

В 2010 г. на 1% верхнего слоя населения США приходилось 35% стоимости материального богатства и 42% стоимости финансовых активов, в то время как на 80% населения соответственно падало 11 и 5%.

В статье экономиста Вильяма Домхофа, из которой позаимствованы приведенные цифры, дана красноречивая таблица, в которой показан разрыв в доходах жителей 136 стран на основе коэффициента Джини (Gini index or Gini ratio). США в этом списке занимают 93-е место, Россия — 82-е, а Япония — 61-е. (Наименьший разрыв в Швеции и Норвегии.) [3].

Причем этот разрыв продолжает нарастать. Отчет Федеральной резервной системы США (Survey of Consumer Finances) показывает, что состояние средней американской семьи в 2010 г. скатилось до минимального уровня 1992 г. [4]. Более того, в 1962 г. 1% наиболее состоятельных граждан США были в 125 раз богаче всех средних домохозяйств страны. К 2010 г. этот показатель увеличился до 288. Другими словами, за последние 50 лет разрыв в уровне благосостояния между богатыми американцами и среднестатистической семьей вырос в 2,3 раза (NEWSru.com 11 сентября 2012 г. со ссылкой на американские источники).

И о каком же богатстве всей нации (национальное богатство) можно говорить при такой бреше между богатыми и бедными, которая, кстати сказать, увеличилась после мирового кризиса 2008 г. Это слово звучит как насмешка над 80% американского населения, где 49 млн

человек живет в зоне «продуктовой опасности» («food insecurity»), а 48 млн человек получают продуктовые карточки [5]. В какой-то степени равномерность распределения присуща Японии, но и в этом случае разрыв остается.

Но если понимать термин *богатство* как излишек, роскошь, то он ни в коем случае не может быть характеристикой экономической *мощи* страны, поскольку это — излишек, это то, что не работает, это мертвый капитал, он не участвует в реализации этой самой *мощи*.

В результате предикат (совокупность материальных благ) абсолютно неверно определяет субъект (богатство), он определяет нечто другое, а отнюдь не богатство. Этот предикат может определить другой субъект, а именно потенциал экономической *мощи* (ПЭМ) страны. Другими словами, *ПЭМ — это есть совокупность материальных и нематериальных ресурсов страны*.

При этом надо иметь в виду, что политэкономическое определение, связанное со стоимостью, не подходит, помимо названного, и по другой причине: природные ресурсы, которые обозначают как один из нефинансовых активов, обладают стоимостью только в случае вовлечения их в общественно-экономический оборот. Те же, которые лежат «мертвым грузом», т. е. не вовлечены в цикл общественного производства, никакой стоимостью не обладают. В лучшем случае это просто *потенциальные* ресурсы, которые могут быть никогда не задействованы.

Теоретики НБ выбрали неудачное слово, поскольку оно хотя и может быть экономической категорией при четких оговорках, но оно одновременно является понятием в системе политических отношений. Богатство — это господство, власть — явление политики.

Еще хуже дело обстоит с понятием *человеческого капитала*. Материалы ОЭСР определяют его так: человеческий капитал — это «знания, навыки, умения и способности, воплощенные в людях, которые позволяют им создавать личное, социальное и экономическое благосостояние».

Капитал — это наиважнейшая категория политэкономии капитализма. Для субъекта капитала безразличны знания, навыки и пр., пока он не заставит весь предикативный ряд работать на себя в целях его возрастания. Капитал — это стоимость, обязанная приносить прибавочную стоимость. А слово «человеческий» — это всего лишь рабочая сила (переменный капитал), которая как раз и приносит прибавочную стоимость. Иначе говоря, в слове «капитал» заложена эксплуатация «знаний, навыков» и т. д., а не их добровольное служение своему благосостоянию. То есть весь предикат имеет отношение к субъекту только через очень сложную цепочку явлений, связанных с характером

функционирования капиталистической экономики. И то, что в определении субъекта названо капиталом, на самом деле является *потенциалом человеческого развития* (ПЧР), который не обязательно направлен на «увеличение своего благосостояния». Наоборот, чем выше качество этого потенциала, тем менее личность думает о своем благосостоянии.

На самом деле теория человеческого капитала, например, в исполнении Всемирного банка, самого человека рассматривает как «элемент национального богатства», как «фактор экономического роста». И это действительно так. Человек в буржуазном обществе в самом деле является капиталом, а не человеком, поскольку его суть — приносить прибыль, богатство для правящего класса, т. е. это та же самая рабочая сила в качестве товара, о чем писали классики марксизма. И в этом смысле определение термина «человеческий капитал», даваемое буржуазными экономистами, можно признать справедливым. Оно отвечает духу и сущности капиталистического общества.

Правда, некоторые экономисты делают акцент на другом. Они говорят, да, в современной системе не человек является целью, но он является решающим фактором в процессе производства материальных и духовных ценностей. Допустим. Но если мы проанализируем все фазы производства, исходя из критерия его эффективности, то получим заключение, которое сделано лауреатом Нобелевской премии по экономике Полом Самуэльсоном и Вильямом Нордхаусом в постоянно переиздаваемом учебнике. Это заключение можно рассматривать как универсальный закон капитализма. Вот оно: «*Эффективность распределения ресурсов (или эффективность) имеет место тогда, когда любая реорганизация производства с целью повышения благосостояния кого-либо невозможна без уменьшения благосостояния остальных. В условиях эффективного распределения ресурсов более полное удовлетворение потребностей одного из членов общества возможно только за счет снижения уровня удовлетворения других потребителей* (выделено авторами, курсив мой. — А.Б.)» [6, 320].

И приведенные выше цифры бреши в распределении богатства верхних и нижних слоев населения любой страны капитализма подтверждают этот универсальный закон. В целом же теория НБ и ЧК с политэкономической точки зрения является еще одним из вариантов идеологизации капиталистического способа производства, пытающегося представить его неким объективно-позитивным процессом, направленным на благо всей нации и конкретного человека. Это не означает, что эта теория вообще лишена смысла. В некоторых прикладных целях, как, например, в подсчете уровня образования или науки, она обладает техническим инструментарием, который может

быть использован вне зависимости от идеологических или политических пристрастий.

Марксистская теория народного богатства и потенциала человеческой личности

Все политэкономы хорошо знают, что тема богатства в экономической литературе появилась почти 200 лет назад, а в сконцентрированной форме — в классическом труде Адама Смита «Богатство народов» (1776). Естественно, на эту тему не могли не откликнуться и Маркс с Энгельсом. Молодой Энгельс в своих «Набросках к критике политической экономии» писал: «Выражение “национальное богатство” появилось впервые благодаря стремлению либеральных экономистов к обобщениям. Пока существует частная собственность, выражение это не имеет смысла. “Национальное богатство” англичан очень велико, и все же они — самый бедный народ в мире» [7, т. 1, 548]. На наш взгляд, данное утверждение является актуальным и в настоящее время.

Несколько подробнее эта тема была затронута в «Экономических рукописях» Маркса, который хотя и продолжал употреблять этот термин, придавал ему совершенно другое значение. Он писал: «Богатство выступает как самоцель лишь у немногих торговых народов — монополистов посреднической торговли... Дело в том, что, с одной стороны, богатство есть вещь, оно воплощено в вещах, материальных продуктах, которым человек противостоит как субъект; с другой же стороны, богатство как стоимость — это просто власть распоряжаться чужим трудом не в целях господства, а для частного потребления и т. д.» [7, т. 46, 475].

И в этой связи он подчеркивает, что для древнего воззрения именно человек выступает как цель производства. В современном же мире наоборот: само производство становится целью человека, а богатство — целью производства. На самом деле богатство это отражение творческих дарований человека, его господства над силами природы, в конечном счете его труд. Маркс подытоживает: «Все, что не является результатом человеческой деятельности, результатом труда, есть природа и в качестве таковой не является социальным богатством» [7, т. 26, ч. 3, 446].

Наша позиция исходит из марксистской теории богатства, хотя терминологически она может и отличаться от его классических вариантов.

Национальным богатством любого государства я называю нацию, т. е. население страны. Поскольку конечной объективной целью любого государства является, как минимум, воспроизводство своего населения, как максимум, его увеличение. Источником же воспроиз-

водства населения является его трудовая деятельность, создающая материальные и духовные условия, необходимые для производства и потребления.

Совокупной экономической мощью государства являются накопленные населением страны материальные и финансовые фонды за время своего существования, а также природные ресурсы, находящиеся в цикле экономического обращения. Из такого определения следует, что природные ресурсы, не задействованные в экономике, не являются частью экономической мощи. Например, нефтяные запасы, находящиеся в районе островов Сэнкаку (юрисдикция Япония), нельзя расценивать как часть совокупной экономической мощи Японии, поскольку они не имеют товарной формы, и соответственно, стоимости. *Мощь — категория экономическая, на основе которой формулируется понятие экономического полюса.* Нельзя путать ее с категорией силы государства, которая является базой для понятия *центра силы*.

Масштабы же этой мощи зависят, по выражению Маркса, от «искусности наличного населения», которая в свою очередь определяется качеством населения. *Качество* — это многогранная категория, состоящая из многих переменных, не взаимосвязанных напрямую, а через цепочку явлений, выраженных в таких понятиях, как *география, климат, культура, тип общества, тип мышления*. В обобщенном же виде эту категорию я определяю так: *качество — это такое свойство населения, которое позволяет ему осуществлять не только биологическое воспроизводство, но и ускоренное развитие по пути прогресса.* Например, население Мексики или Бразилии и население США начали путь своего развития примерно в одно и то же время. Через 200 лет результаты оказались разительно не схожими: США — развитая сверхдержава, Мексика и Бразилия — вяло развивающиеся страны, на порядки отстающие от своего северного соседа практически по всем параметрам. Объяснений этому феномену немало. В данном случае важно подчеркнуть то, что существует разница в качестве населения. И здесь вступает в свои права термин, который выше был назван *человеческим капиталом*.

В моей формулировке, *человеческий капитал* — *потенциал человеческого развития* (ПЧР). Так же, как и качество населения, этот потенциал зависит от многих факторов, однако наиболее часто называют образование и здоровье. На самом деле последние два фактора это следствие такой причины, как знания. И чтобы было ясно, что именно *знание* является ключевым понятием в цепочке развития всего человечества, необходимо четко определиться в понимании конечной цели человека.

Прогресс и сила

Если смыслом жизни человека является сама жизнь, то конечной целью — ее продление. Бессмертие — это вера, мечта, а продление жизни — это все-таки реальность. *Продление жизни до бессмертия является фундаментальной стратегической целью-мечтой человека, которая отражается в понятии «прогресс».*

Понятие *прогресса* я формулирую следующим образом: прогрессом является дельта жизни, что есть разность между тем, сколько отпущено человеку природой (законами неорганического и органического миров), и тем, сколько он реально (актуально) проживает благодаря своим знаниям, или *негэнтропии*. Это определение можно представить в виде простой формулы прогресса:

$$P=L_A(L_A-L_N),$$

где P — прогресс, L_A — дельта жизни, L_A — актуальная (реальная) продолжительность жизни, L_N — естественная (биологическая) продолжительность жизни.

L_N , т. е. продолжительность жизни, отпущенная природой, фактически константа, а вся битва человечества идет за L_A ; именно она является главным символом сопротивления Второму закону термодинамики.

Напомню, что природой человеку было отпущено около 20 лет. Это в вышеприведенной формуле является константой. И если человек, скажем, прожил 80 лет, следовательно, он «обманул» природу на 60 лет, именно эти 60 лет знания вырвали у энтропии, и именно эти 60 лет и являются его дельтой жизни, или прогрессом.

Эта дельта и есть *количественная характеристика силы человека*. И она зависит не просто от знаний, а от знаний законов, управляющих Вселенной, т. е. законов всех трех миров: неорганического, органического и непосредственно человеческого (общественного). Чем глубже и полней человек вскрывает эти законы, тем выше его негэнтропный потенциал, тем выше его способности воздействовать на Вселенную в своих «корыстных» интересах продления жизни.

Эту логику можно применить как к обществу, так и ко всему человечеству. Чем выше средняя продолжительность жизни населения того или иного общества или государства, тем больше его совокупная сила, тем более оно прогрессивно. Неслучайно в тех обществах, где еще не развиты знания или царит религиозное мракобесие, происходит ретрогрессия, выраженная или в стагнации, или в откате назад, как это наблюдается в современной России.

Разумеется, здесь дано понятие *прогресса* в самой его общей форме. Существуют формулировки прогресса применительно к различным родам деятельности человека. Скажем, экономисты в качестве критерия прогресса могут взять рост ВВП или сбалансированность бюджета

та, политики — утверждение демократии. Американский логик и философ Кларенс И. Льюис, например, определяет это понятие так: «Естественно, что с этой точки зрения критерий исторического прогресса оказывается аксиологическим — “высшее благо”, “благая жизнь”» [8, 280]. Такое определение ведет к знакомой теории национального богатства и человеческого капитала, которая к прогрессу имеет слишком опосредованное отношение. Но какие бы определения прогресса кем бы ни давались, все они в конечном счете сводятся к продлению жизни. Это определение категориальное, совпадающее с его онтологической сущностью.

Из сказанного следует, что *единственным и конечным критерием развития общества по пути прогресса является уровень средней продолжительности жизни (СПЖ)*. И хотя на этот индикатор воздействуют все явления общественной жизни, существует некий пусковой механизм, который является центральным во всей машине человеческого бытия. Как ни банально это звучит, таким механизмом являются знания. А знания, как заметил еще Ф. Бэкон, есть сила. Их взаимосвязи можно проследить из следующих рассуждений.

Говоря о человеке, мы говорим именно о дельте, поскольку у него задана первоначальная константа, а актуальная жизнь является переменной, которая увязана с общественной силой (кинбобия $[B_k]$) и общественными знаниями (киногносис $[G_k]$). В соответствии с Первым началом общественного развития общественная сила неуклонно возрастает. Следовательно, и актуальная жизнь человека неизбежно возрастает, т. е. $L_A = B_k$. Причем общественная сила и общественные знания в соответствии с законами общественного развития связаны между собой, при этом сила и знания взаимнообратимы, т. е. каждая из них может являться функцией другой:

$$B_k = F(G_k), \text{ или } G_k = f(B_k),$$

где F и f обратные функции.

Но сила при этом рассчитывается через время (время дельты жизни). Знания же выражаются в объеме и глубине познания. Объем означает широту охвата исследований природы и общества (это количественная характеристика), глубина — это степень проникновения в сущность явлений природы и общества (качественная характеристика).

Но эти характеристики — «широта» и «глубина» — проявляются в пространстве (S) и времени (t), т. е. их можно выразить через такую характеристику, как скорость обретения знаний (v), которая показывает, какой глубины и широты (в рамках общего процесса познания) достигают знания и за какое время:

$$v = S/t.$$

Таким образом, если взять, например, для наглядности количественную характеристику (V) — объем знаний, то мы увидим, что объем знаний зависит от скорости их обретения:

$$V = F(S/t) = F(v).$$

Следовательно, объем (V) общественных знаний (G_k) есть функция скорости, а значит, и времени. Но и общественная сила является функцией общественных знаний:

$$B_k = F(G_k),$$

т. е. и функцией времени.

Объединяя, приходим к формуле общественной силы:

$$B_k = F(G_k) = F(v) = F(S/t).$$

Дифференцируя по времени, получаем уравнение динамики общественной силы:

$$\partial F(G_k) / \partial t = \partial F(S/t) / \partial t,$$

смысл которого в том, что темпы наращивания общественной силы зависят от увеличения объема общественных знаний, что в свою очередь зависит от скорости их приобретения (т. е. углубления и расширения).

Из всего этого вытекает, что чем шире и глубже знания, тем сильнее общество, а чем сильнее общество, тем длиннее актуальная жизнь индивидуума, а значит, тем больше дельта жизни человека и, следовательно, тем прогрессивнее общество. Повторяю, *именно по СПЖ как агрегативному индикатору и необходимо оценивать прогрессивность общества.*

И без статистики можно заранее предсказать, что СПЖ развитых стран будет превосходить СПЖ развивающихся или отсталых стран. Статистика подтверждает это очевидное умозаключение. По оценкам сборника ЦРУ (The World Factbook), в 2013 г. СПЖ интересующих нас стран из 223 представленных было следующее (табл. 1).

Таблица 1

	США	Япония	Россия	Германия	Китай
СПЖ, лет (оценка)	78, 62	84, 19	69, 85	80, 32	74, 99
Место в мире	51	3	152	28	100

Надо иметь в виду при этом, что перед Японией находятся два крошечных образования — Монако и Макао, которые нельзя рассматривать как полновесные государства. Как и следовало ожидать, после 51-го места США все остальные государства находятся во «втором» или «третьем» мирах, т. е. в ареале развивающихся или стагнирующих государств. Другими словами, на данный исторический момент самым прогрессивным государством мира является Япония, а не США,

как можно было бы предположить, учитывая их вклад в мировую науку. Ниже будет дано объяснение данному феномену.

После того, как вкратце были объяснены и определены ключевые категории и понятия теории развития на марксистской основе, есть смысл обратиться к статистическому материалу, который может дать сравнительную картину трех стран с точки зрения потенциала развития человека.

Знания, знания и еще раз знания... но не только

В буржуазной политэкономии человеческий капитал определяется и как совокупность интеллекта, здоровья, знаний, качественного производительного труда и качества жизни. Кроме факторов здоровья и знаний, остальные факторы не поддаются корректному исчислению, поскольку не имеют объективных оснований. К примеру, качество жизни для американца будет означать одно, для японца — другое, для представителей племени мундуруков — третье. Интеллект — это те же самые знания. Качественно производительный труд — просто нонсенс, поскольку любой качественный труд производителен, а любой производительный труд качественен. Но самое главное все эти факторы являются производными единственного фактора — знаний. Именно знания — а это и есть сила человека и всего общества — являются как фундаментом всех вышеназванных факторов, так и их аккумулятором.

В основе *потенциала человеческого развития* (ПЧР) лежат накопленные знания человечества, постоянно возрастающие со временем. А человек — это концентрированное выражение знаний, направленных на увеличение продолжительности жизни.

Теперь настала пора рассмотреть, за счет чего происходит это накопление знаний и через какие сопутствующие индикаторы они обнаруживают себя в бытийной реальности.

Сразу же следует сказать о таком индикаторе, как ВВП, который многие рассматривают чуть ли не как конечный показатель прогресса, или, как минимум, национального богатства страны. ВВП — действительно важный экономический индикатор, но показывающий главным образом динамику развития экономики. К прогрессу он имеет косвенное отношение, поскольку в капиталистических обществах львиная доля плодов экономического роста достается верхнему слою общества, нижним же достаются остатки. В каком-то смысле этот индикатор более тесно связан именно с богатством тех, кто «наверху». Напомню, в Индонезии при президенте Сухарто ВВП страны развивалось от 10 до 17% в год на протяжении чуть ли ни двух десятилетий. Население же оставалось крайне бедным, в результате чего народ сверг этого президента.

Кроме того, сам подсчет этого индикатора вызывает сомнения в его адекватности экономическим реалиям, поскольку, с одной стороны, в него не входят некоторые результаты трудовой деятельности — они не попадают на рынок, т. е. не обладают стоимостью, с другой стороны, в него попадает такая трудовая деятельность, которая не обоснована объективными потребностями существования людей. В первом случае можно назвать продукты индивидуального труда, скажем, на своих дачных участках в России, во втором — выгуливание собак богатых людей и т. д. Хотя, безусловно, несмотря на многие недостатки подсчета ВВП, общую тенденцию развития экономики этот индикатор дает. И потенциал развития человека играет в нем решающую роль.

С 1990 г. для определения «человеческого прогресса» стал активно использоваться индекс потенциала человеческого развития (ИПЧР), который базируется на трех обобщающих индикаторах: средняя продолжительность жизни (СПЖ), система образования и управления над ресурсами, необходимыми для достойной жизни (см.: [9, 23]). Последнее, главным образом, включает в себя систему здравоохранения. Этот индекс более точно отражает степень общего благосостояния общества, чем ВВП. Но хочу заметить, что авторы данного индекса уравнили по своей значимости СПЖ, образование и здравоохранение. На самом деле последние два индикатора, как говорилось выше, являются базой СПЖ, которые в свою очередь зависят от совокупного общественного знания. СПЖ, повторим еще раз, является агрегативным индикатором, воплощающим эффективность и действенность всех сторон общественного бытия, в том числе и тип общественно-экономической формации, которая авторами теории национального богатства и человеческого капитала вообще не учитывается. Эти рассуждения надо иметь в виду, когда используется ИПЧР.

Необходимо подчеркнуть следующее: буржуазные экономисты обычно говорят об *инвестициях* государства в человека, необходимых для его развития. И такое инвестирование подается чуть ни как забота о человеке. На самом деле ни о какой заботе говорить не приходится. Во-первых, в большинстве капиталистических государств образование, медицина и многие другие условия для жизни являются платными, т. е. человек или семья сами себя инвестируют. Во-вторых, государственные траты на все эти услуги обязаны налогам того же самого населения. Это всего лишь частичный возврат добавленных стоимостей, которые были созданы трудом населения. В-третьих, финансовые расходы на науку, образование и медицину, проходящие через бюджет, это необходимое условие выживания самого государства и его господствующего класса.

Теперь есть смысл обратиться к статистическим данным, которые демонстрируют сравнительные уровни национальных ресурсов и потенциал человеческого развития ведущих государств мира. Эти данные (табл. 1 и 2) наглядно высвечивают показатели выбранных для анализа стран.

Цифры, представленные в табл. 1, показывают преимущество США над всеми державами по всем основным позициям, касающимся науки, образования и здравоохранения, хотя и не столь убедительные, если иметь в виду подавляющий массив затрат на указанные сферы жизни. Безусловно, обобщающий ИПЧР США — 3-е место в мире — хороший показатель (уступает только таким странам, как Норвегии и Австралии), но уже по индексу глобальной конкуренции (ИГК) США на 7-м месте.

Общая проблема в том, что за последние пять-шесть лет в США, при сохранении ведущих позиций в мире по ключевым индикаторам, существенно замедлилась динамика роста. По ИГК за пять лет они скатились с 1-го места на 7-е. По доле затрат на НИОКР в ВВП с 6-го места в мире в 2001 г. до 10-го места в 2011 г. А по доле в мировом НИОКР с 38% в 1999 г. до 31% в 2009 г. Как отмечают специалисты, в последнем случае главным образом из-за скачкообразного увеличения затрат на НИОКР в КНР. Такая же *судьба* у такого важного для науки показателя, как количество научных публикаций. Доля Америки в этой сфере, хотя и остается наибольшей в мире, тем не менее упала с 40% в 1980 г. до 29% в 2008 г.

Таблица 2 указывает на такой феномен, как способность к инновациям. По способности к инновациям на первом месте находится Япония, а США — на 7-м. Япония опережает США и по количеству зафиксированных патентов. Это при том, что по количеству лауреатов Нобелевской премии США существенно опережает Японию. Объяснение этому феномену лежит не в сфере НИОКР, а в сфере социальных взаимоотношений между рабочими и предпринимателями. Львиная доля патентов в Японии приходится на производственную деятельность, а не на исследования в рамках вузов или НИИ.

По затратам на образование США превосходят любую державу, однако его качество перестало отвечать нынешним потребностям. Несмотря на нескончаемые образовательные реформы, включая инициативу Барака Обамы («Гонка наверх»), качество обучения продолжает снижаться. Особенно это касается начального образования. Эксперты указывают на несколько причин. Одна из них — внедрение так называемого креативного мышления привело к тому, что «творчество» просто выдавало знания. Вторая — увеличенное финансирование в большей степени уходит на оплату преподавателей и на модернизацию

спортивных сооружений, чем на совершенствование учебного процесса. И третий неожиданный фактор: многие ученики просто не хотят учиться, поскольку и без особых знаний они могут поддерживать «нормальный», с их точки зрения, образ жизни. В конечном счете выявилась простая закономерность: увеличение расходов на образование не обязательно ведет к улучшению его качества. И как подчеркивают многие эксперты, в конечном счете его качество определяет культура страны. При этом они указывают на дальневосточные страны: Японию, Южную Корею и Китай. Многие статистические данные подтверждают этот тезис: студенты и даже эмигранты из этих стран по своим образовательным успехам опережают студентов, коренных жителей, например, Англии, Канады, США. При всем этом следует учитывать, что высшее образование, если судить по рейтингам университетов, все-таки качественнее именно в США. Эти данные показывают, что из 100 лучших университетов мира половина приходится на США, и в первую десятку входят восемь американских.

Таблица 1

Некоторые параметры научно-технического потенциала человеческого развития ведущих стран мира							
	Ед. изм.	Годы	США	ФРГ	Япония	КНР	Россия
Население	млн	2012	315,8	82	126,4	1 353,6	142,7
ВВП	US\$ млрд		15 684,8	3 399,6	5 959,7	8 227,1	2 014,8
Место в мире			1	4	3	2	8
СПЖ* со дня рождения	Из 224 стран	2013	78,6	80,3	84,2	75	69,9
	Место	(оценка)	51	28	3	100	152
ИРЧП**	Место (из 185 стран)	2012	3	5	10	101	55
Затраты на здоровье							
Доля в ВВП	%	2010	17,9	11,6	9,5	5,1	5,1
место в мире (191)			2	11	35	138	136
Затраты на образование							
Доля в ВВП	%	2009	5,4	5,1	3,8		4,1
Место (из 173)			60	68	121		110
Затраты на НИОКР	По ППС, US \$ млрд	2011	415,2	93,1	146,5	208,2	35,1
Доля в ВВП	%		2,8	2,9	3,4	1,8	1,1
Количество исследователей	тыс.	2011	1 413 (2009)	328 (2010)	657	1 318	448
Доля в мире	%						
Кол-во патентов***		2010	13 837	5 685	15 067	875	73
Доля в мире	%		28,4	11,7	30,9	1,8	0,1
		2011	12 649	4 982	13 705	958	48
	%		29,2	11,4	31,4	2,2	0,1
Пользователи Интернета	на 100 чел.	2010	74,2	82,5	77,6	34,4	43,4
Прим.: СПЖ* - средняя продолжительность жизни; ИРЧП** - индекс развития чел. потенциала; патенты*** - вычислены на основе методики ОЭСР.							

Источник: [10—12].

Таблица 2

Индекс глобальной конкуренции (место в мире)					
	США	ФРГ	Япония	КНР	Россия
2012-2013 (из 144)	7	6	10	29	67
2011-2012 (из 142)	5	6	9	26	66
2010-2011 (из 139)	4	5	6	27	63
2009-2010 (из 133)	2	7	8	29	63
2008-2009 (из 134)	1	7	9	30	51
Качество начального образования	38	30	21	42	62
Качество образов. системы	28	20	43	57	86
Способность к инновациям	7	3	1	23	56
Качество НИИ	6	10	11	44	70
Затраты компаний на НИОКР	7	4	2	24	79
Вклад университетов в НИОКР	3	11	16	35	85
Укомплектованность ученых и инженеров	5	40	2	46	90
Патенты с сфере технологий, на 1 млн чел.	12	7	5	38	44

Источник: [13].

Самое же удивительное происходит в области здравоохранения — индикатор наиболее прямо отраженный в СПЖ. 51-е место при самых крупных затратах в мире на медицину не может не вызвать удивление. В одном из исследований американский экономист Роберт Гордон приводит цифры, которые показывают, что показатель СПЖ, который рос довольно быстрыми темпами с начала XX в., резко замедлился в 1980-е гг., в то время как в Японии, наоборот, его темпы увеличились. На первый взгляд такие результаты противоречат цифрам, указывающим, что США по затратам на здравоохранение занимают 2-е место в мире, а Япония всего лишь 35-е.

Проблема заключается в том, что эти расходы связаны не с самим процессом лечения, а с обслуживанием больных. В США самое дорогое лечение в мире. Но насколько оно качественно? Исследования указывают, что только на так называемое «лечение», в котором нет необходимости, в США тратится более 300 млрд дол. в год; на всевозможные ошибки — до 200 млрд; административную неэффективность — почти 150 млрд; на неэффективность обслуживания в госпиталях — еще 100 млрд и т. д. В целом же на бесполезные траты приходится, по разным оценкам, от 600 до 850 млрд дол. год [14, 75]. О дороговизне лечения свидетельствуют такие цифры: стоимость пребывания одного дня в госпитале в США (в среднем) равно 4 287 дол. Следом идет Австралия — 1 472 дол., а во Франции — 853 дол. [15]. О качестве же

лечения свидетельствует и такая красноречивая цифра: ежегодно в Америке умирает около 200 000 американцев из-за ошибок врачей [16, А23].

В то же время, как отмечено многими специалистами, в тех странах, где здравоохранение бесплатное или почти бесплатное, как, например, в Канаде и Скандинавских странах, качество медицины выше, равно как и СПЖ.

* * *

Почему же США, самая мощная экономическая держава, вкладывающая самые крупные «инвестиции» в ПЧР, занимает 51-е место по СПЖ, а Япония — 1-е место? Ответ на этот вопрос лежит в двух плоскостях. Первая — высочайший уровень культуры Страны восходящего солнца, в основе которой лежит коллективная забота о каждом человеке, каждом японце, в которой человек не «капитал», а именно японец. Вторая стратегическая причина — в Японии совершенно иной тип капитализма, для обозначения которого более адекватным термином был бы — капиталистический социализм, или социалистический капитализм. Именно эти две оси координат образуют всю социальную инфраструктуру, позволившую Японии, по крайней мере на данный исторический момент, стать самой прогрессивной страной мира.

Литература

1. *May B.* Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. 2012. № 7.
2. *Капелюшников Р.И.* Сколько стоит человеческий капитал России? // Препринт WP3/2012/06 Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2012.
3. *Domhoff G.W.* Wealth, Income, and Power // <http://www2.ucsc.edu/whorulesamerica/power/wealth.html>.
4. Federal Reserve Bulletin. 2012. June. Vol. 98. No. 2.
5. The New York Times. 2013. Sept. 4.
6. *Самуэльсон П.Э., Нордхаус В.Д.* Экономика. М., 2010.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.
8. *Богомолов А.С.* Буржуазная философия США XX века. М., 1974.
9. Human Development Report 2013. UNDP. 2013.
10. Main Science and Technology Indicators. 2013. Vol. 1.
11. The World Fact Book. CIA, 2013.
12. Human Development Report 2013. UNDP. N. Y., 2013.
13. The Global Competitiveness Report 2012—2013. World Economic Forum. Geneva, 2012.
14. The Economist. 2011. June 18.

15. International Federation of Health Plans. 2012. Comparative Price Report. Variation in Medical and Hospital Prices by Country.
16. The New York Times. 2012. Aug. 1.

А.В. АНТОНОВ

Проблемы стоимости в теории постиндустриального общества

Аннотация. В статье доказывается, что преимущественное производство услуг, а не товаров в общественном хозяйстве экономически развитых стран не изменяет стоимостной природы современного капитализма.

Ключевые слова: философия экономики, философия хозяйства, социальная философия, стоимость, постиндустриальное общество.

Abstract. The article proves that in social management of economically developed countries production of services has gained the advantage over production of goods and this fact does not change the nature of value characteristic of capitalist society.

Keywords: philosophy of economics, philosophy of management, social philosophy, value, postindustrial society.

В годы господства марксистской идеологии появление теории постиндустриального общества было воспринято в нашей стране как обычная для времен «холодной войны» идеологическая диверсия. По этой причине долгое время она оставалась объектом разностной и поверхностной критики. Однако после распада СССР и смены идеологических полюсов произошел уопомрачительный переход от огульного и нерассуждающего отрицания к столь же некритичному и поверхностному восхвалению.

Прежде всего это характерно для творчества В.Л. Иноземцева, который считает, что «главная книга Д. Белла» — это «... работа, в целом почти неуязвимая для критики...» [1, XXV], что белловская «... концепция постиндустриального общества является столь комплексной и самодостаточной, что и спустя тридцать лет, отмеченных не только развитием личности самого автора, но и радикальными социальными сдвигами в современном мире, ни один из ее фундаментальных элементов не нуждается в серьезном переосмыслении» [1, LXXI].

Между тем эвристический потенциал постиндустриальной теории, которая в самом названии работы Д. Белла была заявлена как прогнозическая [2], с каждым годом вялотекущего мирового экономического кризиса подвергается все большему испытанию. Возникает все больше поводов сверить пророчества Белла с действительностью. В полной мере это относится и к проблемам стоимости, так как они представлены в теории постиндустриального общества.

Проблемы же эти могут быть сформулированы кратко. Стоимость возникает как регулятор обмена товаров, т. е. материальных предметов, предназначенных для обмена. А поскольку в экономически развитых странах производится уже больше услуг, чем товаров, а услуга — по природе своей не вещественна, постольку, как считают постиндустриальные теоретики, возникающие экономические отношения больше уже не являются стоимостными. Возникает какая-то новая форма общественного хозяйства...

Сходные выводы содержатся в большинстве статей и книг сторонников постиндустриальной теории. И для того, чтобы выяснить, в самом ли деле постиндустриальная экономика отрицает стоимость и открывает путь к новой форме общественного хозяйства, необходимо заново рассмотреть важнейшие черты, которыми в постиндустриальной теории характеризуется возникающий тип общества.

Д. Белл отмечает, что «...первой и простейшей характеристикой постиндустриального общества является то, что большая часть рабочей силы уже не занята в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности, а сосредоточена в сфере услуг...» [2, 18]. Принято считать, что это меняет и стоимостный характер общества. Но так ли это на самом деле?!

Чем, например, услуги шофера отличаются от услуг бухгалтера? Ни тот, ни другой в непосредственном производстве стоимости не участвуют. Тем не менее, с точки зрения марксизма, шофер — это представитель рабочего класса, а бухгалтер — служащий... Постиндустриальные теоретики считают, что им удалось избежать этой непоследовательности марксизма, поскольку они предлагают иное деление сферы услуг. Д. Белл пишет следующее: «Если выделить в сервисном секторе такие отрасли услуг, как личные (магазины розничной торговли, прачечные, гаражи, салоны красоты); деловые (банковское дело и финансы, торговля недвижимостью, страхование); транспорт, коммуникации, коммунальное хозяйство; а также здравоохранение, образование, научно-исследовательская деятельность и управление, — то именно развитие и рост последней категории являются решающим фактором для пост-индустриального общества» [2, 19].

В каком же отношении к стоимости находятся группы услуг, выделяемые Д. Беллом? С точки зрения принятой на Западе классификации, «личные услуги» следует отнести к классу «business-to-consumer» (бизнес для потребителей). «Деловые услуги», а также транспорт, коммуникации и коммунальное хозяйство частично придется отнести к классу «business-to-business» (бизнес для бизнеса), частично — к классу «business-to-consumer». Разница между двумя этими группами, по Беллу, является принципиальной, поскольку одна из них имеет дело с «беловоротничковой» рабочей силой, а другая — с «синеворотничковой». Однако, несмотря на это, в западной экономике и группа «business-to-business», и группа «business-to-consumer» равным образом учитываются при подсчете ВВП страны. Это значит, что обе они, де факто, признаются производящими стоимость. Таким образом, лишь четвертая группа услуг, выделяемая Д. Беллом, в которую входят здравоохранение, образование, научно-исследовательская деятельность и управление, не вписывается в контуры стоимостного общества.

Между тем постиндустриалисты утверждают, что стоимость отрицается услугами также и в другом смысле. С их точки зрения, прошлое индустриальное общество было дегуманизировано, так как стоимость рождает отношения людей к вещам. А услуги — это отношения между самими людьми, и потому они находятся в ином измерении по отношению к стоимости. Как выражается Д. Белл, «постиндустриальное общество основано на услугах. Поэтому оно есть игра между людьми» [2, 171].

Однако, нравится кому-то или нет, но если из теории следует, что «безворотничковые» проститутки должны заниматься игровой и гуманитарной, а они занимаются экономической деятельностью, то дело здесь не в проститутках, а в теории... Станным образом Белл и его сторонники не замечают, что стоимость, одновременно, образуется не только в производстве, но и в обращении.

К примеру, старушка торгует на рынке грибами. Следуя классической теории стоимости, мы должны будем признать, что грибы являются чистым даром природы: они не являются результатом какого-либо производства, поэтому в них нет и никакого овеществленного труда. Однако, как только грибы будут проданы, цена им тотчас придаст товарную, стоимостную форму.

Могут возразить, что в грибы вложен труд по их сбору. Но чем же, в таком случае, мы отличаемся от обезьян, срывающих бананы? Напротив, это именно товарная форма, которую приобретают грибы после продажи, заставляет нас предполагать в них наличие вложенного труда, которого, как мы убедились, может и не быть. Ум, честь и

совесть, будучи проданными, приобретают товарную форму, хотя, конечно же, не будучи материальными предметами, они и не могут являться действительными товарами...

Капитализм унаследовал ранние формы экономических отношений. Они не исчезли, а вынуждены были вписаться в заново образованные экономические формы. Например, «...земля и труд превратились в товар, то есть начали восприниматься как предметы, созданные для продажи. На самом деле они не являются товарами в собственном смысле слова, поскольку земля вообще не есть продукт производства, а труд не предназначен для продажи» [3, 33—34].

В числе таких преобразованных экономических форм, облаченных в чуждую им стоимостную оболочку, оказались и услуги. На самом деле услуги предшествовали не только земле как «товару», но и вообще всем товарам на земле. Они представляют собой рудименты исчезнувшей формы общественного хозяйства. Джордж Стоу (1822—1882), например, рассказывает о случае с английским генерал-инспектором Ф. Орпеном, отправившимся на охоту в сопровождении одного из бушменов, народ которых до сих пор живет в условиях каменного века. На охоте им посчастливилось подстрелить газель, а нож для разделки туши остался дома. «Эка важность», — сказал бушмен и, подобрал два камня, сильным ударом одного из них по граням другого отколол длинный и острый отщеп. Сделав таким образом самодельный нож, бушмен ловко выпотрошил им тело газели, а нож за ненужностью выбросил... [4, 66].

Это лишь один пример того, что на заре человеческой истории умение делать какие-то вещи ценилось гораздо выше самих сделанных вещей. Кочевой образ жизни первобытных народов не оставлял им возможности таскать с собой кучу каменных орудий каждый день. Следовательно, должна была существовать целая эпоха общественного хозяйства, основанного на производстве необходимых продуктов в форме полезных действий, или в социально-экономической форме услуг. В рамках исчезнувшей формы первобытного хозяйства услуги пребывали еще в своей изначальной форме действий. В стоимостном же обществе, за исключением немногих сфер общественной жизни, услуги стали выступать в несвойственной их подлинной природе «овеществленной» форме товаров...

Из сказанного следует, что существует и еще одна группа услуг, которой в схеме Д. Белла не нашлось места. Речь идет об услугах, действительно изменивших свою социально-экономическую природу. Смит говорил о том, что услуги не могут создавать стоимость, не закрепляясь при этом в материальных предметах. Однако с открытием грамзаписи (а позднее магнитной ленты, CD, DVD и т. д.) мимолет-

ные услуги, оказываемые музыкантами, певцами, артистами театров, лекторами и т. д., стали фиксироваться в предметах, превратившись при этом в самые что ни на есть подлинные товары. Многие музыкальные группы вообще отказались от концертной деятельности, предпочитая записывать и продавать диски.

Постиндустриальные теоретики не заметили, что услуги, ставшие подлинными товарами, давно породили целые отрасли индустрии. Чего стоит одно только кинопроизводство. К примеру, фильм «Титаник» в прокате принес почти 2 млрд дол. Причем продавалась-то здесь именно услуга. Ведь любой кинофильм — это не целлулоидная пленка, упакованная в цинковые коробки. Он существует лишь в момент его демонстрации. И научно-техническая революция продолжает процесс овеществления услуг, превращая их в подлинные товары. Во времена А. Смита едва ли кому-нибудь могла прийти в голову такая «товарная» форма услуг, как, например, суррогатное материнство...

Шоу давно стало бизнесом. Ресторан превратился в фабрику еды «Макдоналдс». Искусство аптекаря вытеснила фармацевтическая промышленность. Все это говорит о том, что услуги давно и успешно вписались в компьютерную экономику. Они не только не подрывают стоимостные основы капитализма, но и, напротив, всячески способствуют его укреплению.

Правда, вопреки устоявшемуся мнению, Д. Белл полагает, что услуги — не самое существенное условие перерождения современного общества в постиндустриальное. «Наиболее серьезное заблуждение состоит, скорее всего, в отождествлении идеи постиндустриального общества с расширением сектора услуг... Доходит до того, что некоторые критики приписывают мне идею о центральной роли сектора услуг. Это либо невежество, либо намеренно неправильное истолкование моей книги». К тому же Белл считает что «...“услуги” — термин довольно расплывчатый и в экономическом смысле “бесформенный”...» [2, CX].

Что ж, продолжим анализ других факторов, характеризующих постиндустриальное общество. Тем более что в своей книге Д. Белл выделил целых одиннадцать важнейших черт нового общества. Правда, в конце концов, все эти одиннадцать признаков Белл сводит к двум основным. Как пишет он сам, «в данной книге рассматриваются два основных признака постиндустриального общества — центральная роль теоретического знания и расширение сектора услуг по отношению к производящему хозяйству» [2, CLIX]. Как видим, Белл благополучно забывает о том, что только что уже отрекся от услуг... Ну, да бог с ним! Рассмотрим, каково же отношение к стоимости единствен-

ного оставшегося признака постиндустриального общества — теоретического знания...

Впрочем, и здесь выясняется, что собственно теоретическому знанию приверженцы постиндустриального общества уделяют внимание лишь как будущему источнику прикладных применений. Пафосно говоря о «беспрецедентном влиянии науки на производство», постиндустриалисты задерживаются на теории недолго, тотчас же перескакивая на технологии, переустройствающие нашу жизнь такими темпами, что среднестатистический человек испытывает настоящий «шок от будущего». Как отмечает Белл, «...если индустриальное общество основано на машинной технологии, то постиндустриальное общество формируется под воздействием технологии интеллектуальной. И если капитал и труд — главные структурные элементы индустриального социума, то информация и знание — основа общества постиндустриального» [2, СЛ].

Поскольку, как мы видим, теоретическое знание, замещается у Д. Белла «интеллектуальной технологией», постольку и нам остается выяснить, что же эта последняя собой представляет и каково ее отношение к стоимости. По мнению Белла, «...интеллектуальная (выделено Д. Беллом. — А.А.) технология представляет собой замену интуитивных суждений алгоритмами (правилами решения проблемы)» [2, 39]. А это означает, что фактически интеллектуальные технологии, по Беллу, — это просто процесс программирования. Заметим, что, перечисляя «новации», лежащие «в основе третьей технологической революции», Белл и сам называет «программное обеспечение» (выделено Д. Беллом. — А.А.) [2, CVII].

Таким образом, нам остается выяснить, каково отношение к стоимости уже не «теоретического знания», и даже не «интеллектуальной технологии», а программирования. К счастью, последнее представляет собой лишь на первый взгляд некое специализированное знание для избранных. В действительности же программирование самым обыденным образом присутствует в нашей жизни. К примеру, если вас на улице спросят: «Как пройти к вокзалу?», то ваш ответ: «Пройдете по Абрикосовой, свернете на Виноградную...» и будет искомым примером программирования. Легко заметить, что программа представляет собой просто некую последовательность действий, ведущих к цели. И поскольку речь идет о последовательности именно действий, постольку с социально-экономической точки зрения любая программа не может быть ни «вещью», ни «то-варом» (поскольку то и другое — материальные предметы), ни идеей (поскольку та является отражением

«способа потребления»)⁷, а только «услугой», или, выражаясь экономическим языком, «общественно полезным действием, предназначенным для обмена».

Вместе с тем компьютерная программа представляет собой необычную услугу. Ее полезный эффект не исчезает в момент завершения, как это подразумевалось А. Смитом. Фактически компьютерная программа представляет собой услугу по производству услуг, или «законсервированную» услугу. Подобно тому как в орудии труда овеществлен способ воздействия на предмет, в компьютерной программе материализуется то или иное полезное действие. Вот почему, можно сказать, что компьютерная программа представляет собой, своего рода, интеллектуальное «орудие труда». А в качестве «орудия труда» она, разумеется, обладает способностью производить стоимость, пускай и не в чистом виде, а в качестве превращенной формы. Если добавить к этому, что на рынке компьютерная программа выступает не в виде программного кода, а в форме дискеты, устройства или платы, словом, продается в «коробочном варианте» или «товарном виде», то стоимостная ее природа и вовсе не вызывает никаких сомнений...

Правда, теоретики постиндустриального общества признают стоимость лишь в ее настоящей, а не превращенной форме. Но, спрашивается, почему? Если, к примеру, на время отпуска начальника отдела Иванова — солидного седого джентльмена — исполняющим обязанности назначить его конопатого рыжеволосого заместителя Петрова, то функционально на все время отпуска и для всех работников учреждения этот Петров моментально превратится в «Иванова», как бы мало он на него при этом ни походил.

Сторонники постиндустриального общества считают, что с уменьшением доли физического труда в экономике уменьшается и доля стоимости (?!). Однако они не учитывают при этом, что стоимость может выступать в экономике также и в превращенных формах. Поэтому появление на рынке интеллектуальных технологий в виде программирования нисколько не подрывает стоимостных основ современного капитализма. Компьютерный труд, программирование в широком смысле этого слова не только не приводят к «деструкции» стоимости, но и значительно расширяют ее присутствие в экономике в виде превращенных форм...

Д. Белл в свое время писал: «Эта книга — взгляд из двадцать первого века» [2, CLXVI]. Но каким же образом Белл в 1973 г. мог знать о том, что будет в XXI в.? Как иронически заметил американский писа-

⁷ О форме общественного хозяйства, основанного на «способах потребления» и отражающих их «идеях» см. подробнее: [5].

тель Брюс Стерлинг (р. 1954), «тот, кто сумеет нарисовать детальную и полностью адекватную картину будущего, просто не может быть человеком — это волшебник» [6, 9]. Таким образом, напрашивается вывод, что концепция постиндустриализма — это, скорее, идеология, чем наука...

Литература

1. *Иноземцев В.Л.* Постиндустриальный мир Даниела Белла // Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004.
2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004.
3. *Поланьи К.* Наша устаревшая рыночная психология // Поланьи К. Избр. работы. М., 2010.
4. *Stow G.W.* The Native Races of South Afrika. A History of the Intrusion of the Hottentots and Bantu into the Hunting Grounds of the Bushmen, the Aborigines of the Country. L.; N. Y., 1905.
5. *Антонов А.В.* Основание социологии. Ч. I. Человек смышленный, или О происхождении логического мышления и сознания. Пермь, 2012.
6. *Стерлинг Б.* Будущее уже началось. Что ждет каждого из нас в XXI веке? Екатеринбург, 2005.

В.А. РУБЕ

Развитие малого инновационного бизнеса в России: необходимость и возможность

Аннотация. Анализируются причины необходимости развития малого инновационного бизнеса, без которого практически невозможен переход к инновационному развитию экономики России. Показывается также и возможность такого перехода.

Ключевые слова: малый инновационный бизнес, преимущества малого инновационного бизнеса, необходимость и возможность его развития в России.

Abstract. The article is devoted to the reasons of need of development of small innovative business without which transition to innovative development of the Russian economy is. possibility of such transition is shown in the paper as well.

Keywords: small innovative business, advantages of small innovative business, need and possibility of its development for Russia.

Несколько слов о положении малого бизнеса в развитой рыночной экономике и в России. Сейчас на долю малого и среднего бизнеса в развитых странах приходится более половины ВВП и до 70% занятых в частном секторе экономики, а у нас — 10—15% ВВП и около 20% занятых.

Когда-то на заре перестройки говорилось, что рыночная экономика у нас будет успешно развиваться, если количество малых предприятий достигнет 3 млн. А в итоговом документе Первого Всероссийского съезда представителей малого бизнеса, состоявшегося в 1996 г., предлагалось довести численность малых предприятий к 2000 г. до 2 млн. В 1995 г. у нас было 897 тыс. малых предприятий. Только через 12 лет, в 2007 г., численность малых предприятий достигла 1 млн. На конец 2009 г. численность малых предприятий составила 1,6 млн. Если посмотреть на отраслевую структуру этих предприятий, то большинство из них занято в торговле, общественном питании и сфере услуг (более 60%). Правда, у нас теперь официально, по обновленному закону «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 6 июля 2007 г., появился статус среднего предприятия, но их немного — 15,5 тыс., поскольку критерий у нас, как и европейский, — до 250 человек, а не как американский — до 500 занятых, но подобных предприятий у нас еще меньше. Сейчас на долю обрабатывающей промышленности и строительства приходится соответственно 10,3 и 12,1% малых предприятий, а число малых предприятий в науке и научном обслуживании равно всего 0,8% от общего количества малых предприятий.

Почему мы говорим о необходимости увеличения численности малых предприятий? Потому что это как раз такой случай, когда количество переходит в качество. Малые предприятия, как правило, очень неустойчивы, а потому выживают только сильные, а на место исчезнувших фирм приходят новые (подробнее см.: [1, 7—18]).

Надо отметить, что, по материалам исследования в 2012 г., Россия занимала 67-е место среди 69 стран—участниц проекта по количеству людей, вовлеченных в создание новых компаний. У нас только 4,3% россиян в трудоспособном возрасте являются ранними предпринимателями, т. е. каждый 23-й, тогда как в странах БРИКС — каждый 8-й, а в Восточной Европе каждый 11-й вовлечен в предпринимательство [2, 56].

Кроме малых предприятий у нас имеется большой отряд индивидуальных предпринимателей, численность которых в 2008 г. составляла

2 млн 742 тыс. человек [3, 29], а на 1 января 2013 г. существенно увеличилась — до 4 млн 30 тыс. Это объясняется просто: во время кризиса происходит спад производства, крупные фирмы увольняют часть рабочих, и единственный выход для них — занять себя самостоятельно, отсюда такой рост индивидуальных предпринимателей в этот период.

Теперь о малом инновационном бизнесе. В западной литературе много внимания уделяется малому инновационному бизнесу. Американские ученые рассмотрели 60 самых крупных изобретений первой половины XX в., и оказалось, что на долю крупных фирм приходится всего 12 изобретений, зато на независимых изобретателей — 33, а остальные — на малые и средние фирмы.

В чем преимущества, по мнению западных ученых, малого инновационного бизнеса по сравнению с крупным?

Во-первых, в личности самого новатора, его настойчивости и упорстве, оригинальности мышления и незаурядности. Свобода и отсутствие бюрократических препятствий отличают его от коллег, работающих в крупных корпорациях или в лабораториях крупных университетов.

Во-вторых, новатор сам возглавляет свое предприятие и, если рискует, то уверен в успехе. На крупных же фирмах интересы изобретателя и менеджера часто не совпадают: менеджер, как правило, отвергает проекты, не дающие быстрого эффекта.

В-третьих, малые инновационные предприятия специализируются в основном на разработке небольшого круга технических идей, отсюда экономия средств. Крупные фирмы разрабатывают одновременно сотни проектов, распыляя свои средства, что приводит к удорожанию успешного проекта.

В-четвертых, малые фирмы ведут разработку на первых этапах, обычно до получения опытного образца, когда не требуется значительных материальных, финансовых и кадровых ресурсов, а затраты крупного и малого бизнеса в этот период сопоставимы. Затем обычно с помощью рискованного капитала подключаются средства крупного бизнеса для производства нового продукта и продвижения его на рынок.

В-пятых, малые предприятия больше заинтересованы в использовании своих нововведений, поскольку для них это единственная возможность завоевания своего сегмента рынка, тогда как крупные фирмы часто довольствуются лишь модернизацией своей продукции на уже освоенных рынках.

Исходя из западного опыта, нашему государству следует в большей мере поддерживать именно малый инновационный бизнес, развивая

соответствующую инфраструктуру и оказывая финансовую помощь этим фирмам.

Теперь о необходимости и возможности развития инновационной экономики вообще и малого инновационного бизнеса в частности.

На наш взгляд, *необходимость* такого развития связана с несколькими причинами, прежде всего с тем, что на мировых рынках все ниши давно определены, и чтобы занять достойное место, нужны новые товары, новые технологии, новый уровень развития нашей экономики. Сейчас наша доля в торговле высокотехнологичными товарами составляет 0,3—0,5%. И это неудивительно, потому что, по данным А.В. Виленского, количество малых предприятий сферы науки и научного обслуживания составляет всего 20,7 тыс. [4, 51]. Поэтому то, что о необходимости перехода к инновационному развитию экономики заговорили на самом высоком уровне, вселяет надежду — какие-то сдвиги в этом направлении грядут.

Вторая, не менее важная причина необходимости инновационного прорыва — это наше отставание в области информационно-коммуникационных технологий. Отставание весьма существенное, но не безнадежное.

Третья причина — невостребованность наших инноваций нашей же промышленностью, поэтому необходимо повышение общего технологического уровня всей промышленности. Достаточно сказать, что у нас реализуется 8—10% инновационных идей и проектов, тогда как в США — 62%, а в Японии — 95%. Не удивительно, что у наших изобретателей нет никакого стимула для работы в этом направлении, о чем свидетельствует число заявок на изобретения, которое сократилось с 200 тыс. ежегодно в 1990-е гг. до 30—35 тыс. в 2000-е.

Четвертая причина связана с необходимостью предотвращения утечки наших мозгов за рубеж. Более 20 лет назад, еще в советское время, мы хотели создать свою Силиконовую долину на базе города-спутника Москвы — Зеленограда, который сейчас является десятым округом Москвы. Зеленоград был выбран не случайно, там находятся наши оборонные заводы, связанные с электроникой. Был переведен туда и Московский институт электронной техники, собраны лучшие электронщики во всего Советского Союза, получившие московскую прописку и жилье. Планировали построить самый современный Центр информатики и электроники. И каков результат? Центр так и не построили, зато 140 выпускников Института электроники, по словам префекта Зеленограда, успешно делают карьеру в американской Силиконовой долине.

Теперь о *возможностях инновационного развития*.

Первое. У нас есть все, чтобы развиваться в этом направлении — богатые природные ресурсы, достаточно высокий уровень образования и низкие требования к оплате и условиям труда в сочетании, правда, с низкой производительностью труда. Есть у нас и финансовые средства, есть желание со стороны правительства. Таким образом, все факторы для инновационного развития налицо.

Второе. Так же как экономика развивается циклически, циклически развиваются и наука, и техника, и технологии. Поэтому технологический прорыв возможен. Когда-то мы говорили, что Монголия перешла к социализму, минуя капитализм, благодаря закону неравномерного развития, так и сейчас нам не обязательно проходить все стадии от индустриальной системы к постиндустриальной и к новой экономике. Кстати, ученые, в частности В. Марцинкевич, выделяют три этапа перехода к новой экономике, которые прошли США, а Европейские страны, которые взяли старт позже, сделали такой переход за два этапа [5].

Третье. Развитие инновационной экономики тесно связано с развитием науки, особенно фундаментальной, и здесь без государства не обойтись. Наше же государство еще не в полной мере осознало свою роль. Так, в развитых странах доля расходов на науку составляет 3% ВВП, а у нас 1% от ВВП запланирован только в 2014 г.

Четвертое. Развитие малого инновационного бизнеса, а именно он является генератором многих новаторских идей, требует развитой инновационной инфраструктуры. А это инкубаторы, технопарки, научные парки и пр. У нас все это есть, но пока еще в самой начальной стадии. Например, в научном парке МГУ работают 45 новаторских фирм, тогда как в западных научных парках при университетах насчитываются тысячи таких фирм: в Силиконовой долине, например, в Стэнфорде — 7 тыс. новаторских предприятий.

Пятое. Естественно, для развития инновационного бизнеса нужны средства, рискованный капитал. В развитых странах в венчурные фонды средства вкладывают крупные банки, крупные концерны, страховые компании и пенсионные фонды. У нас пока ничего этого нет. Поэтому можно надеяться только на государственные венчурные фонды. В 2006 г. создан Российский венчурный фонд с капиталом 15 млрд р. Этот фонд должен финансировать частные венчурные фонды. Предполагается, что 8—10 частных венчурных фондов будут способствовать развитию от 100 до 200 мелких инновационных предприятий.

Таким образом, у нас имеется не только настоятельная необходимость перехода на инновационный путь развития экономики, но есть и возможности для такого перехода, если со стороны правительства это

не закончится только декларациями [6]. А такая возможность не исключается.

Приведем примеры в отношении малого бизнеса.

2005 г. Президент России В. Путин не доволен ситуацией в малом и среднем бизнесе и предложил правительству «еще раз вернуться к этому вопросу».

2008 г. Президент России Д. Медведев не доволен ситуацией в малом и среднем бизнесе и предложил на заседании Госсовета в Тобольске радикальные меры по этому вопросу.

Какую реакцию вызвали данные высказывания наших президентов у предпринимателей? Приведем результаты опросов предпринимателей за соответствующие годы [7, 9].

Ответы предпринимателей	2005 г.	2008 г.
<i>Ничего не произойдет</i>	38%	31%
<i>Произойдут незначительные улучшения</i>	36%	27%
<i>Ситуация продолжит ухудшаться</i>	17%	22%
<i>Произойдут значительные улучшения</i>	6%	13%
<i>Затрудняюсь ответить</i>	3%	7%

По результатам опросов, предприниматели в 2008 г. настроены более оптимистично, чем три года назад, но все-таки более половины опрошенных не верят в улучшение ситуации с малым бизнесом, а пятая часть считает, что вообще будет еще хуже.

Более скептически относятся к высказываниям сильных мира сего ученые и специалисты в данной области. Например, сомнительно последнее заявление нашего президента о том, что к 2020 г. 60% населения России станут предпринимателями. Экономисты и социологи знают, и статистика это подтверждает, что только 10% населения может быть предпринимателями, поскольку именно у такого количества людей в мире есть предпринимательские способности — один из необходимых факторов производства, особенно важный для предпринимательской деятельности.

Если мы будем интерпретировать слова президента в более широком смысле — 60% населения будут связаны с малым бизнесом, это будет верно.

В современной рыночной экономике малый бизнес обеспечивает рабочими местами большую часть населения, причем не только постоянной работой, но и по совместительству, по договорам, применяя гибкие формы труда, давая возможность работать студентам, женщинам с детьми, пенсионерам.

Что касается России, то нам необходимо поднять престиж малого бизнеса, чтобы население не смотрело на предпринимателей, как в первые годы перестройки, как на спекулянтов, а видело в них опору и процветание России. И первый шаг в этом направлении уже сделан. Впервые был утвержден новый праздник — День российского предпринимателя, который впервые отмечался 26 мая 2008 г.

Литература

1. Рубе В.А. Малый бизнес в экономике // Малое предпринимательство: организация, экономика, управление / Под ред. А.Д. Шеремета. М., 2009.
2. Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2012. СПб., 2012.
3. Малое предпринимательство России: Стат. сб. М., 2010.
4. Виленский А.В. Малый и средний бизнес в крупном мегаполисе. М., 2012.
5. Марцинкевич В. Современные тенденции в воспроизводственном процессе в США // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 1.
6. Государственная поддержка инновационных кластеров малых и средних предприятий в городе Москве: практика, проблемы и перспективы развития: Сб. матер. конф. М., 2011.
7. Малый бизнес. 2008. № 7.

А.В. КОЗОРИЗ

Трансформация государственных финансов в цифровую эпоху

Аннотация. Рассматриваются особенности трансформации государственных финансов в цифровую эпоху; определяются основные изменения, с которыми государству необходимо иметь дело в переходный исторический период, а также основные требования, выдвигаемые временем к государственной финансовой системе.

Ключевые слова: государственные финансы, цифровая эпоха, бюджетное планирование.

Abstract. The article deals with the context of public finance transformation in digital age. Main changes government have to deal with during

transitional historical period are revealed. The paper analyzes main time-pushed demands for public finance.

Keywords: public finance, digital age, budgetary planning.

Государство является одним из наиболее консервативных институтов общества, считая инновациями решения, которые частные субъекты хозяйствования успешно применяют уже годами. Внедрение высокотехнологичных подходов в государственном аппарате происходит медленно, процесс сталкивается с жесткими реакционными настроениями. В результате модернизация управленческих подходов стопорится и безнадежно отстает от уровня науки и техники, процесс управления государством теряет эффективность, возникает значительный неиспользованный потенциал.

Начало XXI в. с точки зрения исторической значимости не уступает периоду промышленной революции, когда человечество осуществило переход от мануфактурного к фабричному производству. Сегодня же наблюдается переход от индустриального к постиндустриальному, информационному обществу. Неоспоримыми основаниями утверждать переход в цифровую эпоху можно судя по доле услуг в мировом ВВП, объему хранимых на цифровых носителях данных и количеству устройств, подключенных к Интернету.

Исследования в данной области осуществляются как зарубежными, так и отечественными учеными, в частности, по этой проблеме писали Р.Ф. Аблеев, В.В. Буряк, Т.П. Воронина, А. Чернов, М. Гилберт, П. Лопес, Д. Ульмер, Э. Гельбштейн и др. Тем не менее вопрос вхождения финансовой системы государства в цифровую эпоху требует более глубокого изучения.

В узком понимании цифровой эпохой можно считать период, обозначенный формальными признаками вроде тех, которые были приведены выше. Узкое понимание данного понятия позволяет четко обозначить рамки и продемонстрировать неоспоримые доводы изменения парадигмы социально-экономического развития.

В более широкой трактовке цифровая эпоха — это исторический период, который начался еще в 1970-х гг. и характеризуется стремительным усилением роли информационных технологий в жизни общества, а также общим упрощением и ускорением процесса обмена информацией между отдельными людьми и группами лиц.

Ключевыми особенностями периода смены социально-экономических парадигм являются стремительный рост экономического потенциала общества, появление новых возможностей и горизонтов. Информационная эпоха создает новые условия существования человека, видоизменяет саму среду обитания людей. Соответственно

государство как институт управления и координации общества также оказывается в новых, необычных условиях, готово оно к этому или нет. Эффективное государство адаптируется в новых условиях, а реакционное — будет до последнего существовать, применяя устаревшие методы, вплоть до момента, когда применение этих методов станет технически невозможным.

Ключевыми особенностями цифровой эпохи, с которыми так или иначе следует считаться государству, являются следующие:

- использование цифровых технологий для решения широкого спектра повседневных задач; активное внедрение «Интернета вещей», т. е. применение различных прикладных (бытовых) устройств, которые предоставляют дополнительные информационные услуги через сеть Интернет;
- исключительная роль компьютерных сетей, в частности сети Интернет, в организации информационной инфраструктуры общества;
- доминирование принципа единства информационной среды, широкое распространение «облачных» информационных хранилищ, обеспечивающих доступ к данным практически в любой точке мира, где есть техническая возможность доступа к сети Интернет;
- антропоцентризм информационных систем: во главе угла ставится пользователь, человек с его потребностями, интересами и желаниями.

Изменение подходов к организации финансовой деятельности, трансформация учета, управленческих подходов, методов взаимодействия между различными организациями так или иначе сказываются на функционировании финансовой системы государства.

Чтобы лучше понять, почему государству необходимо считаться с требованиями времени, следует проанализировать изменения, которые происходят на самом глубоком уровне, — изменения каждого отдельно взятого гражданина. Смены парадигм социально-экономического развития всегда трансформируют не только структуру общества, но и природу человека, так как человек — существо социальное, и каждый индивид является микроотражением глобальных процессов. Особенностью цифровой эпохи является «раздвоение» человеческой сущности на два параллельных информационных потока: физическое существование и электронная деятельность.

Если раньше разделение человеческого существования на материальный и идеальный план рассматривалось как сугубо философский вопрос, то в цифровую эпоху идеальный план существования реализуется в виде совокупности информации, связанной с конкретным индивидуумом. Более того, субъектами финансовых отношений становятся в первую очередь информационные сущности граждан. Почти каждый

человек имеет «цифровой след», его отпечаток личности в различных базах данных, социальных сетях, сервисах. В том числе цифровой след включает в себя информацию о финансовой активности, так как значительная часть расчетов происходит безналичным методом, а значит оставляет электронный след. Соответственно, государству приходится иметь дело с качественно новым населением, которое находится в состоянии двуединого существования в физическом и информационном (электронном) проявлении. И отделение информационной сущности человека от самого человека, ее носителя, стало как никогда простым.

С точки зрения государственных финансов можно выделить следующие основные вызовы, с которыми сталкивается государство, имея дело с качественно новой формацией граждан:

- свобода финансовых потоков и огромное разнообразие форм прохождения финансовых операций;
- существенное влияние международной экономической среды: если раньше государство могло не сомневаться, что контролирует своих резидентов, то в цифровую эпоху человеку проще стать резидентом той страны, где выгоднее условия ведения бизнеса;
- вирусный характер распространения информации, соответственно чрезвычайно быстрое проявление массовых тенденций в финансовой системе;
- широкое применение информационных технологий для организации финансов, что создает широкое поле для деятельности мошенникам и злоумышленникам.

В таких условиях государство вынуждено создать новый инструментарий, способный адекватно осуществлять процессинг общественных институтов. Если конкретизировать, цифровая эпоха ставит следующие задачи перед государственными финансами:

- необходимость перехода к электронному документообороту и мгновенному обмену информацией между субъектами, задействованными в государственных финансах;
- необходимость автоматизации значительной части процедур, традиционно проводимых в ручном режиме, радикального сокращения бюрократии;
- реформирование механизма работы бюджетов всех уровней с целью повышения эффективности прогнозирования, планирования, мониторинга и контроля их выполнения;
- создание эффективного инструментария регулирования финансовой системы с возможностью моментального реагирования на возникающие вызовы, а также надежной системы мониторинга и предупреждения этих вызовов;

- потребность во взаимодействии со всеми современными финансовыми инструментами (в том числе различными экзотическими платежными инструментами вроде криптовалют), их учет, мониторинг и, при необходимости, регулирование;

- обеспечение безопасности с учетом существующих вызовов, связанных с применением информационных технологий.

Комплексное решение этих задач в западной экономической науке обозначается термином E-Government (Электронное правительство). Государственные финансы, реформированные в духе электронного правительства, позволяют обеспечить быструю обработку информационных потоков, моментальную реакцию на определенные вызовы, высокоточное макроэкономическое планирование и прогнозирование. Если государству приходится иметь дело с населением, существующим в виде информационных сущностей, то оно должно иметь эффективный инструментарий обработки информации.

Рассмотрим существующую ситуацию в СНГ. Как уже отмечалось, будучи консервативным институтом, государство будет откладывать модернизацию до последнего. Тем не менее во многих вопросах данная критическая точка уже наступила, и аппарат финансового управления уже начал постепенное обновление. К примеру, снабжаются электронными интерфейсами региональные подразделения казначейств, появляются некоторые элементы электронного документооборота.

Но главная проблема — отсутствие системности, комплексности. Вместо проведения модернизации государственных финансов в соответствии с определенной стратегией, осуществляются лишь вынужденные меры, по принципу минимальной достаточности. Такой подход приводит к моральному устареванию финансовой системы в целом.

Отсутствие комплексной модернизации таит в себе ряд угроз:

- государство теряет из поля зрения высокотехнологичные методы перемещения денежных средств, обеспечивая тем самым широкое поле деятельности для теневой экономики;

- существует огромный неиспользованный потенциал в управленческой сфере: многие процессы могли бы проходить гораздо быстрее;

- традиционные методы финансового планирования дают неудовлетворительную точность и не обеспечивают надежного формирования бюджетов, не говоря уже о среднесрочном или, тем более, стратегическом долгосрочном планировании;

- бюрократия и устаревшие подходы к взаимоотношениям между государством и различными участниками бюджетного процесса делают сам процесс медленным, трудоемким и низкоэффективным;

- из-за внедрения инноваций формально, без надлежащей глубокой проработки, сами решения оказываются низкоэффективными и становятся скорее проблемой, чем способом оптимизации аппарата управления.

В качестве комплексного решения, плана модернизации государственных финансов, можно предложить концепцию «ненавязчивого государства». Государство должно начать активно обрабатывать информационный план существования своих граждан (рис. 1). Если каждая транзакция, проводимая в экономике, имеет определенный информационный след, то можно утверждать, что государство как процессор общества обрабатывает, анализирует и систематизирует эту информацию.

Накапливая данные о взаимодействии между участниками экономической системы, государство может собрать данные:

- необходимые для целей налогообложения,
- нужные для составления экономических прогнозов,
- пригодные для формирования планов экономического развития.

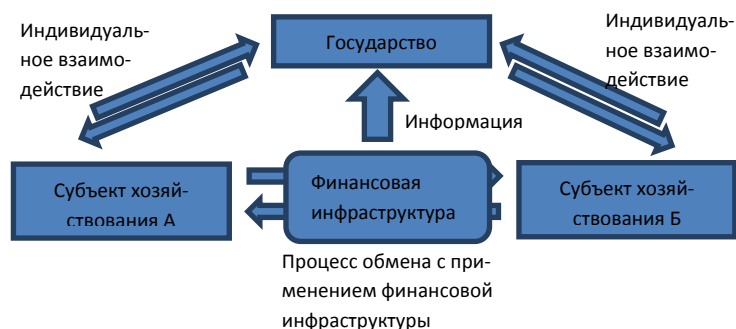

Рис. 1. Концептуальная модель «ненавязчивого государства»

Ненавязчивое государство наблюдает за гражданами, анализирует информацию, которой они обмениваются, а потом делает выводы. Соответственно в таких условиях появляется возможность отказа (или, по крайней мере, резкого сокращения) обязательной налоговой отчетности, так как все показатели определяются непрямыми методами. Государство может самостоятельно собрать данные и рассчитать налоговые обязательства каждого гражданина или юридического лица. Кроме налоговых обязательств точно так же могут автоматически рассчитываться и назначаться положенные льготы, социальные выплаты, дотации и т. п. При этом государственные финансы начинают работать

намного эффективнее, имея более точные статистические данные о реальном положении дел.

Главным преимуществом является индивидуальное взаимодействие государства с каждым субъектом хозяйствования, будь то юридическое или физическое лицо. Цифровая эпоха создала новый вид граждан — людей, живущих в виде физических оболочек и информационных потоков. Потому современное государство должно трансформировать свою финансовую систему для эффективного и адресного взаимодействия с каждым гражданином в обоих его проявлениях⁸.

Литература

1. *Bollacker K.D.* Avoiding a Digital Dark Age // *American Scientist*. 2010. March—April. Vol. 98. No. 2.
2. *Абдеев Р.Ф.* Философия информационной цивилизации. М., 1994.
3. *Буряк В.В.* Глобальное гражданское общество и сетевые революции. Симферополь, 2011.
4. *Воронина Т.П.* Информационное общество: сущность, черты, проблемы. М., 1995.
5. *Мартин У.Дж.* Информационное общество (реферат) // Теория и практика общественно-научной информации. Ежеквартальник / АН СССР. ИНИОН. М., 1990. № 3.
6. *Тузовский И.Д.* Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий. Челябинск, 2009.

И.В. МАНАХОВА

Концепция информационного государства благосостояния

Аннотация. В статье рассматриваются две противоречивые тенденции социально-экономического развития: становление информационной экономики и демонтаж государства благосостояния. Изложены концептуальные основы новой парадигмы «информационного государства благосостояния». Рассмотрены направления реализации данной модели на практике. Сделаны выводы о преимуществах модели информационного государства благосостояния для России.

⁸ См. по теме: [1—6].

Ключевые слова: информационное государство благосостояния, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), межсетевое взаимодействие, социальные инновации.

Abstract. In this paper, two contradictory trends of socio-economic development: the emergence of the information economy and the dismantling of the welfare state. The conceptual foundations of a new paradigm of «information of the welfare state». The directions of the implementation of this model in practice. Conclusions about the benefits model of information of the welfare state for Russia.

Keywords: information the welfare state, information and communication technology (ICT), interconnection, social innovations.

Тенденции социально-экономического развития

Современный мир переживает период турбулентности, вихреобразного развития, формирование нового экономического порядка и реконструкции мировой экономики. Важнейшей тенденцией нового, XXI в., является глубинная трансформация социально-экономических систем, характеризующаяся, с одной стороны, бурным развитием информационной экономики; с другой — демонтажом социального государства, или государства благосостояния.

Многие исследователи отмечают, что все страны мира развиваются в направлении информационного общества, формируя собственные социально-экономические и культурные модели, даже если трансформация затрагивает только главные функции и процессы, связанные с глобальными сетями создания материальных богатств и обработки информации [1, 165—177]. Формирование новой экономики часто ассоциируют с либерализацией и сокращением роли государства в жизни общества. В условиях глобального финансово-экономического кризиса социальная проблема в мире приняла острый характер. Наблюдается процесс вытеснения информационной экономикой социального государства: сокращение социальных программ, коммерциализация социальной сферы, увеличение пенсионного возраста, рост безработицы и, как следствие, падение реальных доходов, потребления и благосостояния населения. Происходит поиск новой модели социального государства: конвергенция существующих моделей (европейский вариант), поиск новых форм — трансатлантическая модель (американский вариант), создание социального государства для резидентов (азиатский вариант) [2, 518—524]. Социальная сфера общественной жизни остается крайне напряженной и уязвимой, является объектом политических дебатов и манипуляций.

В соответствии с Конституцией РФ, Россия является социальным государством, что означает высокую государственную значимость формирования системы социальных гарантий и законодательного регулирования социальной сферы. Социальная политика позволяет реализовать основные конституционные права граждан. Долгосрочным приоритетом социального государства являются инвестиции в человека. Социальная сфера выступает важнейшим фактором формирования и накопления человеческого капитала, а следовательно, мощным генератором нового экономического роста. В основу реформирования положен инвестиционный принцип, позволяющий превратить социальную сферу в «трамплин для модернизации» [3, 6]. В перспективе предполагается, что вложения в образование, науку, здравоохранение, жилье окупятся и принесут доход, что усилит национальную экономику.

Анализ показателей федерального бюджета России 2012—2014 гг. в части финансовой поддержки отраслей социальной сферы показывает, что почти половина его расходов имеет социальный характер и сосредоточена по направлениям, определяющим уровень жизни людей: оплата труда, пенсий, социальных пособий, образование, здравоохранение, жилье. Однако в структуре социальных расходов сохраняется перекос в сторону финансирования прямых выплат для поддержания текущего уровня доходов населения, но не обеспечиваются должным образом модернизация и развитие социальной сферы, в частности систем здравоохранения, образования и науки. По данным ОЭСР, в посткризисный период Россия расходовала на образование 4,3% ВВП, тогда как скандинавские страны — Швеция — 6,1, Финляндия — 5,5 [4]. Замедление темпов экономического роста российской экономики в 2013 г. до 1,8% ВВП ставит под угрозу выполнение социальных обязательств государства.

Рецессия мировой экономики, снижение активности отечественной экономики вынуждают вновь обратиться к вопросу об эффективности социально-экономической модели, реализуемой в России. Потенциал сырьевой модели исчерпан, недиверсифицированная структура отечественной экономики не способна обеспечить ей устойчивого развития. В данной ситуации жизненно необходима альтернативная модель развития российской экономики, нацеленная на повышение ее конкурентоспособности и сохранение основ социального государства.

Противоречия становления информационной экономики и социального государства

Глобальный кризис поставил под сомнение идею развития социального государства, целью которого являлась достойная жизнь для всех без исключения. Антагонизм государства благосостояния и ин-

формационного общества проявляется в растущей социальной несправедливости, усиливающейся социальной исключенности, нарушении принципов коллективной защиты труда.

Противоречие между *целями* информационного века и *структурами* государства благосостояния, по мнению авторитетного ученого М. Кастельса, показывает, что «неспособность глобальных информационных сетей и сетей генерирования и распределения материальных благ уважать ценности исторически укорененных общностей породила значительную нестабильность в мире, поскольку чувство бессмысленности вызывает потенциально фундаменталистские реакции» [5, 12]. Подтверждение этой мысли наблюдаем в современном мире. Широкое распространение получило протестное движение «Захвати Уолл-стрит», причем при активном использовании интернет-технологий.

Первое противоречие состоит в том, что в условиях формирования информационной экономики происходит усиление социальной несправедливости во всех формах ее проявления: от неравенства по доходам и имуществу до «цифрового разрыва». Одной из существенных проблем глобального распространения информационных технологий является возрастающее цифровое неравенство (*digital divide*), которое представляет собой асимметричность доступа к информационным источникам различных стран и регионов, отдельных индивидов и домохозяйств. Непрерывный поток массовой информации стал неотъемлемым спутником жизни большинства людей, важным нематериальным ресурсом. Жизнедеятельность во все большей степени зависит от информационных возможностей. Наличие домашнего информационного оборудования, обеспечивающего доступ домохозяйств к ИКТ-услугам, в значительной мере определяет масштабы использования населением информационно-коммуникационных технологий, онлайн-ресурсов и услуг. Но существуют большие различия в доступе домохозяйств к ИКТ и их использовании в зависимости от места жительства, уровня дохода, возраста и других показателей [6, 105—117; 7, 3—23].

Еще более острый характер принимает проблема неравенства доходов населения, которое продолжает расти последние двадцать лет. Несмотря на позитивную динамику роста средних показателей денежных доходов, социальная поляризация не уменьшилась, продолжает нарастать. Одна из причин — в форсированном росте самых высоких доходов и заработной платы наиболее высокооплачиваемых работников. Рост доходов в стране происходит неравномерно. Если реальные доходы 20% наиболее обеспеченных граждан выросли на 25%, то у 20% наименее обеспеченных — снизились почти на 18%. По независимым оценкам, децильный коэффициент составляет 33—35 против 16,7, по оценке Росстата. А. Кирута отмечает, что накануне Революции 1917 г.

он составлял 25—30, что послужило одной из причин социального взрыва [8]. На Западе неравенство наследственное и неуничтожимое, обусловлено в меньшей степени механизмами экономического порядка. Коммерциализация ЖКХ, рост платных услуг образования, медицины, отдыха не соответствуют уровню доходов населения, которые не позволяют им самостоятельно нести соответствующие расходы. Перераспределение оказывает небольшое влияние на социальную дискриминацию на всех уровнях. Налоги и взносы, уплачиваемые за счет домохозяйств, не привели к уменьшению неравенства и не дали позитивного перераспределительного эффекта. По мнению К. Микульского [9, 10], коммерциализация должна предполагать перераспределение части тех средств, которые раньше аккумулировались в общественных фондах потребления, т. е. адекватное повышение заработной платы, стипендий, пенсий. Данные процессы необходимо учитывать не только на изменениях структуры расходов семьи, но и на финансировании учреждений социальной сферы. Социальная политика должна быть направлена на поддержание определенного статуса социальных групп и отношений между ними, воспроизводство новой социальной структуры общества, соответствующей новым экономическим реалиям информационного общества.

Второе противоречие связано с тем, что социальная несправедливость в крайней форме приводит к социальному исключению, отлучению от общества. Сетевое общество подключает полезных для него людей, обладающих ценностью для сетей информационного капитала, и отключает необладающих такой ценностью — по причинам недостаточного образования, состояния здоровья, других социальных проблем, снижая их способность к обретению ценности. В рамках информационной экономики нарастает новое социальное противоречие, «гораздо более опасное, чем известные ранее» [10, 839]. По мнению В. Базелевича и В. Ильина, речь идет о противопоставлении интересов работников: с одной стороны, класса носителей знаний и современных компетенций (*knowledge-class*), с другой — занятых в массовом производстве потребительских благ (*consumption workers*). В связи с этим ученые выделяют два обстоятельства. Во-первых, углубление изоляции между этими группами, вызванное повышением роли образования, в том числе в процессе потребления информационного продукта, который недостаточно купить, а нужно уметь использовать. Это умение не приобретается за деньги, как ранее покупались любые права собственности, а формируется с раннего возраста в процессе социализации и обучения. В связи этим взаимный обмен между этими представителями становится менее интенсивным. Во-вторых, уникальные способности высококвалифицированных специалистов, основанные на

знаниях и умении использовать информацию, ставят предпринимателей в большую зависимость от них, чем наемные работники зависят от работодателей. Это создает возможность в будущем представителям класса носителей знаний перераспределять в собственную пользу большую часть общественного богатства. Напротив, для наемных работников в сфере массового производства, не обладающих необходимыми компетенциями или менее талантливых, ужесточатся условия конкуренции за рабочие места и достойную заработную плату.

Третье противоречие заключается в том, что информационная экономика ослабила коллективную защиту труда. Ускоренное устаревание продуктов и образования приводит к тому, что ценой прогресса в производстве богатства являются текучесть рабочей силы и нестабильность занятости. Появление неформальных форм занятости дистанционной, использование заемного труда, аутсорсинга сопряжено с уменьшением гарантированной защиты наемных работников. Это имеет отношение не только к навыкам в области информационных технологий или значению обработки информации (символов), но и к организации рабочей силы по сетевому принципу, когда людей включают и выключают из сети по мере изменяющихся потребностей проектов, на основе временной, частичной и самозанятости. На смену коллективным договорам приходит индивидуализация контрактов и крайне низкий охват работников профсоюзами.

Все выделенные противоречия характерны и для современной России, но особенно обостряются в крупных городах, где сильнее проявляются тенденции развития информационной экономики. Выработка новой парадигмы может стать локомотивом прогрессивного развития социального государства.

Модель информационного государства благосостояния

В мировом сообществе происходит переосмысление тенденций развития информационной экономики. Развивая идеи гуманизации техносферы, М. Кастельс и П. Химанен [5] выдвигают альтернативную концепцию о возможности создания *«информационного государства благосостояния»*. Информатизация государства благосостояния означает применение информационных технологий к целям социального вспомоществования и обновления структур социального государства в рамках более динамичной сетевой организации. Эти инновации повысят эффективность государственных услуг и снизят финансовую нагрузку, лежащую на государстве благосостояния.

Методологической основой механизма согласования экономической и социальной политики является наличие прямых и обратных связей между информационной экономикой и социальным государ-

ством. Во-первых, информационное общество создает финансовую основу для развития социального государства. Без налоговых поступлений государство не может обеспечить социальные расходы. Становление информационной экономики требует более высоких темпов экономического роста и производительности труда, превышающих темпы роста расходов. Во-вторых, в долгосрочной перспективе информационная экономика нуждается в устойчивом самовоспроизводящем социальном измерении. Сильное противодействие глобализации без адекватных социальных амортизаторов вызывает сопротивление информационной экономике, что подвергает ее развитие резким колебаниям. Трансформацию в информационную экономику особенно в период рецессии государство должно сделать социально приемлемым. В-третьих, ключевая обратная связь: государство, предоставляя услуги образования, здравоохранения и социального обеспечения, позволяет достаточному числу высококвалифицированных и находящихся в хорошей форме людей работать в информационной экономике.

Концепция информационного государства благосостояния включает два основных направления: 1) социальное применение информационных технологий и 2) обновление структур государства благосостояния на основе межсетевое взаимодействие.

Источником распространения инноваций в социальной сфере служат стратегии развития информационного общества [11], которые предполагают цели, присущие государству благосостояния:

- создание сети, охватывающей все образовательные учреждения, библиотеки и музеи;
- активное применение информационных и телекоммуникационных технологий в здравоохранении, образовании, науке и культуре;
- развитие сетевой грамотности с целью распространения знаний и информации либо через систему образования, либо по принципу социального хакерства.

Успешную реализацию концепции на практике демонстрируют Скандинавские страны, в частности, финская модель информационного государства благосостояния (рис. 1).

В основе финской модели находится мощный кластер информационных технологий, который является самым динамичным и конкурентоспособным: в нем занято всего 3—4% от общей численности рабочей силы, при этом создается 45% ВВП и 1/3 общего объема экспорта страны. Вместе с тем функции государства, бизнеса и общества взаимодополняемы. Бизнес, организованный в сетевые предприятия на основе ИКТ, обеспечивает *рост* экономики, производительности и конкуренции, предлагая на рынке наукоемкую продукцию и услуги. Государство, основанное на межсетевом взаимодействии, предостав-

ляет бесплатное образование, здравоохранение, социальную защиту, используя социальные и технологические инновации, поддерживает *развитие* общества, наращивает благосостояние и преумножает человеческий капитал как важнейший фактор экономического роста, обеспечивая *социальную стабильность* и поддержку нововведений.

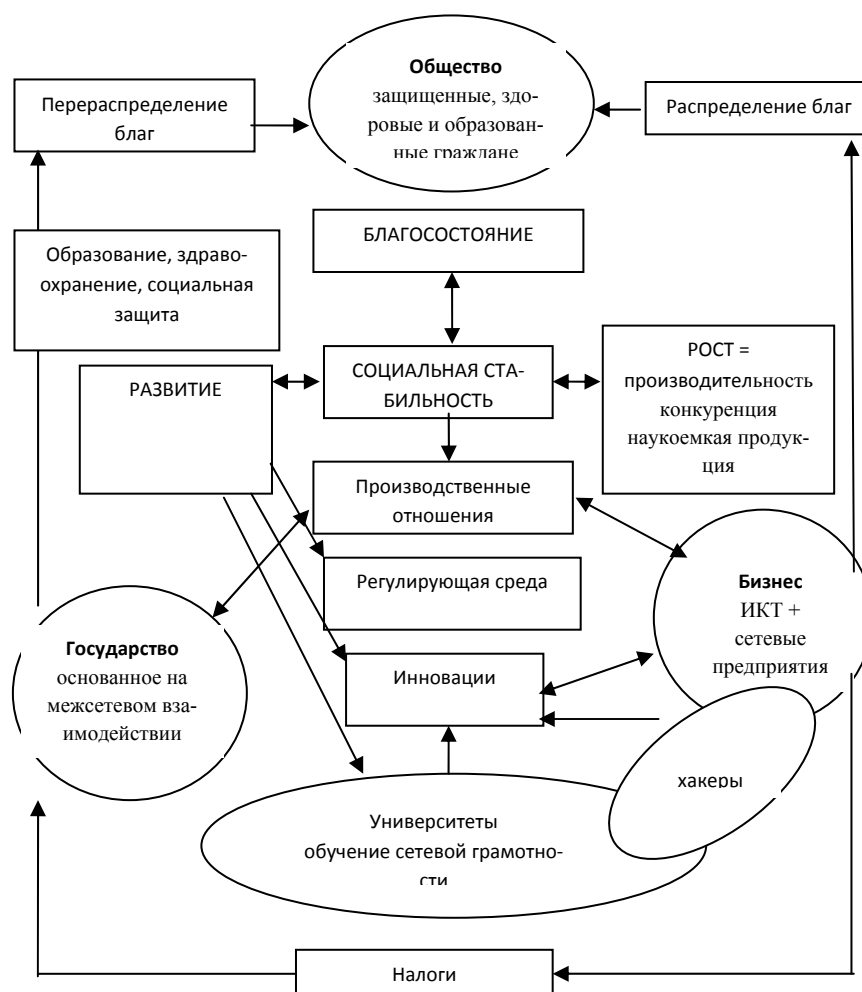

Рис. 1. Финская модель информационного государства благосостояния

Обновление структур государства благосостояния опирается на создание электронной системы государственного управления, основанной на межсетевом взаимодействии между государством как поставщиком государственных услуг и населением как их потребителем (получение и предоставление информации, госзакупки, электронный документооборот, предоставление онлайн услуг). Внутри — новые технологии сочетаются со старыми, вне — информационная инфраструктура, интегрированная в электронное пространство. Развитие электронного правительства (*E-Government*) предполагает модель оказания услуг в розницу, при которой услуги и информация государственных органов будут доступны потребителям круглосуточно.

Переход к системе государственного управления на основе межсетевого взаимодействия можно представить в виде табл. 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ систем государственного управления

Государство промышленной эпохи	Государство информационной эпохи
Бюрократическое управление	Обслуживание клиентов и передача полномочий на места
Обособленные административные функции	Услуги с интегрированными ресурсами
Бумажная работа, канцелярские папки	Обслуживание в электронной форме
Процессы с большими затратами времени	Быстрый прямой ответ
Прямое непосредственное управление и согласование	Управление и согласование в косвенной форме
Финансовые операции вручную	Электронное перечисление денег
Громоздкий механизм отчетности	Гибкая система запросов на информацию
Разобщенные средства информационной техники	Интегрированные вычислительные сети
Избрание руководства раз 5-6 лет	Оперативная демократия со всеобщим участием.

Источник: [12, 204].

Помимо этого обновление структур управления информационного государства благосостояния обеспечивает пространственную динамику, что особенно актуально для российской экономики. В процессе урбанизации формируются крупные города как глобальные узлы кон-

центрации инноваций и технологий, связанные посредством телекоммуникаций, Интернета, скоростных транспортных систем, которые становятся двигателями экономического роста и творческой активности для периферийных областей. По оценкам аналитиков, к 2025 г. по линии «Краснодар — Ростов — Москва — Санкт-Петербург» будет проживать 75% российского населения. В таких условиях необходимы расширение глобальных и локальных сетей для регионального и муниципального развития, формирование местных информационных обществ на основе интеграции университетских центров и технопарков, развитие теледемократии. Так, в рамках реализации национальный проекта «Электронная Россия» в 2013 г. министерство коммуникаций и связи предложило законопроект о массовой информатизации общества: в любые населенные пункты численностью более 500 жителей должны предоставляться услуги интернет-связи.

Перспективы межсетевого взаимодействия в рамках модели информационного государства благосостояния отражены в табл. 2.

Таблица 2

Перспективы межсетевого взаимодействия

Используемые технологии	Перспективы	Изменения
Сеть	Система с межсетевым взаимодействием в госсекторе	Накопление благосостояния, развития общества
Межкорпоративные вычислительные системы	Открытая система управления госсектором	Внешние отклонения нового типа
Государственная инфраструктура	Интегрированная система управления госсектором	Преобразования внутри организаций
Вычислительные системы для рабочих групп	Высокопроизводительный коллектив	Реорганизация бизнес-процессов
Персональные средства мультимедиа	Эффективная личность	Эффективность обучения и работы

Источник: [12, 206].

Создание межсетевой структуры позволит получить как социальный, так и экономический эффект:

- сократить государственные расходы на всех уровнях власти;

- изменить процесс воздействия государственных программ на потребителя;
- совершенствовать методы обслуживания государством населения;
- формировать целевые программы, ориентированные на удовлетворение насущных потребностей граждан.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Формирование информационного социального государства может стать *новой парадигмой* социально-экономического развития в интересах большинства населения России. При этом одновременно решаются две стратегические задачи: 1) становление информационной экономики, переход на новый технологический уклад посредством создания и внедрения информационно-коммуникационных технологий и диффузии инноваций, что повышает производительность труда и рост конкурентоспособности страны; 2) развитие государства благосостояния за счет модернизации социальной сферы на основе активного использования инновационных технологий и обновления структур управления посредством межсетевого взаимодействия, что делает процесс перехода к информационной экономике социально приемлемым для граждан.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Сеть как феномен человека и человечества // Философия хозяйства. 2013. № 3.
2. *Кадомцева С.В.* Совершенствование бюджетных отношений Группой двадцати: формирование транснациональной модели социального государства // Инновационное развитие экономики России: региональное разнообразие. Материалы Шестой международной конференции, 7—19 апреля 2013: Сб. статей. Т. 1 / Под ред. А.А. Аузана, В.П. Колесова, Л.А. Тутова. М., 2013.
3. *Медведев Д.* Реализация национальных проектов: новые задачи // Социально-экономическое развитие России: новые задачи. М., 2008.
4. OECD Internet Economy Outlook 2012. OECD Publishing, 2012 // www.oecd.org/rights.
5. *Химанен П., Кастельс М.* Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель. Пер. с англ. М., 2002.
6. *Алексеева О.А., Махрова О.Н.* Уровень информатизации домашних хозяйств в России // Экономическая наука современной России. 2009. № 2 (45).
7. *Манахова И.В.* Трансформация потребления домохозяйств: теоретический и эмпирический анализ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2013. № 6.

8. *Кирута А.Я.* Внутриэкономическое положение России: дифференциация доходов населения и социальная напряженность / Ситуационный центр администрации Президента РФ. М., 2002.

9. *Микульский К.* Экономические реформы и социальная политика // Вопросы экономики. 1993. № 12.

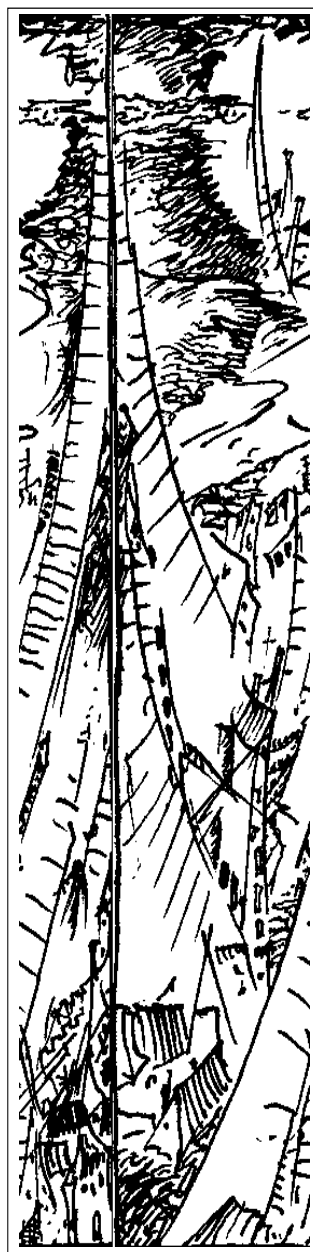
10. *Базелевич В.Д., Ильин В.В.* Философия хозяйства. История. К.; М., 2011.

11. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. № Пр-212 // <http://www.rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html>.

12. *Танскотт Дж.* Электронно-цифровое общество. Киев; М., 1999.

IV

АКТУАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Ф.И. ГИРЕНОК

Игра с сознанием

Аннотация. Статья посвящена проблеме сознания. В ней анализируется связь сознания с мозгом, познанием и языком. Автор исходит из того, что причина сознания находится в самом сознании и путь к нему лежит через самопознание человека. Человек же — это художник, история которого началась со времен наскальной живописи. Сознание нужно не для познания, а для того, кто не знает, как вести себя, кто существует сразу в нескольких мирах, кого страсти влекут в разные стороны. Философия указывает науке на дверь и просит ее не путать сознание с мозгом.

Ключевые слова: сознание, познание, мозг, язык, воображение, виртуальное, человек.

Abstract. Article is devoted to a consciousness problem. In it communication of consciousness with a brain, knowledge and language is analyzed. The author recognizes that the reason of consciousness is in the consciousness and the way to it lies through self-knowledge of the person. The person is the artist which history began since petroglyphic painting. The consciousness is necessary not for knowledge, and for this purpose who doesn't know how to behave who exists at once in several worlds whom passions attract in different directions. The philosophy shows science the door and asks it not to confuse consciousness to a brain.

Keywords: consciousness, knowledge, brain, language, imagination, virtual, person.

Человек вступил в опасную игру со своим сознанием. Мы играем с ним, приходя в музей современного искусства, беря кредиты, мысленно экспериментируя, общаясь в фейсбуке, покупая модные товары, коммуницируя. Эта игра порождает воображаемый мир, объекты которого существуют в той мере, в которой мы относимся к ним как к чему-то действительно существующему. Воображаемый мир нашего сознания не совпадает с миром возможного, ибо в нем есть и невозможное. Самость заставляет человека существовать сразу в нескольких мирах. При этом то, что для человека возможно в одном мире, существует как наличное в другом и невозможное в третьем. А это, например, значит, что пространство и время есть только в одном из них. Во втором может отсутствовать время. В третьем — протяженность. Со-

знание — это не время и не протяженность. Так что же такое сознание и зачем оно человеку?

Декарт

Современное понимание сознания восходит к Декарту, который полагал, что существуют две субстанции — протяженная и мысленная. Одна наблюдается, другая осознается. В человеке они встречаются. При этом ментальное каким-то образом воздействует на материальное. И хотя тело само по себе ничего не может сказать об уме, ум, как заметил Гуссерль, всегда приурочен к телу.

Одно дело — тело для сознания. Другое — тело для инстинкта. В первом случае мы имеем дело с телом для неразумия, в котором галлюцинация может занимать место ближайшей причины поведения. Во втором — с телом для разума, в котором галлюцинация заблокирована и для которого нужно всегда искать какую-то внешнюю причину действия. Неразумие всегда воображает, интеллект, как правило, вычисляет. Но наука никак не может научиться различать, с одной стороны, сознание и интеллект, а с другой — тело для воображения и тело для вычисления.

Распря

Между наукой и философией сегодня сложились странные отношения. Философия говорит, что причина сознания находится в самом сознании и путь к нему лежит через самопознание человека. Наука уверяет, что причина сознания лежит вне сознания и путь к нему лежит через познание мозговых структур. Философы говорят, что человек — это художник, история которого началась со времен наскальной живописи. Ученые доказывают, что человек — это обезьяна, которая побрилась, надела костюм и стала читать газеты. Что его истории более миллиона лет. Философия указывает науке на дверь и просит ее не путать сознание с мозгом. Наука помещает человека в ряд живых существ и заявляет, что сознание это не привилегия человека и она сама без всякой философии справится с проблемой сознания, полагая, что оно может функционировать в режиме компьютера.

Два проекта

И действительно, ученые всерьез взялись за изучение сознания. В 2013 г. в США решили создать картографию мозга, или, как говорят американцы, «карту активности мозга», выделив на это 5 млрд дол. на 10 лет. Европа, конечно, от американцев не отстает и выделяет 1 млрд евро на создание своей модели человеческого мозга. Американцы хотят научиться регистрировать импульсы всех нейронов мозга человека.

Для этого на каждый нейрон они намерены посадить наномашину, превратив мозг в подобие локальной ноосферы. Ученые и сочувствующие им философы думают, что все это должно им помочь понять, что такое сознание. В работе принимает участие профессор Гарвардского университета Дж. Черч, бывший руководитель программы «Геном человека». Но, как замечают скептики, для составления генома можно было использовать в качестве материала слюну и кровь. А для изучения мозга нужен живой мозг. И исследователям, видимо, придется, как когда-то Богданову, ставить эксперименты на самих себе.

Первый успех американцев, если верить сообщениям прессы, связан с тем, что им удалось создать полную карту нейронных соединений червячка, у которого оказалось примерно 300 нейронов. Правда, сделанный ими виртуальный червяк почему-то пока еще не ползает, ему нужно создать еще и виртуальную среду. Но важно не это. Надо иметь в виду, что у мозга человека 100 млрд нейронов, и на Земле живет 10 млрд человек. И неизвестно, не понадобится ли американским ученым для понимания биологических основ сознания на все эти нейроны прикрепить наномашинки, создавая одновременно мир полностью контролируемой ноосферы.

В Европе проектом «Человеческий мозг» руководит профессор из Лозанны Генри Маркрам. В рамках этого проекта хотят создать действующую модель мозга на компьютере. Для этого используют самые быстродействующие компьютеры, некоторые предки которых были чемпионами мира по шахматам. Правда, замечу, что для игры в шахматы сознание не нужно. В европейском проекте одному нейрону должен соответствовать, условно говоря, один процессор. Чтобы смоделировать мозг человека, нужно будет 100 млрд процессоров упаковать в колонки по 1000 процессоров и связать их между собой.

Самое интересное состоит в том, что никто из ученых не обсуждает проблему идеального. Видимо, никому не интересно узнать, что же будет находиться в идеальном содержании действующей модели мозга, каков будет мир ее фантазий, окажется ли, например, воображаемый мир заполнен тем, что Юнг называл архетипами, а Кант — синтетическим априори. Иными словами, опровергнут ли или все же эти два проекта оправдают убеждения Хайдеггера в том, что наука не мыслит. Подтвердится ли ими прогноз Гуссерля, поддержанный Эрвином Шредингером, что наука, основанная на принципе объективности, ничего не может сказать о субъективности, которая сделала сам этот принцип возможным.

Оба эти проекта исходят из предположения, что мозг и сознание, по крайней мере, как-то связаны между собой. Но так ли это?

Сознание и мозг

18 сентября 2013 г. центральное телевидение России сообщило о том, что нейрохирурги страны провели успешную операцию и извлекли из головы мужчины ножку стула, которая пробила череп и проникла до его основания. К сожалению, больше пока никакой информации об этом случае мне не удалось узнать. В научной же литературе иногда приводятся рассказы об аналогичных случаях. Например, в Интернете я нашел материалы, которые приводят следующие данные.

1866 г., несчастный случай — балка срезает у человека 1/4 часть черепа. Во время операции больной приходит в себя и спрашивает, что с ним произошло. Пациент прожил после операции 26 лет, жалуясь на легкое головокружение.

1940 г., Боливия. Доктор Итуррича вскрывает череп мальчика 14 лет, жаловавшегося на сильные головные боли. Вскрытие показывает, что его мозг отделен от внутренней полости черепной коробки.

Германия, доктор Хуфланд вскрывает черепную коробку разбитого параличом мужчины. Вместо мозга он обнаруживает 330 г воды. Возникает вопрос: чем этот мужчина думал?

В 1935 г. в США родился ребенок, который прожил 27 дней. Он был таким же, как и все дети. После его смерти обнаружилось, что у него вообще не было мозга.

Все это наводит на мысль о странных отношениях между сознанием и мозгом. Так ли уж верна идея о том, что мозг рождает сознание? Может, прав Дж. Экклс, утверждавший, что мыслящей материи вообще не существует? Мозг в лучшем случае может только обнаруживать мысли, а не рождать их. Но если признать, что сознание не связано с мозгом, то нужно ли тогда признать, что оно никак не связано с человеком? Вот здесь-то и возникает настоящая игра с сознанием. Ведь если оно не связано с человеком, то тогда его можно приурочить к чему угодно, в том числе и к небиологическим структурам. И, следовательно, нужно подготовиться к изучению мысли после человека. На мой взгляд, мы не можем помыслить мысль вне связи с человеком.

Сознание и познание

Среди ученых распространено мнение, согласно которому сознание так или иначе связано с познанием. Для нас, русских, это мнение кажется особенно убедительным, ибо наш язык связал знание с сознанием. Но, на самом деле, сознание существует не для познания, а для бытия человека. Если бы оно существовало для познания, то должно было бы познавать и себя в качестве познающего, и нужно было бы подождать, пока оно себя полностью не познает. Поскольку познание

бесконечно, постольку ожидание появления сознания биологического смысла не имеет. Сознание нужно для того, кто не знает, как вести себя, кто существует сразу в нескольких мирах, кого страсти влекут в разные стороны.

Тому, кто знает, как вести себя, сознание не нужно. Кто не знает, тот должен смириться с тем, чтобы сознание ограничивало его существованием только в одном мире, который он называет реальным. Вполне возможно, что существует много параллельных миров, но человек — это, по определению Платона, кукла, ибо сознание помещает его только в один из них, заставляя следовать одному и тому же. Кто следует одному, а не многому, тот перестает просто жить и начинает осознавать, т. е. переживать. Сознание заставляет живое не жить, а переживать, открывая тем самым горизонт человеческого в мире. Но зачем нам сознание? Может быть, для того чтобы говорить?

Сознание и язык

Для того чтобы говорить, сознание не нужно. Понимание сказанного не рождается самим актом говорения. Для того чтобы оно появилось, требуется соединить в речи воображаемое и реальное. Если врач говорит мне: «Покажи язык», а я ему отвечаю: «Покажи язык», то у меня нет понимания, нет сознания. У языка и у сознания разные истории. Весь смысл мысленного эксперимента Серла с китайской комнатой состоит, мне кажется, в том, чтобы показать, что когда человек говорит, он скорее вычисляет, а не понимает. Как машина вычисления человек, бесспорно, уступает автоматам, которые имеют уже свою и отличную от человека историю. Но как осознающий человек является уникальным событием во Вселенной.

Вступая в игру с сознанием, т. е. вовлекая его в работу социально-экономических и интеллектуальных структур, человек проигрывает. Анонимные структуры выигрывают.

А.В. СТАВИЦКИЙ

Наука и миф: проблема соотношения

Аннотация. В статье системно рассматривается проблема взаимодействия и соотношения науки и мифа в рамках функционирования культуры.

Ключевые слова: современный миф, функции мифа, мифотворчество, мифологизация.

Abstract. The article deals with the problem of system interoperability and the relation between science and myth in the functioning of culture.

Keywords: modern myth, functions of myth, myth-creativity, mythologization.

Поскольку мир познает миф языком науки, проблема соотношения и взаимодействия науки и мифа, а также возможностей науки в дальнейшем его изучении выдвигается на первый план. И тогда обнаруживается, что:

- установившая свою монополию на познание истины наука в контексте противостояния мифа и логоса навязала обществу пренебрежительное отношение к мифу как к чему-то примитивному, поверхностному, дологическому, ложному, а потому вредному и совершенно несовместимому с типичным для современного человека рациональным мышлением;

- ее пренебрежительное отношение связано не столько с недостатками мифа, сколько с его системным непониманием, которое приводит к вопросу не только ограниченных возможностей современной науки касательно его познания, но и заинтересованности науки в сохранении подобного отношения к мифу, так как оно лежит в основе механизма развития науки в целом.

Дело в том, что обновление научных знаний происходит в результате борьбы между новым и старым, где те знания, которые нужно отбросить или обновить, признаются мифическими. Таким образом, наука самоутверждается на мифе и за счет этого развивается, по сути, одним этим миф многократно множа.

Впрочем, в данном случае речь более идет о возможностях науки и ее мотивации подавать миф таким вредным и недоразвитым. Но есть еще один связующий их важный аспект. И он заключается в том, что наука переполнена мифами и занимается ими постоянно. Собственно, это видно уже из того, зачем миф науке нужен в плане своего самоутверждения. Тем более что объявленные научными новые знания, противостоящие мифическим старым, со временем сами состарятся и тоже будут объявлены мифическими. А это значит, что, независимо от того, какими — научными или мифическими — знания считают в тот или иной период времени, мифологический контекст и аспект они будут нести в себе с самого начала.

С этой точки зрения, единственная разница между научными и мифическими знаниями из тех, что в ходе борьбы с мифами и своего развития через обновление постоянно производит наука, заключается в том, что мифические знания предшествуют научным во времени. Ина-

че говоря, знания приходят в науку как научные, а уходят — как мифические. Если же в данном случае время не учитывать, то одни и те же знания будут считаться научными или мифическими, в зависимости от точки зрения, связанной с каким-то определенным направлением развития науки, научной «школой» или отраслью. И в том случае, когда выдвинутая ученым конкретная точка зрения, теория, позиция, идея каким-либо исследователем разделяется или воспринимается с симпатией, она им будет считаться логичной, обоснованной и перспективной. Одним словом, научной. Если же нет, то ее удел быть вздорной, ложной, вредной, мифической.

В свою очередь данные выводы подводят нас к проблеме выявленной и даже в рамках отдельных научных дисциплин опытным путем проверенной идеи общей условности и относительности человеческих знаний. Что касается утвержденной в тот или иной период времени научной истиной, то нам в соответствии с результатами исследований придется признать, что найденные учеными применительно к мифу доказательства призваны не столько объяснять те или иные явления, включая и весь мир, сколько согласовать его с теми представлениями, которые у человека уже сложились, — согласовать с привычным из соображений удобства и понимания, а также из потребности жить в освоенном мире.

Но осваивать его можно только с помощью приспособляющего мир под нас социального мифотворчества. Следовательно, в данном случае отношение к мифу как к чему-то ложному, внелогичному и даже бредовому позволяет избегать его глубокого научного анализа, оценивая сложные и важные для человека явления в рамках привычного. Оценивать безответственно и без серьезных интеллектуальных усилий.

Однако в соответствии с современной исторической ситуацией понимать и оценивать миф по-старому уже нельзя. Ведь, согласно Н.А. Бердяеву, мир постижим лишь мифологически. И философия во имя своего дальнейшего развития должна восстановить изначальную правду мифологичности научного познания и человеческого сознания в высшем своем проявлении [1]. А с учетом того, что об этом позже напишут А.Ф. Лосев, Дж. Кэмпбелл и К. Леви-Стросс, можно сказать, что за данной мыслью стоит философский прорыв в отношении к мифу и его роли в процессе познания и становления человеческого бытия. Роли незаметной, но от этого не менее значимой. Роли, которая до сих пор скрывает от нас тайну явления по имени «человек». Ведь миф потому неустраним, что людям бороться с ним и тем более пытаться уничтожить оказалось все равно, что уничтожать самих себя, так как

онтологические основы природы мифотворчества людей определяются их собственной природой. Дабы защитить себя от посягательств мифа, наука постоянно борется с ним, объясняя свое принципиальное различие с ним традиционной установкой на то, что миф построен на вере, а наука — на фактах. Однако сегодня позиция, согласно которой, в отличие от веры, факты можно осмыслить и подвергнуть сомнению, не находит поддержки даже у современных неопозитивистов (Л. Витгенштейн, И. Лакатос, К. Поппер, Б. Рассел). Связано это с тем, что каждый выбранный для анализа факт не может восприниматься объективно исследователем без учета отношений, мотивов, симпатий и антипатий, одним словом — всего исследовательского контекста, включающего как объект исследования и источник информации о нем, так и самого исследователя. В ходе системного отбора и усвоения он становится образом факта и фактом сознания, т. е. продуктом личного истолкования, и встраивается в систему, подчиняясь определенному образно понятому и логически оформленному смысловому контексту, исходящему из своих особых установок и мотиваций. Значит, в основе любого исследования лежат построенное на определенной традиции личностное восприятие и соответствующая ему теоретическая интерпретация.

В свою очередь понятно, что факт не может существовать сам по себе. Он будет работать в режиме логики системы, в которую в данный момент встроен, выводя анализ на метауровень смыслообразования. Однако встроенность данного конкретного факта в ту или иную теорию не означает, что через иную его интерпретацию в связке с другими фактами он не будет опровергать ту систему, в которую входил ранее. Причем с учетом того, что теория строится на уровне обобщения и интерпретации, буквальная точность не позволяет включать контекст и обеспечивать необходимые рамки для той игры смыслов, без которых система не работает. И значит, факт будет одновременно интерпретироваться на разных уровнях смыслов. И происходить это будет по-разному.

К тому же для того или иного восприятия фактов, а тем более их опытной проверки требуется наличие сложных знаний, нередко включающих различные сложные навыки, методологию, а также связанные с подачей и усвоением фактов всякие условности, гипотезы, парадоксы и допущения, создающие бесконечный круг новых и новых данных, среди которых неизбежно будут накапливаться те факты, которые системе не соответствуют. Ясно, что на определенном этапе при наборе их «критической массы» они дадут основание начать системную критику господствующих теорий, дабы их сменить или кардинально скор-

ректировать. Порой до неузнаваемости. Впрочем, подобные изменения происходят, как правило, не чаще одного раза в смену поколений, так как они связаны с разными языками описания и воспитанной в рамках определенных школ научной традиции, когда в ходе соответствующей обработки человек программируется под определенное восприятие и, как правило, не может выйти из него. Ведь приверженность традиции включает психологические аспекты процесса познания, в ходе раскрытия которых отношение к фактам становится предметом веры. Исходя из вышеизложенного понятно, что основная масса научного знания в силу локальности и неоднозначности процесса познания не может считаться окончательно доказанной. Попытки же доказать обратное ведут к тем мифологическим построениям, от которых наука все время пытается убежать. Ведь любое объяснение, если оно неоднозначное, не может быть абсолютно истинным, а знание не может быть непроверяемым и устойчивым, непреложным и бесспорным, так как тоже пребывает в развитии. К тому же уровень и характер современных научных знаний вынуждают принять условность, относительность и гипотетичность познания как установленный научный факт и не позволяют настаивать на абсолютности той или иной теории, каждая из которых, независимо от степени ее обоснованности, является результатом не только научного открытия, но и своеобразного общественного договора.

Гипотетичность научного познания означает, что в основе всех современных научных теорий лежат определенные гипотезы, доказать или опровергнуть которые окончательно практически невозможно. Гипотеза предусматривает не убежденность и категорическое утверждение, а возможность и вероятность; не прочувствованность, а отстраненность; не логику, а интуицию. Однако, несмотря на это, ситуация, когда в ходе научной полемики выработанные в рамках разных научных традиций теории признаются их оппонентами мифическими, является нормой. Хотя правильнее было бы говорить всего лишь о разных подходах. Значит, красота и логичность и даже соотносимость со здравым смыслом той или иной теории не гарантируют ее от мифологизации, которая, возможно, происходит одновременно с ее формированием, но становится явной для окружающих лишь тогда, когда наука накапливает критическую массу данных, опровергающих ее. Вот почему противопоставлять миф знанию, а знание — мифу в условиях постоянно меняющегося, а значит, превращающегося в миф знания, крайне проблематично. Более того, в условиях изменения характера знаний меняется и методология. В основе ее лежит принцип общей условности, согласно которому универсальных методов изучения ре-

альности не существует. И каждая наука или теория должна выработать свои методы, которые будут допустимы в определенной зоне применения, пока вызвавшая ее к жизни традиция жива.

При этом следует учесть, что, хотя методология строится на принципах логически проверяемого опыта, по отношению к новому старый опыт нередко оказывается неприменим. Отказ от прежнего опыта нередко воспринимается как критерий успеха в познании нового. Хотя он может быть осуществлен только при помощи интуиции. Той самой, которая строится на привлечении ресурсов подсознания или, если верить отдельным философам, обеспечивается за счет связи с иными мирами, где знают все.

Впрочем, и относительность используемых исследователем методов не гарантирует от системных ошибок даже при условии их комплексного применения. Возможно, поэтому в ходе познания логические суждения нередко противопоставляются прямому восприятию реальности. Но прямое восприятие возможно лишь лично, через сопереживание и прозрение, через интуицию, когда мир может быть понят сразу весь. И понят мифически. Не удивительно, что в ходе борьбы за новое видение истина нередко оказывается противопоставлена обоснованию, создавая впечатление, что наука лишь расширяет сферу незнания по принципу, чем больше узнаем, тем меньше знаем, идя от одного незнания к другому — от неведомого к неведомому через неведомое, пользуясь в качестве достоверных лишь частными и локальными данными. Вот почему отдельные мыслители утверждают, что в процессе познания наука исследует не реальность, а ее модели и образы, несмотря на уверения в обратном. Ведь любые самые смелые открытия есть результат условности и упрощения.

Относительность познания позволяет ввергнуть в сферу мифического любой факт или теорию, создавая ощущения интеллектуальной беспомощности. Однако, не будь их, наука не развивалась бы, ограничившись своей монополией над той зоной привычного, которую можно контролировать с помощью ряда мировоззренческих договоренностей, позволяющих определиться, какую точку зрения на тот или иной вопрос считать логичной и правильной. Однако, пользуясь языком, словом, наука уже в силу этого входит в зону мифа, разворачивая его в семиотически означенном пространстве. Результат ее — информация, более или менее символизированная и воспринятая лично, и, значит, уже мифологизированная. К тому же следует учесть, что, сталкиваясь с явлениями, которые не могут быть ясно и четко объяснены в рамках строго аналитического дискурса, ученые прибегают к метафо-

рам, как правило, нисколько не задумываясь, в какой степени их аналитика становится, благодаря метафорам, мифологичной.

В этих условиях миф не просто вторгается в сферу науки, а прорастает в ней через язык, усвоение нового и поиск неведомого. А поскольку как миф он исследователями, как правило, не распознается, бороться с ним практически невозможно. Ведь ученые не видят мифотворчества в своих гипотезах, уличая в нем только других. Значит, драматизм процесса познания не просто не лишен мифотворчества, а основан на нем. При этом сам факт постоянного мифотворчества воспринимать однозначно нельзя. Ведь творческий потенциал науки напрямую связан с ее способностью к мифотворчеству — от воспроизводства гипотез до формирования тех моделей, которые ложатся в основу наших представлений о мире и человеке. В результате этого под воздействием науки современные мифы стали неотличимы от научной теории. Они стремятся к доказательности и правдоподобию в той мере, в какой это возможно в современных условиях. Более того, по мнению А.Ф. Лосева, Э. Кассирера, К. Леви-Стросса, Е.М. Мелетинского, мифу присуща логика в той же степени, что и науке, но сама логика имеет несколько иной характер. И хотя в режиме конкретной локальности спор между наукой и мифом всегда будет в пользу науки, там, где сохраняется нацеленность на разнообразно проявляющуюся бесконечность, миф безраздельно господствует.

Так, миф как «деятельность по совмещению смысла и реальности» (П. Флоренский) проступает даже через многозначность мышления. Однако нам нет смысла настаивать на победе мифа или науки, так как в каждом отдельном случае одно не отменяет другого, а тонко и естественно дополняет, утверждая в мире то нескончаемое многообразие, без которого его существование и развитие невозможны. Значит, уже в силу этого, в основе нового отношения к мифу может быть только принцип терпимости в условиях единства множеств, когда конструктивный диалог реализует взаимную дополняемость. Ведь, чтобы остаться собой, наука должна превосходить себя — и в большом, и в малом. И миф ей в этом постоянно помогает. Недаром, порой не отдавая себе отчета в этом, наука любыми своими идеями, гипотезами, предположениями, теориями, обобщающими картинками мира или какой-либо его части создает аналогичные им образы и тем самым вбрасывает в культуру такое число мифов, какое сама не может обработать при всем желании. Но вину за это почему-то возлагает не на себя, а на миф, чем его только множит. Ведь миф растет даже критикой его. При этом, говоря о научном мифотворчестве, следует учесть, что в нем речь идет не о вторжении мифа извне, а о присутствии его в науке на

уровне психологического восприятия, образного мышления и речи. В этом смысле наука в той степени свободна от мифа, в какой степени свободна от человека — его мыслей, страхов, желаний, фантазий, — и может существовать без него. Тем более что даже в локальных исследованиях ученый имеет дело с разворачивающейся перед ним саморазвивающейся бесконечностью, которую нельзя ограничить ни историческими условиями, ни пространственно-временными рамками, хотя требования к исследованию делают данную установку принципиально обязательной.

Вот почему даже официально признанное негативное отношение науки к мифу принципиально в их реальных отношениях ничего изменить не могут. Ведь, сочетаясь и взаимодействуя в сфере общечеловеческой культуры, миф и наука выступают как способы текстуальной и контекстуальной организации мира, воспроизводя и поддерживая его на своем уровне. Благодаря этому, союз науки и мифа в рамках структуры культуры представляет ту «возлюбленную непохожесть», которой посвятили свои работы Г.Д. Гачев и К. Леви-Стросс. Их взаимодействие строится на взаимном интересе, так как миф и наука вместе, пока не отдавая отчета в этом, творят общий мифо-логос, где рациональное соотносится с мифическим, а логос соотносится с мифом, как Ин и Янь, женщина и мужчина, вода и огонь, земля и небо, левое полушарие мозга и правое. В этом смысле между ними выстраивается космическая, духовно освященная и интеллектуально заданная симметрия, позволяющая им пребывать в диалектическом соответствии и взаимной онтологически оформленной дополнительности.

В свете вышеизложенного негативная позиция по отношению к мифу ученых выглядит довольно странно. Ведь для науки мифология представляет те живительные соки, которыми она непрестанно питается, дышит, живет, убеждая себя в том, что могла бы обойтись и без этого, если бы не глупые и необразованные массы, постоянно мифологии порождающие. При этом в самой этой симметрии заложена и асимметрия как фактор дестабилизации и механизм саморазвития. Ведь вода — не огонь, земля — не небо, а левое полушарие мозга — не копия правого. На этой принципиальной разнице и строится активное взаимодействие, дающее рост целого в бинарном сочетании разного.

Причем, независимо от исходной установки на отношения между мифом и наукой, мифотворчество в науке будет иметь место. Ведь в основе нашего выбора модели их взаимодействия лежит отношение, которое строится на представлениях, являются ли они разными частя-

ми целого или их различия не позволяют им делать общее дело, творя наш образный мир. Но при любом своем выборе мы будем руководствоваться той или иной мифологией, которую будем считать достаточно обоснованной, чтобы представлять научной.

Отчасти на изменение отношения к мифу повлиял переход от исследований условий равновесия систем к анализу неравновесных и необратимых состояний сложных и сверхсложных систем, к которым принадлежат также наука и миф. Согласно освященной семиологией и поддержанной теорией динамических нелинейных систем синергетике, будучи «замкнутым в себе целым», миф и наука встроены в более общую структуру, в которой они выступают «как целое и как часть целого», активно друг с другом взаимодействуя. А поскольку они взаимно трудно переводимы, их разность создает то смысловое напряжение, которое делает их взаимодействие весьма продуктивным. И хотя наука не рождается из мифа и не тождественна ему, в реальной жизни, понимаемая лично, она без него не существует и, значит, всегда в той или иной степени мифологична. А это значит, что являясь одним из базовых аспектов внутренней мотивации науки и научной деятельности, миф вынуждает рассматривать проблему своего отношения с наукой как проявление эффекта системности. Более того, своеобразное разделение в рамках целого, когда рациональное мышление в основном анализирует конкретные факты и события, локально воспринимаемые во времени и пространстве, а мифическое — осмысливает вопросы экзистенциального порядка, требует поставить вопрос об их системной зависимости. И даже если в данном случае наука выступает как «система», а миф — как лишенная права системы внесистемность, следует учесть, что любая система развивается за счет заложенной в ней и окружающей ее внесистемности. И миф, не важно, в чем он проявляется — в жизни, культуре, религии, философии или даже науке — есть та динамичная и вместе с тем устойчивая внесистемность, за счет которой наука живет. Однако тот факт, что система и внесистема находятся в состоянии взаимного отрицания, не означает, что они не входят в более общую систему, в рамках которой пребывают и диалектически взаимодействуют.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Мы отдаем себе отчет в том, что попытка пересмотреть традиционное отношение науки к мифу может для ее представителей восприниматься актом публичного и системного самоотрицания, подобно тому, как в XVI в. идеи Н. Коперника казались не только приговором церкви и религии, но и всем основным достижениям науки до него. Но, как известно, к гибели церкви и религии, тем более, науки, этот якобы «порочащий»

их факт так и не привел. А если и повлиял на роль религии, то лишь постольку, поскольку церковь этим новым веяниям в науке в свое время сопротивлялась. Однако наука в состоянии относиться к подобным проблемам иначе, воспринимая их не как угрозу ее могуществу, но как источник обогащения новыми смыслами и дальнейшего движения вперед.

Литература

1. Бердяев Н.А. Смысл творчества // http://www.philosophy.ru/library/berd/creation.html#_ednref1 (дата обращения: 13. 12.2012).

Н.Н. РОСТОВА

Бог как антисакральное: от Юма и Фейербаха до Батай и Мейясу

Как сумели исчерпать глубины
морские?

Кто дал нам губку, чтобы стереть
весь небосвод?

Ф. Ницше. Веселая наука

Аннотация. В статье выявляется смысл понятия «сакральное». По мнению автора, это понятие позволяет исследователям редуцировать фигуру Бога. Тенденция европейской философии, при которой Бог сводится к разуму и чувствам, завершится противопоставлением Бога и сакрального и, в конечном счете, избавлением от Бога в феномене сакрального. Так Батай объявит Бога антисакральным. Однако редукция трансцендентного Бога и замена его имманентным миру сакральным ставят под вопрос возможность антропологического феномена.

Ключевые слова: сакральное, Бог, антропология, сознание, символическое.

Abstract. In article the sense of the concept «sacral» comes to light. According to the author, this concept allows researchers to reduce a figure of God. The tendency of the European philosophy at which God is brought together to reason and feelings, will come to the end with opposition of God and sacral and, finally, with disposal of God in a phenomenon of the sacral. So Bataille declares God anti-sacral. However the reduction of transcendental God and replacement its immanently to the world the sacral calls into question into possibility of an anthropological phenomenon.

Keywords: sacral, God, the anthropology, consciousness, symbolical.

Тоска по возможности тотального существования, охватившая Европу в последнее столетие, это тоска по сакральному без Бога. «Смерть Бога» не столько причина, сколько возможность появления феномена сакрального. Сакральное — это и есть ответ Богу, альтернатива ему. От Юма, Канта, Гегеля и Фейербаха до Батая и Мейясу можно провести прямую линию. Юм и Кант свели религию к здравому смыслу. В «Диалогах о естественной религии» Юм вводит представление о «чистой религии», «естественной религии», смысл которой заключается в избавлении от суеверий, к которым относятся обряды и вера в загробную жизнь, и признание того, что между причинами порядка во Вселенной и человеческим духом есть отдаленное сходство, на основании которого можно судить о Боге [1, 154—163]. Идеалом для Юма становится «здравый верующий Христианин» [1, 154—164], который удостоверяет бытие Бога, опираясь на чувственный опыт и разум, например, читая «книгу Природы».

Кант, хоть и уподобляет отношение сферы веры и религии разума двум концентрическим окружностям, меньшей из которых оказывается религия разума, тем не менее сводит представление о религии к представлению об «истинной», или «чистой религии», т. е. религии, которая тождественна морали. Чистая религия и культ, как масло и вода, не смешиваемы. Моральное должно «всплыть», избавившись от воды обрядовости. Канта волнует мораль, т. е. то, что проистекает из свободы человека — из его свободы совершать добрые дела и иметь морально добрый образ мыслей. Не на Бога, его благосклонность и благодать, должно уповать, ибо это ведет к мнимому внутреннему опыту и суеверию, но на собственные силы. Не страхом и надеждой руководствоваться, в чем обнаруживает себя культ, а доброй волей. Не в чудеса верить, ибо это моральное безверие, а в мораль. Служить Богу не тем, что превышает добрый образ жизни, ибо это лжеслужение, но ограничиться нравственностью. Исповедание догматов, соблюдение церковной обрядности и дисциплины — все это не что иное, как иллюзия, в которой пребывает человек, желающий естественными, неморальными способами, допускающими недобрую волю, добиться расположения Бога.

Отшельничество и безбрачие лишь делают людей бесполезными для жизни. Умилостивительные жертвы не ведут к действительному изменению нравов. Истинная религия должна быть очищена от всех этих иллюзий. Истинная религия состоит в том, что понятно каждому, разуму каждого. В этом сила учения христианства, с которого пора

снять оболочку мистицизма. «Легко заметить, — пишет Кант о христианстве, — что если освободить этот живой и, вероятно, для своего времени единственно популярный способ представления от его мистической оболочки, то он (его дух и разумный смысл) будет иметь практическое значение и станет обязательным для всего света и во все времена, потому что он достаточно близок каждому человеку, чтобы по нему узнать свой долг. Этот смысл состоит в том, что для людей не существует другого спасения, кроме самого глубокого восприятия твердых нравственных начал в свой образ мыслей...» [2, 323]. Благо основывается на «нашей собственной деятельности», на «благопроеденном образе жизни». Стремление искать в Писании то, чему учит разум, Кант оправдывает словами Христа, который об идущем своим путем, но к той же самой цели, что и апостолы, сказал: «Не возбраняйте ему, ибо кто не против нас, тот с нами». Если в работе «Религия в пределах только разума» Бог все еще присутствует как важная фигура в религии, хотя его сущность и сводится к тому, чтобы быть моральным существом, то в «Критике практического разума» Кант, желая аргументировать основания морали, т. е. обосновать свободу, отведет Богу лишь сферу ноуменального мира, оставив не доступным для него мир феноменов, в котором сможет раскрываться свобода поступающего человека. Противоречивость понятия религии, редуцированной к морали, снимается чистым представлением о морали и свободе человека, своим собственным разумом полагающим себе ограничения.

Фейербах идет дальше, предлагая принять «духовные ванны» и освежиться «холодной водой естественного разума» [3, 11]. Тайна теологии, скажет он, есть антропология. В глубине сверхъестественных тайн религии лежат естественные истины, «мистерии человеческого рода» [3, 22]. Религия есть не что иное, как раздваивание человека в самом себе, объективация собственной сущности и представление ее в качестве Другого. Бог — это очищенная, объективированная сущность человека. «У религии, — скажет Фейербах, — нет собственного, особого содержания» [3, 52]. Сущность религии тождественна сущности человека. Нечто божественно не оттого, что причастно Богу, но оттого, что само по себе божественно, т. е. важно для человека, а потому, объективируясь, приписывается Богу. Что это значит? Например, то, что Бог есть, объективированная сущность рассудка. Богословы, разрабатывающие отвлеченные определения Бога, такие, как вечность, непостижимость, неизменяемость, занимаются не чем иным, как самознанием свойств рассудка. Бог есть вместе с тем олицетворение нравственного закона и чувственности человека. Например, страдающий Христос есть освящение слабостей человека, «самопризнание челове-

ческой чувствительности» [3, 93]. Догмат о воплощении не сверхъестественная тайна, но объективация собственно человечности Бога, его близости в любви к человеку. Творение из ничего — это утверждение мощи воображения, не стиснутого границами мира. В представлении о творении из ничего человек свой «собственный произвол рассматривает как наивысшую сущность» [3, 133]. Сооружение храма Богу есть поклонение красоте архитектуры. При этом неисчерпаемость свойств Бога возможна лишь благодаря чувственной сущности человека, пространству и времени, в которых только и могут расположиться бесконечные определения.

Если Бог, как скажет Фейербах, есть «косвенное» самосознание человека, т. е. не вполне отчетливое по сравнению с рефлексией, а «религия — младенческая сущность человечества» [3, 42], то естественным образом, подобно тому, как ребенок идет по пути взросления, всякое косвенное самосознание должно прийти к полному самосознанию. Для религии это означает то, что все, что считалось объективным, должно быть обратно приписано субъективному. Человек, скажет Фейербах, мечтатель. Но что такое мечта? Она есть лишь «обратная сторона бодрствующего сознания» [3, 173]. Проснись, — скажет он человеку. Осознай то, что считал страдательным, действительным. От некоторых же сновидений и вовсе избавься. Например, от «супранатуралистического эгоизма христианства» [3, 308], от Христа как «пасхального праздника сердца» [3, 182]. «Вспоминайте, — скажет Фейербах, намекая на Евхаристию, — при каждом куске хлеба, утоляющем муки голода, и при каждом глотке вина, веселящем сердце, о том Боге, который расточает эти благодатные дары — о человеке! Но из-за благодарности к человеку не забывайте о благодарности к природе!» [3, 316].

Другими словами, Фейербах сводит Бога к субъективности. Но что значит Бог как субъективность? Это значит, что Бог есть результат субъективных состояний человека, это конфигурация, разворачивающаяся в рамках его имманенции. Это значит то, что Бога нет. Нет трансценденций, нет и у человека трансцендентных измерений. Об этом засилии «имманентизма» писал еще в 1916 г. С. Булгаков, назвав его «суховеем», тянущим с германского запада: «Лютер, Бауэр, А. Ричль, Гарнак, Эккегарт, Я. Беме, Р. Штейнер; Кант с эпигонами, Фихте, Гегель, Гартман; Геккель, Фейербах, К. Маркс, Чемберлен — все эти, — говорит Булгаков, — столь далеко расходящиеся между собою струи германства в “имманентизме”, однако, имеют общую религиозную основу. Столь слабо ощущается в нем расстояние между Творцом и творением, что он роковым образом приближается к миро- и челове-

кобожию разных оттенков и проявлений» [4, 8—9]. Кант и Шлейермахер низводят религию до чувства, пусть даже и морального, как в случае с Кантом. Религия, понятая как нравственность, есть не что иное, как антропоморфизм и «воинствующий психологизм», выдающий человеческое за божественное. Этим воинственным психологизмом, по мнению Булгакова, болел и Фихте. Гегель сводит религию к одной из ступеней самопознания духа, до которой должен возвыситься человек. Фейербах же прямо наделяет самой божественностью человека. Оккультизм в отличие от религии строится на представлении не о преодолении мира, его трансцендировании, но о его расширении, т. е. еще большем заключении в себе. И, конечно, социализм, представленный фигурой Маркса, которого Булгаков называет «фейрбахианцем», представляет собой явление «имманентизма» во всей его чистоте [5, 51—70].

Эта тенденция европейской философии в отношении осмысливания фигуры Бога и ее соотношения с человеком найдет свое развитие и в отношении осмысливания феномена сакрального, доведя ее до логического завершения. Сведение Бога к разуму и чувствам завершится противопоставлением Бога и сакрального, избавлением от Бога в феномене сакрального.

Хайдеггер отделит понятия Святого и Бога. И Святое окажется для Хайдеггера более фундаментальным, нежели Бог. Святому, понятому как изначальный хаос, ничто не предшествует. Бог — это то, что населяет или может населять Святое, «если, — как оговорится Хайдеггер, — там вообще кто-то есть» [6, 51]. Бог нуждается в именовании, как всякая сущность вещи. Призван к этому учреждающему именованию бытия, согласно Хайдеггеру, поэт. «Поэзия, — говорит Хайдеггер, — есть словесное учреждение бытия... Поэт не только именуется богами, но именованьем возводит все вещи в то, что они суть» [6, 83]. Эта эстетизированная онтология или, наоборот, онтологизированная эстетика сближает человека и Бога до того, что Бог оказывается тем, кто нуждается в человеке, ждет его активности, как это ранее получалось у Шеллера, который обессилил высшее, наделив силами низшее. Бог, скажет Хайдеггер, передает «луч» святого поэту, он лишь посредник, вспомогательный элемент действительности. Не им должно грезить, а святым. Но святое, вопреки пафосу Хайдеггера, и само оказывается нуждающимся, ибо святое — это лишь состояние природы в ее открытости, это ее день, который может смениться ночью. Но день есть лишь день в глазах тех, кто к нему обращен, т. е. в глазах человека.

Эти рассуждения идут, на первый взгляд, в разрез с несколькими позже написанной работой Хайдеггера «Слова Ницше “Бог мертв”». Что

значит Бог мертв? Что значит ницшевское «Мы его убили»? Убить Бога, скажет Хайдеггер, значит устранить сущее само по себе, сделать его сущим для себя, низведя до ценности. «Убивать — пишет Хайдеггер, — этим подразумевается здесь устранение людьми сущего самого по себе сверхчувственного мира. Убивать — этим словом наименовано здесь событие, в котором сущее как таковое не уничтожается, вообще и без остатка, но становится иным в своем бытии. В этом событии иным становится и человек, и прежде всего человек» [7, 171]. Новый человек — это сверхчеловек. Но сверхчеловек — это не человек, который занял пустующее место Бога. Не стоит, скажет Хайдеггер, унижать божественность до того, что ее может заместить человек. Однако вместе со смертью Бога происходит нечто еще более жуткое, и «сущность этой жути, — говорит Хайдеггер, — мы еще даже не начали толком обдумывать» [7, 168]. Полагание новых ценностей не претендует на место Бога, но требует «иной области обоснования сущего», «иногое бытия сущего». Какого именно иного? «Это иное бытие сущего меж тем, — говорит Хайдеггер, — этим и отмечено начало метафизики нового времени — стало субъектностью» [7, 168], которая влечет за собой замену истины — искусством, принципа объективности — принципом справедливости, самодовлеемости бытия — самодовлеемостью человека. Ценность отныне не то, что есть само по себе, но то, что является точкой зрения и длит себя до тех пор, пока к ней относятся как к ценности. Новизна полагания ценностей заключается в сознательности, в знании своего принципа, а именно: воли к власти. «Прежний человек потому именуется прежним в метафизике Ницше, что его сущность хотя и определена волей к власти как основополагающей чертой всего сущего, но он в то же время не постиг и не перенял волю к власти в качестве такой основополагающей черты. ...Если воля к власти сознательно волилась как принцип любого полагания условий сущего, то есть как принцип ценностного полагания, тогда господство над сущим как таковым в обличьи господства над землею переходит к новому волеию человека, к волеию, которое определяется волей к власти. Первую часть книги “Так говорил Заратустра”, вышедшую в свет через год после “Веселой науки”, в 1883 году, Ницше заканчивает такими словами: “Мертвы все Боги; теперь мы волим, чтобы здравствовал сверхчеловек!”» [7, 167].

Точка зрения, существующая по принципу «смотрения на» и полагаяемая волей к власти, превращает сущее в предстояние. «Человек, — говорит Хайдеггер, — восстал вовнутрь яйности, свойственной его cogito. По мере восставания все сущее становится представанием — предметом. До конца испитое, сущее опрокинуто теперь как объектив-

ное вовнутрь присущей субъективности имманентности. Теперь горизонт уже не светится сам собою. Теперь он лишь точка зрения, полагаемая ценностными полаганиями воли к власти» [7, 171]. Не трансценденция, а имманенция определяет «иное бытие сущего», устраняя само различие между чувственным и сверхчувственным. Не сущее есть само по себе, но «яйность» задает своим смотрением сущее. Для Хайдеггера это означает забвение бытия, в котором он, однако, обвиняет не только Ницше и европейскую философию последних веков, но философию как таковую, с забвения бытия и начавшуюся, и заставляет его присоединиться к словам ницшевского безумца: «Ищу Бога! Ищу Бога!».

Но здесь хочется спросить Хайдеггера: не есть ли низведение Бога до сущего такая же «жуть», что и низведение его до ценности? И есть ли принципиальная разница между волящим сознающим человечеством, по Ницше, и учреждающим бытие поэтом? Не предстает ли у Хайдеггера Бог как имманентный миру и нуждающийся в человеке, как вспомогательный элемент сущего?

Эстетизация божественного у Хайдеггера вполне закономерна. Она есть шлейф того упоения Гельдерлина античным искусством и поиска в нем, по справедливым словам Н. Гаврюшина, полноты религиозной жизни в чувственном мире, которое привело его к идее создания «эстетической Церкви» [8]. Как онтологизированная эстетика Хайдеггера возрастает на почве поэзии Гельдерлина, так и взгляды самого Гельдерлина формируются в общем климате эпохи. Ф.Г. Якоби, Ф. Бутервек, Я.Ф. Фриз и его последователи Э. Апелът, О. Апелът (сын), М. Шлейден, О. Шмидт, Ф. Франке, О. Шлемилх, а также В.М.Л. де Ветте будут также отстаивать высшую роль эстетики в религиозном опыте [9].

Прощание с трансцендентным измерением Бога, а вместе с этим — и человека, продолжается и у Батая, и у Бодрийяра, и — сегодня — у Мейясу. Батай заключит Бога и сакральное в пределы психологии игры с запретным. Бодрийяр будет определять символический порядок именно как такой порядок, который освобожден от притязаний трансценденций, ибо трансценденция — это всегда значит власть и отчуждение непосредственного. Бодрийяр определит символический порядок как социальный порядок, в котором нет бинаризов, члены которых репрессивуют друг друга. Главный причинитель разделений — Бог. «Бог — это то, чем поддерживается разделенность означающего и означаемого, добра и зла, мужчины и женщины, живых и мертвых, тела и духа, Иного и Того же и т. д.; вообще, это то, чем поддерживается разделенность полюсов любой различительной оппозиции...» [10, 239]. Бодрийяр противопоставляет социальному порядку с трансцен-

денциями власти символический порядок, сродни порядку первобытных народов, для способа жизни которых, согласно Бодрийяру, была характерна подручность богов. В понятии «боги», заменившем понятие «Бог», кроется представление об их близости, онтологической родственности человеку. Не трансцендентный Бог, а подручные человеку боги — вот основа символического порядка. «На самом деле единственный Бог, — говорит Бодрийяр, — во всем соответствует форме единообразной политической власти, и ни в чем — первобытным богам» [10, 254]. По существу своему символический порядок равен антропологическому пространству, которое находится над биологией и по ту сторону «трансцендентной социальности». Как скажет Бодрийяр, это игра, чтобы обойти биологию [10, 281]. Несомненно, обращает на себя внимание неожиданный взгляд Бодрийяра на способ жизни первобытных племен, ибо, может быть, нигде так хорошо не наблюдается иерархичность жизни, присутствие абсолютных ориентиров и «посреднической», при одном из толкований, функции жрецов. Но главное здесь — пафос, а именно: превращение «Бога» в «богов», или, иначе, трансцендентного — в имманентное, подручное, нечто, находящееся на уровне вещей. Это сворачивание божественности Бога присуще и Мейясу.

Оговорка Хайдеггера о возможности Бога и не быть превратится в центральный тезис философии Мейясу. Отрицая классическое определение Бога через необходимость, как того, что в отличие от всего мира, который может как быть, так и не быть, является с необходимостью, Мейясу вводит понятие «контингентности» Бога, т. е. его, как он говорит, виртуальной, но вовсе не актуальной и обязательной возможности. Что же дарует ему эту возможность? Мир как хаос, разворачивающийся во времени. Бог — это «одна из осуществляемых со временем возможность» [11, 76], — пишет Мейясу, — это «вечно возможный эффект Хаоса, не подчиненный никакому закону» [11, 80]. Не Бог определяет мир, но мир — Бога. Не вечность Бога запускает время, но время дает место Богу. Бог — это «будущий и имманентный Бог», «сингулярная возможная божественность» [11, 80], которая может и не осуществиться.

Допущение возможности Бога не быть приводит к освобождению Бога от необходимости быть, его случайности, т. е. упразднению понятия Бога и неоправданному стремлению сохранить его имя. Представление об имманентном, нуждающемся в человеке Боге приведет к исключению Бога из имманенции, к признанию его тем, что противостоит сакральному. Для Батая Бог окажется антисакральным, ибо своей дискретностью он противостоит сакральному как непрерывности [12,

594]. Батая волнует «религия вообще» [12, 508], т. е. сакральная тотальность без Бога. Но каковы последствия этой стратегии редукции Бога, без-божия?

Отсутствие Бога ставит под вопрос саму возможность антропологического феномена. Бог как трансценденция — это есть «выступ» из природной детерминированности, это обозначение того разрыва мира, в котором может возникнуть человек. Без этого разрыва человек превращается в элемент наличного, т. е. в производное от целого. В европейской философии эту функцию стало выполнять ничто. Хайдеггер в других своих работах будет говорить о трансцендировании в ничто. Но как возможно говорить о трансцендировании без трансцендентного?

Ничто и Бог — не одно и то же. В смысле антропологическом важна именно трансценденция, наличие абсолютного трансцендентного единственного центра, который своей трансцендентной силой, абсолютностью и единственностью давал бы возможность удержать антропологической хаос в форме того, что мы называем человек, т. е. в форме сознания. Сознание — это всегда противоположность хаосу состояний, это результат самоупорядочивания антропологического хаоса. Порядок возможен только благодаря тому, что может положить начало этому порядку. Но что может упорядочить хаос? Как возможно начало начал? Должен быть какой-то первичный запрет, который бы своим длением заставил хаотичное выстроиться в порядок. Этот первичный запрет принципиально единствен, ибо множественность сохраняет хаос. Поэтому не понятно, как можно говорить об антропологических структурах в терминах бинаризов, как это делает Леви-Стросс. Что может положить начало противоположениям? Что лежит в основании «ствола» того дерева, которое выстраивается бинаризмами? Как система, сочетающая различные логики классификаций, может удерживаться? Дюркгейм определяет религию как «более или менее единую систему», не сводимую к единственному принципу или идее. Религия, скажет он, «это целое, образованное из разнообразных и относительно индивидуализированных частей», наделенных «известной автономией». Случается, скажет он, что эти части «просто соседствуют или образуют конфедерацию» [13, 222—223]. Здесь вызывает вопросы не только возможность мыслить Христа, Деву Марию, ангелов и святых как совокупность локальных культов, как это делает Дюркгейм, но и фундамент такой «конфедеративной» религии. Как возможно ее построение и удержание? Дюркгейм сам проговаривается, что, теряя связь с целостностью религии, частный «культ» может продолжить свое существование в фольклоре, «отдельном обряде», «церемонии», т. е., изживая свою суть. Части сами по себе в отрыве от системы лише-

ны своего смысла. Но что даст систему и ее единство? На этот вопрос европейская традиция, редуцирующая фигуру Бога, не дает ответа. Кроме того, отсутствие абсолютного центра является проблемой для использования оппозиции «сакральное — профанное». Само противопоставление сфер нуждается в том, что бы учредило их разделение, и этот центральный вопрос о начале разрешается, разве что у Элиаде, оперирующего термином «иерофания».

Первичный единственный запрет дает возможность появиться сложнейшей утонченной структуре, но его внеположенное ряду начало всегда будет единственным. Как поразительно и ясно об этом говорит библейская традиция, начинающая с заповеди заповедей о единстве Бога: «Я Господь, Бог твой... Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» (Исх. 20: 2—3). Почему, хочется задаться вопросом, первой заповедью является не более понятное «не убивай», «не кради», а столь абстрактное «Бог един»? Потому что эта заповедь есть условие всех остальных заповедей, в этом смысле она есть заповедь заповедей, то, что позволяет им появиться, то, что дает им почву, основание. Как пифагорейская единица есть число чисел, которое позволяет появиться числовому ряду. Как первичные абсолютные запреты в других традициях. Например, в буддизме, начинающемся с положения «все есть страдание». Или в исламе, принятие которого начинается со свидетельства о том, что нет Бога, кроме Аллаха.

Эта внеположенная «единица», этот центр, дабы иметь силу удерживать собой «вечно шевелящийся» хаос, должен быть абсолютным и иметь силу трансценденции, силу обязательности и внеположенности. Силу того, что существует по принципу «так и никак иначе» и именуется сегодня отчего-то фашизмом. В этом его воинственный характер, который следует читать не превратно, как это дается в терминах «фашизм», «сталинизм», «террор» и т. п. в смысле внешней агрессии, но в смысле избавления его от характера относительности. Относительное — это явление хаоса. Абсолютное — это условие порядка, та внутренняя скрепа, которая его охраняет от ситуативности, природа его самого.

Тема первичного запрета с поразительной настойчивостью будет возникать у лучших умов Европы. И у Фрейда. И у Батая. И у теоретиков тотемизма. И у Фуко, который скажет, что человек вообще начинается с линии непреодолимого. Какая-то мощная интуиция будет не давать покоя тем, кто соприкоснулся с религиозными и антропологическими феноменами на их стыке. Но главным здесь является вопрос о природе этого запрета. Чтобы иметь силу, запрет должен быть внутренним. Он должен быть само-запретом, нарушение которого ведет к

само-наказанию. Как приводит примеры Фрейд, человек первобытных обществ, нарушивший табу, ложится и умирает не от наказания, но от самонаказания, от того, что сделало его бытие невозможным. Этот интимный характер запрета как внутренний источник структуры сознания представлен в фигуре Бога, или, проще, тотема.

Теоретики тотемизма ведут споры о природе тотемов. И палитра взглядов здесь простирается от чистого натурализма до чистого мистицизма. Почему тотем является именно таким и никаким другим? Почему, например, это заяц или медведь? Или, как заметит Леви-Строс, столь причудливые, как в Австралии, — смех, различные болезни, рвота? Выбор тотема — вопрос случая, сходства или пользы? Или это вопрос веры в Бога, самого себя презентующего? Целая традиция посвящена ответу на этот вопрос. Фортес, например, скажет, что животное избирается в качестве тотема потому, что оно агрессивно и может удачно символизировать агрессивные отношения предка к человеку. Фирт объяснит то же явление верованием, согласно которому божество дает знать о своих намерениях, следовательно, для олицетворения такого божества подойдут более животные, способные двигаться, нежели растения. Леви-Стросс ставит под сомнение утилитарную точку зрения на появление тотемов и выступает против произвольности выбора тотемов. Скорее он поддерживает линию Фортеса и Фирта, в основе которой лежит идея сходства, однако указывает на ее ограниченность. Леви-Стросс видит в Рэдклифе-Брауне структуралиста, ибо он продемонстрировал, что определенные животные избираются в качестве тотемов не потому, что они «хороши, чтобы кушать», а потому, «что хороши, чтобы думать» [14, 197]. Животные позволяют мышлению обнаружить связи и оппозиции, например, тотемическая пара «пищуха — летучая мышь» обнаруживает оппозицию дня и ночи. Сам Рэдклиф-Браун критикует Дюркгейма за его теорию, согласно которой животные и растения избираются в качестве эмблем социальных групп, потому что наиболее к этому подходят. Рэдклиф-Браун считает это объяснение неудовлетворительным и противоречащим опыту, ибо есть ряд обществ, в котором эмблемы не используются. Он настаивает на первичной важности самих объектов, которые начинают рассматриваться как священные. Животные и растения избираются в качестве объектов ритуала именно в тех обществах, которые обеспечивают свое существование охотой [15, 151]. Бородай полагает, что первобытные люди выбирали волка в качестве тотема потому, что волжак, которому все завидовали и который мешал свободно совокупляться с самками, был похож на волка [16, 166—170]. Если исходить из логики первичного запрета, устрояющего хаос, то ответом на во-

прос о природе тотема или Бога будет — случай, что, однако, не исключает мистического взгляда, признающего божественное провидение, поскольку антропологический дискурс не претендует на теологический «взгляд сверху».

Поиск возможности тотального существования в русской философской традиции будет происходить на принципиально иных основаниях, нежели в европейской. Русская традиция (Ф. Достоевский, В. Соловьев, С. Булгаков, П. Флоренский, С. Франк, А. Мейер и др.) изберет для себя символический и софийный подходы, разрешающие в себе проблемы возможности антропологического феномена, начала и удержания антропологической структуры, ибо центральным для них понятием будет «Бог».

Литература

1. Юм Д. Диалоги о естественной религии. М., 1908.
2. Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.
3. Фейербах Л. Сущность христианства // Фейербах Л. Избр. философск. произвед.: В 2 т. Т. 2. М., 1955.
4. Булгаков С.Н. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения. М., Харьков, 2001.
5. Булгаков С. Карл Маркс как религиозный тип (Его отношение к религии человекобожия Л. Фейербаха) // Булгаков С. Два града: Исслед. о природе общественных идеалов. СПб., 1997.
6. Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гельдерлина. СПб., 2003.
7. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Вопросы философии. 1990. № 7.
8. Гаврюшин Н.К. Мистический неозллизм и идеал «Эстетической церкви»: Ф. Бутервек и Ф. Гельдерлин // Вопросы философии. 2005. № 3.
9. Гаврюшин Н.К. Демифологизация религии и эстетический экumenизм: Я.Ф. Фриз и его школа // Вопросы философии. 2004. № 4.
10. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
11. Мейясу К. Дилемма призрака // Логос. 2013. № 2 (92).
12. Батай Ж. Эротика // Проклятая часть: Сакральная социология. М., 2006.
13. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / Под ред. А.Н. Красниковой. М., 1998.

14. *Леви-Стросс К.* Неприрученная мысль // Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994.

15. *Рэдклифф-Браун А.Р.* Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М., 2001.

16. *Бородай Ю.М.* Эротика — смерть — табу: трагедия человеческого сознания. М., 1996.

V

**АКТУАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ**

С.В. СИНЯКОВ

Проблемы исторической реконструкции

Аннотация. В статье анализируются ценностно-нормативные аспекты исторического познания: проблемы исторической интерпретации, социально-культурной обусловленности и истинности исторического знания, соотношения истории и современности.

Ключевые слова: историческая реконструкция, картина социума, структура исторического исследования, ценности, историческое объяснение.

Abstract. The article is devoted to valuable standard aspects of historical knowledge, problems of historical interpretation, welfare conditionality and validity of historical knowledge, history and present ratio.

Keywords: historical reconstruction, society picture, structure of historical research, values, historical explanation.

История продолжает оставаться мощным социально-культурным и политическим ресурсом, эффективным идеологическим рупором различных общественных сил. Стала ли она в силу этого настоящим мифом, фикцией? Или история остается объективной и беспристрастной наукой? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к особенностям исторической реконструкции, т. е. рассказать о тех трудностях, которые преследуют ученых на пути получения достоверных знаний. Реконструкция исторического прошлого в исторической науке связана с решением ряда методологических проблем, которые предопределены спецификой исторического познания. Главной особенностью процесса исторической реконструкции является непосредственное отсутствие объекта познания. Прошлое — это то, что когда-то было и чего уже нет и никогда не будет. Однако прошлое, чаще всего неполно, сохраняется в исторических источниках и может воспроизводиться в современных результатах общественной деятельности. Но насколько можно доверять историческим источникам? Как историки, так и обычные наблюдатели событий прошлого могут вольно или невольно в силу своих национальных, классовых, политических, идеологических, а также индивидуально-человеческих особенностей искажать прошлое. Существует различие между интересом к истории и знанием истории. Поэтому только профессиональное историческое исследование создает возможности для преодоления недостаточной

источниковедческой, фактической базы и формирования целостного представления о прошлом.

Проблема исторического объяснения является одной из самых актуальных в историческом познании. Рассмотрение этой темы предполагает исследование эпистемологических вопросов, непосредственно связанных с проблемой соотношения истории и современности. С точки зрения такого подхода большой научный интерес представляют такие вопросы, как философско-ценностные основания и картина социума в структуре исторического исследования. Они тесно взаимосвязаны, и их решение позволяет пролить свет на способы и механизмы «современивания» истории, а также ее переписывания и фальсификации.

Целью статьи является выявление зависимости исторической реконструкции от социокультурного контекста, ценностей и целевых установок субъекта исторического познания, политических и идеологических программ современности. Для достижения поставленных задач имеет смысл проанализировать результаты дискуссии, прошедшей в 1960—1970-е гг. в западной философии и методологии истории, и извлечь из нее полезные уроки. Дело в том, что мы и сегодня наткнулись на те же самые проблемы и противоречия, с которыми столкнулась историческая наука еще в середине прошлого столетия.

В западной методологии истории XX в. была предпринята попытка решения указанных вопросов преимущественно в логическом плане. Об этом свидетельствуют работы К. Поппера («Нищета историцизма», «Открытое общество и его враги»), К. Гемпеля («Мотивы и охватывающие законы в историческом объяснении»), Е. Нагеля («Структура науки»), М. Уайта («Основы исторического знания»), Х.Г. Гадамера («Истина и метод») и др. авторов. Данные исследования показывают, что методология в значительной степени осуществляет свое влияние и воздействие на историографию через концептуальный и логический аппарат исследования. Однако многообразие форм историографии порождает и большое многообразие объяснительных приемов, которые невозможно свести к единой логической схеме. К тому же за логическими схемами скрываются старые философские проблемы. Поэтому вопрос ставится прежде всего о выборе способа анализа исторического знания. Некоторые авторы полагали, что необходимо изучать историческую действительность посредством потенциально-бесконечного числа систем познания, поскольку каждая из этих систем раскрывает сущность действительности со своей точки зрения [1, 51; 2, 181]. В методологической литературе шли дискуссии о том, какая форма исторического объяснения предпочтительнее: объяснение через закон

(К. Поппер и К. Гемпель), причинное или функциональное объяснение, или аксиологическое («ценностное») объяснение [3, 231—237]. Описание трудностей исторического объяснения в процессе раскрытия сущности исследуемых исторических объектов содержалось в работе Г. Элтона «Практика истории». «Исследование истории, — писал еще в 1960-е гг. Г. Элтон, — означает поиски истины. Но вопрос о том, существует ли на самом деле такая вещь, как историческая истина, является наиболее дискутируемой проблемой...» [1, 51]. Историк справедливо упрекает философов, далеких от конкретного историографического исследования, которые утверждают, что исторического знания в строгом смысле слова не существует, а также отсутствуют возможности устанавливать истину в истории. Для этого отрицания они приводят два аргумента: 1) «прошлое, будучи мертвым и неспособным к возрождению, не может быть познано в каком-либо разумном смысле»; 2) «влияние историка на его исследуемый материал превращает всю историю в дело личного выбора и интерпретации» [1, 51]. «Оба этих поверхностных аргумента, — продолжает он, — показывают незнание ими принципов историографической практики. И нет ничего удивительного в том, что такие релятивистские, нигилистические взгляды иногда разделяют люди, которых обычно рассматривают как историков» [1, 51].

Несмотря на то, что автор апеллирует к историографической практике, критически анализируя подобные релятивистские оценки исторического знания, нельзя не согласиться с возможностью множества субъективных идеологических и мировоззренческих воздействий на процесс исторического исследования. Постановка проблемы объективности исторического познания является оправданной, так же как и попытки решать ее при помощи анализа логической структуры исторического знания и исследования специфики методологии истории. Интерпретацию последствий социокультурной обусловленности исторического познания невозможно охарактеризовать однозначно, так как она затрагивает широкий круг общих и специальных теоретико-методологических вопросов исторической науки.

Для некоторых исследователей указанной проблемы имелся и более узкий аспект — вопрос о связи между прошлым и настоящим в общественной жизни. Это весьма сложная проблема, так как не всегда легко отделить современные процессы от уже ставших историческими. Давно прошедшее и отжившее может продолжать существовать в настоящем; оно может проникать в настоящее, переходить в него, существовать в нем. По мнению Т. Шидера, прошлое находится в постоянном процессе превращения, конец и начало которого очень трудно

найти. Он поясняет эту мысль следующим образом: «Для социальных наук всякий общественный процесс открыт в будущее, он может постоянно повторяться, его можно как предмет неисторической структуры извлечь из всех временных отношений и изолировать. Претензия на обобщение, содержащаяся в социальных нормах и абстракциях, пытающаяся на основе отдельных фактов устанавливать регулярность, и иногда и закономерности высшего порядка есть преимущественно извлечение из временной структуры, в которой заключен тот или иной социальный феномен» [4, 2]. Надо понимать Т. Шидера так, что «временная структура» содержит в себе как историю, так и современные социальные процессы, что история как наука социальна, а социальные науки историчны. «Во всякой историографии и исторической науке, в их интерпретациях прошлого содержится в какой-то мере взгляд на будущее» [4, 3].

Действительно, влияние современной жизни колоссально, когда речь идет о работе историка. Например, выбор исторической темы и исторических фактов, постановка проблемы во многом субъективны и обусловлены средой и временем, в котором живет историк, его взглядами, мировоззрением, воспитанием, образованием, политическими, экономическими, социальными, религиозными и моральными проблемами современности. Современность находится в непрерывном медленном или быстром изменении, поэтому современность быстро становится прошлым, и в соответствии с этим изменяется также и характер интереса, который историки питают к прошлому. «Вот почему, — писал Э. Сестан, — мы видим из современности прошлое то в одном, то в другом свете (то ярче один цвет, то — другой), видим, как высвечиваются из темноты или погружаются в нее некоторые аспекты этого прошлого, которые считаются второстепенными или вообще не имеющими никакого значения» [5, 6]. Нельзя не согласиться с выводом историка о влиянии политической идеологии на историографическую деятельность ученого. Изменение мировоззрения нередко ведет к пересмотру представлений о прошлом, и некоторые историки предпочитают не считаться с требованиями дистанции между наблюдателем и наблюдаемыми явлениями и их критической оценкой. Актуализацию проблемы соотношения истории и современности вызывают как социально-политические, так и теоретико-познавательные причины. Известный историограф и методолог Г. Хьюз в свое время писал: «Когда-то я думал, что писать и изучать современную историю есть дело не очень респектабельное. Сейчас же мы все принимаем положение Кроче о том, что историческое писание с необходимостью включает современную историю» [6, 89, 94]. Западная методология истории в це-

лом, не принимая тезиса Б. Кроче о том, что «вся история есть современная история», тем не менее уже тогда признала необходимость для историка оправдать социальное назначение своей деятельности, повысить роль истории в системе наук об обществе. Для этого необходимо выработать определенное теоретическое отношение к истории, которое делает недостаточным рассмотрение фактов лишь как эмпирического материала и предполагает осмыслить принцип преемственности в общественной жизни, формы исторической генерализации. На вопрос о том, «в какой мере современность связана с прошлым и как отражается в процессе исследования связь между ними?», западные ученые отвечали по-разному.

Для некоторых стало правилом противопоставление истории и современности, что нашло свое выражение в суждениях о необходимости элиминации влияния современности на историографическую практику [7, 378—386]. Другие пришли к скептическим выводам о возможности объективного познания прошлого и оценки исторических фактов. Ряд ученых не удовлетворяют традиционные для историзма взгляды на соотношение прошлого и настоящего. Они формируют новую концепцию — презентистскую тенденцию — осовременивания истории. Она содержит в себе нигилизм по отношению к познанию прошлого. Это, конечно, не означает полный отказ от изучения прошлого. Сторонники презентистской концепции придерживаются мнения, что изучение прошлого правомерно только в той мере, в какой оно является средством или компонентом в объяснении настоящего или прогнозировании будущего. По мнению А. Стерна, необходимость осовременивания истории была доказана Б. Кроче и особенно таким своеобразным мыслителем, как испанский философ Х. Ортега-и-Гассет. Мы имеем дело здесь с концепцией истории как науки о настоящем. Для Ортеги «прошлое не является абстракцией, инертной вещью, оно живая сила, которое поддерживает настоящее... прошлое не там, оно здесь, во мне самом. Я есть прошлое, то есть прошлое есть моя жизнь. Это совершенно верная истина» [8, 20]. По убеждению сторонников презентистской концепции истории, только современная история дает практическую пользу, и история часто нужна лишь для того, чтобы давать материалы для футурологических выводов. Естественно, эта модернизация сужает предмет и функции истории. Такие историки стремятся только к «выраженной прагматической полезности во всей исследовательской работе...» [9, 262]. Но презентистское толкование современной истории принципиально отличается от статуса научной истории, так как презентизм во многом формируется как следствие неправильного подхода к вопросу об актуальности в исто-

рии и ее социальных функциях. Поэтому презентизм нередко связан с неправомерной модернизацией и конъюнктуризацией исторического прошлого, и, таким образом, он как методология глубоко враждебна задачам исторической науки, которая по своей природе фундаментальна и несет в себе высокий заряд познания.

Следует отметить субъективно-релятивистскую интерпретацию проблемы соотношения истории и современности в дискуссиях того времени. Ее сторонники не разделяли точку зрения презентистов, согласно которой история есть лишь момент в познании явлений настоящего, что она сливается с современностью. Они, напротив, подчеркивали специфику познания объектов прошлого сравнительно с исследованием современных социальных явлений. Анализируя реальные трудности исторического познания, такие, как особенности объекта истории, специфика взаимодействия субъекта и объекта в процессе исследования, ограниченность и неполнота достигнутого знания и др., они релятивистски истолковывают историю, субъективно-презентистски интерпретируют исторический опыт. И это имеет свои основания. Историческое знание субъективно по своей сути, так как история не отделима от самого человека, в отличие от соотношения субъекта и объекта в естественнонаучном познании. Однако историческая наука одновременно способна давать объективную истину, несмотря на то, что историческое познание есть самопознание, а историческая реальность быстро изменяется.

Отмеченные тенденции и особенности в историческом мышлении 1960-х и 1970-х гг. отражали прежде всего действительные трудности познания прошлого, особенности политической ситуации в мире, связи между исторической наукой и современностью в ту эпоху. В немалой степени это было связано со стремлением деполитизировать историю, освободить историческую науку от идеологии. Люди нередко начинают, исходя из своих идеологических представлений, искать в прошлом то, чего в нем нет. Отсюда следует специфическая задача освобождения истории от прошлого. Известный историк Г. Баттерфильд посвятил этому вопросу специальную работу «История как освобождение от прошлого», в которой он отмечает, что современное человечество «слишком романтично или суеверно в отношении прошлого». Это объясняется тем, что «мы сами должны почувствовать отрезок времени, который, с одной стороны, так подвижен и неизведан, с другой — так безжалостен и необратим» [10, 3]. Справедливо борясь с абсолютизацией прошлого, а также с презентизмом в историографии, стремлением поставить историю на службу определенным политическим целям, Г. Баттерфильд пишет: «Ришелье, Наполеон, Ленин — люди, из-

менившие или свергнувшие status quo, признавали, что история дает им важнейшие средства борьбы. Даже в настоящее время никто так не оказывает сильного давления на историю, как революционеры; возможно, в некоторых отношениях они превосходят всех остальных в научных попытках вернуть прошлое в качестве их союзника и их раба» [10, 16]. Но можно ли считать задачу быть средством борьбы для исторической науки ее социальной функцией? Очевидно нет.

Из всех образов истории именно националистические наиболее сильны и наиболее распространены и поэтому наиболее вредны. Национальные ограничения исторического знания далеко выходят за рамки удобных, но вводящих читателей в заблуждение картин истории. Узость национализма или расизма, ксенофобии широко известна, и подавляющее большинство историков остерегаются их. Но одновременно существует и другое ограничение — ограниченность во времени, которая менее осознается и более неуязвима. Существование временных границ объективно ведет к модернизации истории. И историки с трудом борются с этой особенностью исторического познания. Г.С. Коммейджер описывает этот недостаток таким образом: «Мы имеем обыкновение рассматривать прошлое нашими собственными глазами, оценивать все на основе наших собственных стандартов, пересказывать все нашими собственными словами или наоборот передавать языком прошлого наше собственное мнение, принимая все, что бы не случилось в том или ином прошлом, забывая, что прошлое когда-то было настоящим» [11, 46].

Действительно, временная ограниченность откладывает серьезный отпечаток на историческое познание, так как мы можем говорить о прошлом только собственным языком, осмысливать прошлое лишь при помощи своего аппарата мышления. Поскольку мы существуем в настоящем, наши слова и мысли не могут не быть современными. «Было бы большой ошибкой, — подчеркивает Г.С. Коммейджер, — игнорировать возможности настоящего и увести себя в сумерки прошлого. Мы не можем оказаться в шкуре Кира, Брутта, Жанны д'Арк или индейского вождя Понтиака. И, хотя наша историческая совесть требует от нас сделать это, и иногда, создавая великие истории и монументальные биографии, нам удается сделать такую попытку, она не всегда является неудачной» [11, 46].

Однако трудности и проблемы модернизации истории намного глубже. Это означает, что мы почти инстинктивно полагаем, что прошлое было создано только для нас, для того, чтобы обслуживать наши текущие интересы и оно имеет значение только в тех случаях, когда оно выгодно нам. «Как легко мы можем впасть в распространенную

ошибку, полагая, что средневековые люди были средневековыми в своей собственной оценке, или что человек эпохи Возрождения не оправдал бы наших надежд, если бы не дошел до нашего понимания, каким ему следует быть, или что английские колонисты, первыми вышедшие на американский материк, знали, что они были предками американцев» [11, 47]. Трудно не согласиться с американским историком в том, что прошлое было также действительно для тех, кто жил в нем, как настоящее для нас, и что люди прошлого жили не для наших наставлений, также точно как и мы живем не для наставлений будущих поколений. Но существует еще одна опасность модернизации, которую в ряде случаев невозможно избежать, но от которой мы тоже должны оберегать себя. Этой опасностью является знание свершившегося факта. Речь идет о том, что мы изучаем историю ретроспективно, мы уже знаем, чем закончились те или иные процессы, что случилось в истории и не можем взглянуть на историю глазами простака. «Мы знаем, — пишет Г.С. Коммейджер, — что афинская экспедиция в Сиракузы должна провалиться, что Рим покорит Карфаген и Римская Республика станет Империей, что мусульмане будут вытеснены из Западной Европы, что наступит триумф Христианства, и что Англия победит в борьбе за американский континент, и что ничто иное как казалось бы неясная точка зрения Вашингтона приведет его истрепанные армии Йорктаунс к победе...» [11, 47].

Наша неспособность отделить себя от знания того, что стало потом, приводит к тому, что наш взгляд на прошлое является астигматическим. Мы неизбежно отнесем к прошлому известное заблуждение «*a post hoc propter hoc*», зная, чем закончился процесс, мы будем уверены в его причинах. «Так, в Риме, готовом пасть под ударами варваров, — подчеркивает Г.С. Коммейджер, — мы найдем объяснение этого падения в развратной, распущенной жизни общества; или когда Британия оказалась перед роком потери американских колоний, мы благосклонно примем концепцию Тома Пейна, что абсурдно, когда континент принадлежит острову; так, зная, что Конфедерация предопределена к поражению, мы очевидно найдем причины этого поражения» [11, 47].

Но если мы согласимся с такой точкой зрения, то окажемся неспособными к пониманию истории с ее собственных позиций. Давид Дональд сказал по этому поводу: «Историки — гражданские лица, сопровождающие победоносные армии». Зная, какая сторона победит, они инстинктивно связывают себя с побеждающей стороной и «находят все для объяснения этого триумфа, одновременно игнорируя противоположные события» [11, 47]. Поэтому нет ничего более ошибочного в исторических исследованиях, чем отсутствие сомнений, знания об аль-

тернативах в истории. Мы полагаем что, чтобы ни случилось в истории, неизбежно должно было случиться как желание Бога, действие эволюции или сил прогресса. «Мы все находимся в положении читателя волшебных рассказов, — пишет Г.С. Коммейджер, — который читает последнюю главу первой. И мы должны помнить, что мы не знаем, куда наша собственная история нас приведет, так же как не знали этого и предыдущие поколения людей» [11, 47].

Как известно, ход истории не предопределен, концепция исторического развития, построенная на идеях общественного детерминизма и программирования, уже давно ушла в прошлое. Позитивистские и марксистские теории существования общественных законов подобно природным оказались несостоятельными. В том случае, если бы мы признали возможность сведения человеческих деяний в истории к действию законов, так называемой «земной механике», то моральный контроль над тем, что произошло, был бы бессмысленным. Если бы люди теоретически открыли законы исторического развития, то оказались бы в плену своей собственной судьбы и были бы бессильны изменить ее. Прошлое, настоящее и будущее были бы нам не подвластны и стояли бы за пределами нашего выбора и воли. «Мужчины и женщины были бы прикованы к своим судьбам, как звезды и морские приливы и отливы к своему определенному режиму» [12, 14]. Но, насколько нам известно, ход истории не предопределен, и жизнь всегда была такой, как она есть и сейчас: «шум сделок и баталий». Поэтому интеллектуальный призыв понять прошлое не менее непреодолимый, чем понять настоящее и будущее. Тем не менее, по мнению Г.С. Коммейджера, здесь есть одно здоровое отличие: «Если мы понимаем настоящее, мы можем управлять им, но нет способа управлять прошлым» [11, 48].

Мы описали некоторые тенденции в западной исторической мысли второй половины XX столетия. Заметной целью историографии того времени становится познание прошлого через внутренний мир человека, его отношение к обществу, самому себе, а не наложение категориальных схем и глобальных структур на исторический процесс. Также были достигнуты успехи в процессе изучения истории повседневности и психоистории, созданы работы по методологии и теории исторического познания. Следует отметить растущий интерес к теоретико-методологическим проблемам исторической науки, что являлось закономерным в условиях того переломного этапа развития общества, идеологического противостояния различных школ и ориентаций ученых (марксизм, позитивизм, неокантианство, герменевтика и др.). Внимание историков привлекла методология не только как система методов, но и как технология исследования, несущая на себе отпечаток личнос-

ти исследователя. «Историк, — писала В. Веджвуд, — должен быть скромнейшим человеком; он встречается дюжину раз в день с очевидностью своего собственного невежества, он бесконечно стоит лицом к лицу со своим собственным унижением, неспособностью выразить свой материал правильно; он находится в ощущениях того, что другие историки могут не находиться в зависимости от этого материала» [11, 43]. Большинство историков-фальсификаторов, читая это высказывание, скорее всего, согласятся с этим. Они прекрасно осознают пределы своих возможностей и представляют помехи, которые затрудняют их работу, а также искушения и опасности, которым они подвержены. Но читатели их книжек, изложение материалов в которых их полностью устраивает, предпочитают смотреть сквозь пальцы на эти пределы. А многие такие историки даже не способны к интерпретации трудностей, присущих их работе. В действительности, история более хаотична и беспорядочна, чем это представляется обывателю. Для большинства любителей она проста и откровенна, стоит только собрать факты и расставить их в некотором благоразумном порядке. Известный историк Г. Адамс еще в 1918 г. сделал интересное высказывание по этому поводу, ставшее теперь уже классическим. Он опубликовал дюжину томов по истории Америки, отмечая, что делает это не только для того, чтобы его работа отвечала строжайшим принципам исследования, стремясь к минимуму комментариев, а для того, чтобы удовлетворить читателей. Ему казалось, что выстроенные им в определенном порядке факты верны, что он останавливает свое внимание на знакомых моментах необходимой последовательности событий развития общества. Но в результате, как признался он, была неудача. «Там, где он видел последовательность, другие видели что-то совершенно другое и ни один исследователь не использовал одну и ту же единицу измерения» [11, 44]. Поэтому он прекратил заниматься историей и попытался доказать, может, и не совсем удачно, что девять страниц его романа «Эсфирь» были ценнее, чем девять томов его истории. Потомки, возможно, не согласятся с его вердиктом, но это уже совсем другое дело.

Что же представляют собой те ограничения в рамках познания истории, которые так обескураживали историков?

Во-первых, существует недостаток исторического материала, и многое зависит от случайности. Если химик или биолог может найти материал, необходимый для эксперимента, то историк нередко работает со случайно попавшими в руки материалами. Историку позволено знать лишь малую часть того, что происходило в истории, и то это может быть случайно или выборочно попавшим к нему материалом. «То, что мы можем видеть в истории, — подчеркивает Коммейджер, — на-

много меньше той части айсберга, которую мы можем видеть на поверхности» [11, 44]. Большая часть истории потеряна для нас уже потому, что она никогда не была собрана или была уничтожена эрозией времени, огнем и водой. Она может быть потеряна уже потому, что была умышленно уничтожена. И мы не можем знать, что то, что доходит до нас из прошедшей истории, является наиболее важным или полным рассказом о произошедшем.

Другой трудностью исторического исследования, приводящей к искажениям прошлого, является искажение исторических источников, летописей, свидетельств. Мы хорошо изучили историю европейских народов, потому что эти страницы прошлого были нам доступны и потому, что по этому периоду сохранилось множество исторических источников. Мы пишем историю Европы так, будто бы это есть история, включающая все прошлое. Но это не значит, что летописи и источники неевропейских народов полностью потеряны или не существенны, если речь идет об Африке, Карфагене или доколумбовой Америке. Но даже там, где такие источники существуют, например, по истории Китая или Индии, европоориентированные историки игнорируют их. Ученые позволяют себе сделать универсальные обобщения и широкие формулировки на основе выборочного подхода, анализа только фрагментов прошлого и произвольных событий. Сама наша уверенность в том, что история основывается, как правило, на письменных источниках, может привести нас к заблуждению и поставить в тупик. Отсюда следует неизбежный вывод, что мы преувеличиваем роль написанных текстов и тех людей, кто делал такие записи, игнорируя тех людей, которые не писали их, и те летописи, которые прерывисты и хаотичны. Даже при описании наиболее известных событий составители летописей вносили искажения такого рода: «рабовладельцы были грамотны и говорили членораздельно; негры-рабы — безграмотны и говорили нечленораздельно, принимая рабовладельческую версию рабства и считая ее историей пришлого» [11, 45].

Большинство европейских историков имеет неосознанное предубеждение в пользу литературной истории Западной Европы, игнорируя другие регионы, или принимает сторону иудеев в их борьбе против Вавилонии, сторону греков в их противостоянии Персии, сторону римлян, воюющих с варварами. Еще одним моментом искажения истории является обольщение эффективным зрелищем, драматизмом, странным, катастрофами в истории, захватывающих летописцев и историков. Так было всегда, пишет Коммейджер, и так продолжает оставаться сегодня, о чем можно узнать, прочитав любую ежедневную газету. «Историка привлекает то же самое: драматическое, необычное,

романтическое; он пишет анналы о богатом и великом, а не о бедном, которое, как мы знаем, просто и коротко» [11, 45]. Отсюда следует и распространенное заблуждение, что и сама история подобно летописям о ней драматична и удивительна. В действительности, большая часть истории рутинна, скучна и неинтересна, и все люди понемногу делают ее: «рабы также как и хозяева, островитяне южных морей также как и парижане» [11, 45]. Читатели исторических книг, наоборот, уверены в том, что великие государственные деятели и полководцы делают историю, или определенные народы в определенное время — афиняне в V в. до н. э., французы во время своих великих революций и т. д. Но это означает лишь одно, пишет Коммейджер, что «люди, делающие определенную сферу или фрагмент истории, обращаются к нам, и мы пишем о них в истории» [11, 46]. «Подобное соединение, как и очарование драматизмом, напоминает короткое время близости» [11, 46], — подчеркивает историк. Опасность для историка представляет знакомая хронология истории, привычка делить историю на определенные периоды «с наклейками — “древняя”, “средневековая”, “современная” или разделение американской истории на колониальный период, революцию, средний период и т. д.» [11, 46]. Мы так привыкаем к подобной периодизации прошлого, что нередко забываем о том, что это не объективные фазы истории, а наши модели прошлого. «Есть еще более утонченное разделение, которое является еще более искусственным: привычка вписывать историю в смиренную рубашку монархической или президентской моделей» [11, 46]. Таким образом, мы пишем: эпоха Людовика XIV или Наполеона, эпоха Джефферсона или эпоха Франклина Рузвельта [11, 46].

Глобализация исторического развития актуализирует выделение ключевых эпох и периодов в развитии социума и вынуждает историков принимать определенные исследовательские парадигмы, чтобы успешно решать стоящие перед ними задачи. Заметно меняется и сам образ мышления историка: его усилия должны быть направлены на выявление внутренней противоречивости исторического источника, содержащей элементы проекций скрытых смыслов. Многочисленные исследования, осуществляемые на макроуровне, сменяются поколением мультипликационных разработок, выполняемых на микроуровне, а сама история представляется набором рассказов и интерпретаций. Отсюда и желание историков использовать инновационные методы исследования, такие как психоисторические, лингвистические, методологии, компаративный подход, используемые на уровне микроисторического анализа.

В последней четверти XX в. в историографии возобладало ироническое отношение к проблеме смысла истории. В результате большие исторические схемы как формы раскрытия логической ипостаси исторической истины были дискредитированы. В 2000 г. на XIX Всемирном конгрессе историков в Осло в докладах П. Сида и К. Лойда было предложено отказаться от старых картин истории, перейти от политической и социальной истории к историческим описаниям человеческого мира во всей его сложности. Немного позднее, даже в рамках концепции глобальной истории, возникло понимание того, что представление об истории в целом формируется при помощи локальных культурных призм, которые создают множество изображений, отражающих разнообразие мировых культур.

Таким образом, можно констатировать, что историческая картина мира является проекцией социокультурных факторов на сферу исторического познания. Она воплощает миропонимание и служит регулятором познавательной деятельности историков. Историческая картина мира является своего рода мостом, который связывает историческую науку с обществом и культурой. В историческую картину мира входит не только современная реальность, в которой действует субъект. В ней отражен и в нее включен сам познающий и действующий субъект, с присущими ему целями, мотивами, возможностями. Историческая картина мира представляет собой существенный элемент системы современных социокультурных влияний и импульсов, являясь важнейшей составляющей современности. Понятие современности значительно шире понятия исторической картины мира: в него включаются познавательные идеалы исследования, нравственные, правовые культурные и художественные ориентиры, методологические и мировоззренческие установки, понятийный аппарат, социально-психологические элементы, религиозные чувства и проч. Таковыми могут быть каналы, по которым культурные ресурсы современности проникают в самые глубинные пласты реконструируемого исторического прошлого. Социокультурный потенциал современности программирует историческое сознание и познание на всех этапах научной работы историка: начиная с выдвижения гипотез и заканчивая концептуальной реконструкцией прошлого. Это становится возможным потому, что помимо концептуальных предпосылок, выработанных комплексом социогуманитарных наук и полученных в результате изучения человека, общества и истории в целом, в историческую картину мира вводится обобщенная характеристика исследуемого периода истории. Последняя складывается из представлений о характерных свойствах

исторического периода, который изучается, и даже конкретно-исторической ситуации, которая является предметом анализа.

Изменившаяся историческая картина активно воздействует на сознание историков, актуализирует их интерес к новым объектам истории. В этом обстоятельстве прослеживается давно известная историкам истина: прошлое познается только на основе настоящего и с помощью настоящего. Историк всегда смотрит на прошлое через призму настоящего, а этим настоящим является, прежде всего, современная картина социума. В пользу этого тезиса свидетельствуют многочисленные историографические факты, особенно когда они касаются проблем политической истории. Объединенная Европа сформировала новые представления о своем прошлом. Европейским историкам, например, удалось в XX в. написать такую историю Ватерлоо (1815), которая устраивала как французов, так англичан и немцев. Но за людьми прошлого — эпохи наполеоновских войн — оставили право быть не такими, как мы. История до сих пор еще очень популярна, и поэтому необходимо бороться с историческими стереотипами.

В этом году будет отмечаться печальный 100-летний юбилей начала Первой мировой войны — этого апофеоза глупости и бессмысленности. Многие читатели не знают, что было за чем и кто виноват в начале войны. Понимания истории нет даже у людей, которые ею профессионально занимаются. Можно отметить расчетливую осторожность европейских и американских историков в отношении к этому событию. Большинство специалистов понимают, что здесь не идет речь о победе добра над злом, что в 1914—1918 гг. имели место более сложные процессы. Совсем другая ситуация наблюдается сегодня в украинской исторической науке, где не было и нет консенсуса среди ученых. Политические интересы, мировоззренческие ценности, идеологические противоречия, социально-религиозные конфликты современности обуславливают формирование различных концепции истории Украины. В основе двух основных интерпретаций исторического прошлого Украины (пророссийской, просоветской и антироссийской, антисоветской) лежат как глубинные цивилизационные разломы в ее прошлом, так и опыт современной политической борьбы. Связь между написанной украинской историей и современностью отслеживается И.В. Назаровым, когда он стремится проанализировать и понять логику многомерных исторических процессов на Украине на основе цивилизационного подхода, а также исходя из религиозного критерия. Таким образом, как он сам считает, удастся «отыскать “духовный” ключ к объяснению явлений, казалось бы, алогичных с точки зрения экономической эффективности и политической целесообразности» [13, 235].

Включение метафизических факторов цивилизационного развития в анализ украинско-российских отношений позволяет понять, что обеспечивало единство наших народов, несмотря на измены со стороны властей предержавших.

При написании исторических трудов недопустимы чрезмерная модернизация и политизация исторических знаний; исторические исследования должны отвечать требованиям научной объективности и базироваться на многовариантной методологической основе. Интерпретация исторического материала не должна быть поверхностной, учитывая только феноменальный уровень истории. Философский анализ должен идти дальше и глубже, проникать в сущность исторических процессов, в дух народов и наций. Философия истории, в отличие от исторической науки, дает не фактическое историческое знание, а сверхисторическое ноуменальное знание. Метафизическое постижение исторического прошлого позволяет проникнуть в логику исторического процесса, исследовать глубинные истоки развития цивилизации. История — это не только объективная эмпирическая реальность, бывшая когда-то, история — еще и идеальная, субъективно-объективная реальность. Российская история в это плане представляет несомненно величайший интерес; ее изучение дает возможность раскрыть все преимущества метафизического подхода. В истории России отсутствовали жесткие базисные структуры, и она в культурном отношении была открыта и Европе, и Азии. Русские были разобщены и разбросаны на огромной территории евразийского континента, поэтому выжить и сохранить национальную идентичность помогал метафизический фактор — российская имперскость. Империя, понимаемая в первую очередь в социальном, а не в политическом аспекте, способствовала реализации исторических шансов и возможностей народа. Несмотря на то, что дух народа является историческим понятием, которое нельзя выхватывать из определенного фрагмента социума и навязывать в качестве универсального принципа нации, делать национальной идеей, ему присущи метафизические, объективные характеристики. Именно на них обращает внимание Ю.М. Осипов, прогнозируя будущее страны. «Не будучи сегодня одним из двух самых могущественных игроков на мировой арене, как это было совсем недавно в случае с СССР и США, Россия тем не менее является не просто заметным, но одним из решающих игроков, а ежели оторваться на мгновение от внешней феноменальности и погрузиться в метафизическое мировое начало, то, возможно, и... самым решающим... в плане, конечно, исторической эсхатологической перспективы» [14, 32]. Россияне — государственный народ; идея государства заменяла ему в истории идею нации, а нацио-

нальную идентичность дополняла российская имперскость. И пока не будет выработана и реализована адекватная этим особенностям политическая доктрина и иная организация взаимодействия народа и власти, учитывающая историко-культурные и общественно-политические традиции России, трудно ожидать перемен.

Поднятые в нашем исследовании проблемы показывают все трудности и противоречия процесса исторической реконструкции, опасности, которые подстерегают ученых при изучении прошлого. Их осознание не только профессиональными историками, но и другими представителями комплекса социально-гуманитарных наук, создают хорошую основу для осуществления совместных методологических разработок при помощи философии истории, историографии и опыта конкретных исторических исследований.

Литература

1. *Elton G.* The Practice of History. L., 1967.
2. *Myers H.* Systematic Pluralism. Ithaca, 1995.
3. *Mandelbaum M.* Historical Explanation: the Problem of «Covering Laws» // History and Theory. 1961. Vol. 1. No. 3.
4. *Шидер Т.* Различия между историческим методом и методом социальных наук. М., 1970.
5. *Сестан Э.* История событий и история структур. М., 1970.
6. *Hughes H.S.* History as Art and as Science. N. Y.; Evanston, L., 1964.
7. *Dozer D.* History as Force // Pacific Historical Review. 1965. Vol. 34. No. 4.
8. *Stern A.* Philosophy of History and the Problem of Values. Mouton-s-Gravenhage, 1962.
9. *Tinder G.* The Necessity of Historicism // The American Political Science Review. 1961. No. 3.
10. *Butterfield H.* History as the Emancipation from the Past. L., 1956.
11. *Commager H.S.* Nature and Study of History. Columbus, Ohio, 1966.
12. *Beard C.A., Smith G.H.E.* The Open Door at Home. N. Y., 1965.
13. *Назаров И.В.* Украинско-российские отношения в контексте становления и кризиса восточнославянской православной цивилизации // Философия хозяйства. 2013. № 5.
14. *Осинов Ю.М.* Уроки Макиавелли — уроки для всех: заблудших и правителей, разуверившихся народов, запутавшихся мудрецов // Философия хозяйства. 2013. № 2.

Г.Р. НАУМОВА

Василий Никитович Татищев из рода Рюриковичей

Аннотация. В статье содержится очерк жизни и деятельности русского историка, мыслителя, государственного деятеля XVIII в. В.Н. Татищева. Особое внимание уделяется его практической деятельности по управлению и обустройству Урала и Сибири, взаимоотношениям русской администрации с местными народами.

Ключевые слова: В.Н. Татищев, Россия, русский народ, строительство империи, государственность, Петр I, Урал, Сибирь, евразийство, концепция учебника истории.

Abstract. The article is an essay on the life and work of the Russian historian, thinker, a statesman of the 18th century, V.N. Tatischev. Special attention is paid to practical activity on management and development of the Urals and Siberia, the Russian administration relations with the local people.

Keywords: V. Tatischev, Russia, Russian people, empire building, nationhood, Peter I, Urals, Siberia, Eurasianism, the concept of history.

Евразийство опять в моде, или снова в моде, или просто в моде. Природа этого коренится, очевидно, в актуальной политике. Воскресли и одновременно обратились вспять многие идеи старых, новых и «последних» евразийцев. «Последних» в кавычках, ибо евразийство будет существовать, доколь будет существовать географическая Евразия и здравствовать пространственное тело России. Ибо строго географически и исторически Евразия — это не только Россия. В этом контексте пространственно-этнические, этно-политические суждения многих и многих евразийцев будут востребованы. Но Россию из Евразии все же придется выделять, коль скоро речь будет идти об истории.

Очевидно, что на современные отечественные подходы к евразийству сильное влияние оказал Л.В. Гумилев, одаренный сын двух поэтических стихий. Также очевидно, что евразийские идеи на современном историографическом этапе сильно и не очень пластично воздействовали на *«Концепцию нового учебно-методического комплекса по отечественной истории»*. Особенно заметно влияние теории, точнее, гипотезы историка Г.В. Вернадского, основоположника одного из течений в современном зарубежном россиеведении. Размышляя над «начертанием русской истории», он предлагает следующую схему периодической ритмичности государственно-образующего процесса на пространствах Евразии.

«I а) Единая государственность (Скифская держава), б) Система государств (Сарматы, Готы);

II а) Единая государственность (Гуннская империя), б) Система государств (Авары, Хазары, Камские болгары, Русь, Печенеги, Половцы);

III а) Единая государственность (Монгольская империя), б) Система государств — первая ступень распада Монгольской державы (Золотая Орда, Джагатай, Персия, Китай), в) Система государств — вторая ступень распада Монгольской державы (Литва, Русь, Казань, Киргизы, Узбеки, Ойраты, Монголы);

IV а) Единая государственность (Российская империя, Союз Советских Республик...?)» [1, 105].

И многозначие, и вопрос указывают на гипотетичность и неопределенность предложенной схемы. Бросается в глаза и явное противоречие между заявлением о размышлениях над «начертанием русской истории» и последовавшим исчезновением в предложенной схеме собственно России и русской истории как таковой. Можно даже подумать, что Вернадский видит источник могущества России в Монгольской державе и Золотой Орде. Особенно интересным оказывается рубеж между Русью и Российской империей.

Теперь по существу заявленной темы. Пространство России складывалось не сразу и не благодушно мирно. Народ и созданное его усилиями государство, то, которое И.Л. Солоневич метко назвал «Народной монархией», долго и трудно вдвигались в это, столь, по разным причинам, любое сегодня многим географическое и государственное тело. Появился даже специальный термин, отчуждающий это самое пространство от народа и его монархии, — «территория», или более мягкий, содержащий некий расчленительный потенциал, «регион».

Возникает естественный вопрос: куда прорывались это государство и этот народ? Вопрос риторический, ибо давно известно, что «суша» рвалась к морям, реки подсказывали направление, люди реализовывали свои хозяйственные, исторические, духовно-нравственные замыслы. А возможно, и не свои. При этом ориентировались на простые рекомендации предков: «ни от какого положенного на них дела не отрицаться, и ни на что самим не называться». Петр Великий самолично стал решать главную для его времени государственную задачу — утверждение русской власти на берегах Балтийского моря. И в одночасье по новому воинскому уставу все стали «солдатами»: «имя *солдат* просто содержало в себе всех людей, которые в войске суть, от высшего генерала даже до последнего мушкетера, конного и пешего». Исто-

рическое пространство России завершалось оформлением «от моря до моря».

Солдатом войска Петрова стал и первый историк Империи Российской, географ, администратор Василий Никитович Татищев. Именно администратор Татищев пестовал Татищева географа, историка, экономиста. Обустройство Урала, Сибири, Оренбуржья, Поволжья, тесное, не всегда мирное, соприкосновение со степными народами и кочевьями формировали его интерес к истории и географии государства Российского.

Административная деятельность Василия Никитовича началась в 1719 г. на Урале и в Сибири, где он занимался улучшением уже действовавших уральских казенных заводов и строительством новых. Дело оказалось непростым. Татищев столкнулся с двумя основными проблемами.

Во-первых, со злоупотреблениями частных заводчиков, имевших значительные льготы для занятий промышленностью — и в отношении источников сырья, и в обеспечения своих заводов рабочими руками, но при этом стремившихся расширить свой промысел за счет утеснения казенных производств. Главным оппонентом Татищева стал Акинфий Демидов, которому в руки в 1702 г. государство передало построенный в 1699 г. Невьянский завод.

Вторая проблема коренилась в позиции кочевого населения, активно препятствовавшего промысловому освоению района. Башкиры и татары убивали рудоискателей, а в «лучшем» случае сжигали заводские постройки и жилье. Историк пишет: «Между запущенными находился Полевский медный, в котором руда добывалась с 1702 года; но в 1718 году 10 июня Башкирцы, Чубарь-Балагушев с товарищи, собрался многолюдством, все строения на тех рудниках выжгли, работных людей согнали и впредь промышлять запретили» [2, 35].

Несмотря на все усилия администрации Сибири (а Уральский край тогда административно числился за Сибирью, которую называли золотым дном России), казахи (киргиз-кайсаки), татары и башкиры (башкирцы) продолжали грабить и жечь пограничные селения и заводы. Татищев много размышлял и писал о неудовлетворительном состоянии областного управления краем.

В 1723 г. Татищев на время покинул Сибирь и по поручению Петра отправился по разным делам в Европу, но в первую очередь в Швецию, чтобы привезти в Россию грамотных мастеровых. Дело было непростым, ибо требовало средств. Шведское правительство неохотно передавало русским людям знания и опыт, которые могли служить увеличению материальных сил России. По образному выражению Та-

тищева, «таких дел трубкою табака не сделаешь». Василий Никитович обратил внимание на то, какое прилежание имеют к наукам, не жалея средств, европейские государства, в сущности «такие малые и убогие против России».

Вернувшись в Россию после смерти Петра, Татищев пытался обратиться к своим уральским занятиям, но был направлен на монетную службу и перебрался из Петербурга в Москву. Случилось это в 1727 г. Дата важная, ибо в Москве он вновь приступил к занятиям историей. Несколько лет прошло в трудах и дворцовых интригах. В 1730 г. Татищев поучаствовал в коронации Анны Иоанновны в роли оберцеремониймейстера. Остался в стороне от щедрот, хотя награды раздавались направо и налево.

Спустя три года, в 1734 г., он вновь был послан на Урал для управления горными заводами. Специальным указом Татищев был назначен главным начальником всех горных заводов в Сибири и Перми. Прошло почти десять лет с той поры, как он расстался с этим поприщем. Многое изменилось на Урале и в Сибири. Выросло число казенных заводов, их стало одиннадцать. Демидовских четырнадцать. Кроме того, появились заводы Строгановых, Турчаниновых, Тряпицына и др. Основывались заводы близ Вятки и Казани, началась разработка руд на Алтайских горах. Выросло промысловое население за счет пришлых, в первую очередь переселенцев-крестьян. Вообще горное дело развивалось гораздо успешнее, чем административное управление краем. Одновременно на Урал и в Сибирь проник винный откуп. Одним из первых откупщиков стал Андрей Грек. Жалобы на пьянство мастеровых стали обычным делом.

Занимаясь обустройством новых заводов близ владений степных народов, Татищев заботился о строительстве крепостей, торгов и путей сообщения. По его представлению на прежнее место вернули перенесенную было в Екатеринбург Ирбитскую ярмарку, а в Екатеринбурге открыли новую. Двигаясь вперед, Татищев осваивал бассейны новых рек, в частности Туры, Селенги, строил пристани по Чусовой, обустроивал Уфимскую провинцию. Строились русские форпосты на границе контактов со степными народами, возводились церкви. При нем было сделано обстоятельное описание горного края. Татищев приглашал новых промышленников для открытия заводов в Башкирии, в Томском, Кузнецком, Нерчинском, Иркутском и других дальних уездах. Он был неутомим в открытии новых рудников, устройстве заводов, распоряжении техническими работами. Попытался отправить на обучение за границу группу мастеровых по обычаю петровского времени, да получил отказ.

Особой заботой Татищева было составление «Горнозаводского устава». Отдав этому документу много энергии, он так и не добился его высочайшего утверждения. Хотя содержание и нормативная база устава призваны были четко разграничить промысловую и административную сферы жизни края. Интересно, что особое внимание уделил Василий Никитович переводу на русский язык терминологии горного дела, подчеркивая, «что от бывших некоторых саксонцев в строении заводов все чины и работы, яко же и снасти, по немецки названы, которых многие не знали и правильно выговорить или написать не умели» [2, 149]. Поговаривали, что эти настроения Татищева способствовали тому, что Бирон не продвинул его устав.

В 1737 г. Татищева перевели, в чине тайного советника, из Екатеринбурга в Оренбургскую экспедицию для обустройства Башкирского края. К этому времени уже были построены Самарская и Яицкая линии защиты. Он продолжил укрепление границ соприкосновения со степными народами. Одновременно шло размежевание и земель башкир. Особое внимание Татищев уделил тому, чтобы без специальных указов не строились мечети и чтобы людей других вер башкиры в свою веру не обращали. Много сил было отдано строительству Оренбурга, который несколько раз переносился с места на место: искали наиболее благоприятную тактическую и стратегическую точку для освоения края.

Пять лет прошли, и Татищев был опять отозван в столицу. Здесь против него начали следствие по обвинениям в административных злоупотреблениях. Василию Никитовичу к этому времени исполнилось 54 года. Он чувствовал еще в себе силу, но и нуждался в подведении некоторых итогов. И он пишет знаменитое «Духовное завещание и наставление сыну Евграфу». Но оказалось, что точку в карьере ставить еще рано.

Примерно к этому времени относится описание внешности Василия Никитовича, сохранившееся в записках современника: «Этот старик был замечателен своею сократическою наружностью, изможденным телом, которое он старался поддерживать долголетним воздержанием, и наконец неутомимостью и разнообразием своих занятий. Если он не писал, не читал, или не говорил о делах, то перебрасывал жетоны из руки в руку» [2, 387].

Впереди были участие в калмыцких делах и Астраханское губернаторство.

Беспокойно было в низовьях Волги. Калмыки разоряли рыбные промыслы, жгли поселения астраханских татар и русских. Правительство вынуждено было содержать гарнизоны от Самары до Астрахани.

Но силы военные были разрозненны и малочисленны. Не было мира и между самими калмыками. Именно в таких обстоятельствах и послан был для наведения порядка в крае Татищев.

Перед Татищевым была поставлена задача: описать край и приучить всех крещеных калмыков, проживающих около Астрахани, Саратова и Царицына, к пашне и оседлому образу жизни. Был основан город Ставрополь, куда и переселялись крещеные калмыки. Татищев задумывал даже перевод Евангелия на калмыцкий язык. Калмыкам были приданы русские крестьяне, жившие при монастырях и числившиеся за коллегией экономии. Так край колонизовался инородцами, содержавшимися за счет русского населения.

Задача усмирения кочевых калмыков и приведения их к консолидированному управлению от лица одного хана требовала значительных дополнительных усилий. Но без решения этой задачи наладить административное управление Низового края было невозможно. Татищев полагал начать с укрепления линии Царицын — Астрахань строительством шести городков и с приглашения для хозяйственного освоения края жителей с Дона и Украины. Планировалось приохотить также и калмыков к поселению в городках и слободках по Волге.

Надежды Татищева на спокойное примирение калмыков друг с другом оказались напрасными. Калмыки были озабочены только захватом друг у друга улусов. Хотя Татищев, сколько мог, способствовал интеграции кочевников в хозяйственную жизнь края. Была построена Енотаевская крепость, произведен учет имущества калмыков. Особое внимание было обращено на необходимость регулирования размеров калмыцких лодок. Большие лодки Татищев предписал сжечь. Много усилий направил Татищев и на борьбу с практикой работорговли. В конечном итоге верхи калмыцкого общества были интегрированы в русское дворянство, которое пополнилось новыми аристократическими фамилиями, а у крестьян появились новые помещики с фамилиями, напоминающими Азию.

В бытность свою Астраханским губернатором Татищев столкнулся с проблемами Кавказа. Политика Надир-шаха обострила ситуацию на Северном Кавказе. Более 1500 аулов дагестанских с населением около 65700 человек просились в русское подданство. Перессорились между собой Кабардинские князья и опять искали помощи у русской администрации Астраханской губернии. Мелкие владельцы Кумыкские и Чеченские также ездили к Татищеву и хлопотали о хлебном и денежном жаловании. Мангышлакские туркмены просились в подданство. Эти и подобные вопросы Татищев без консультаций решить не мог. Но они отвлекали его от занятий хозяйственной жизнью губернии. Хотя ему и

удавалось заниматься проблемами торговли и организации рыбных промыслов. Всего во времена Татищева в районе существовало 23 ватаги. Каждый ватажник давал работу до 1500 работникам.

В Астрахани появились и англичане, предъявлявшие свой торговый и военный интерес к региону. В русское подданство просились персидские, индийские, армянские, бухарские купцы. Они хотели получить, наравне с русскими, право жениться, покупать землю, строить дворы, торговать, заводить фабрики. Татищев пытался разработать специальные правила для торговой и промысловой деятельности на территории Астрахани, в том числе и вексельное право. Остро встал и вопрос о взимании взаимных пошлин между Россией и Персией.

1745 г. был последним в губернаторстве Татищева. Татищев познакомился с обширным миром народов Средней и Западной Азии. На практике узнал их нравы, замыслы, хозяйственные устремления. Непросто было Астраханскому губернатору отстаивать русские владения, не имевшие четкой границы с персидскими, укреплять русскую власть в крае, развивать здесь здоровую хозяйственную жизнь.

Чтобы управлять Низовым краем, как, впрочем, и любой областью приграничной России в то время, когда шла колонизация земель по всему периметру страны, нужно было быть не только внимательным судьей, деятельным администратором, отважным воином и ловким дипломатом, но и успешным хозяйственником. Именно таким человеком и был В.Н. Татищев. Его увлечение историей и географией российской, сделавшее его имя знаменитым, в действительности было продолжением, а может быть, и эхом его административной деятельности по обустройству восточных и южных рубежей Государства Российского.

Татищев, как и положено Рюриковичу, человеку, помнящему свои корни, был подданным и устройтелем этого государства. И при этом он был самостоятелен в своих поступках и решениях, полагая, по видимому, что то, что он, смоленский Рюрикович, полагает верным, то и верно для России. До последних дней он находился под следствием, связанным с наветами тех, чьи интересы он ущемил, служа солдатом дела Петрова. Но за день до ухода получил указ о полном оправдании и орден св. Александра Невского за заслуги. Орден он сопроводил благодарственным письмом и вернул Государыне.

В приложении к труду Нила Попова о В.Н. Татищеве и его времени находим документ, не имеющий точной датировки, да и не нуждающийся в ней: *«Предложение. О сочинении истории и географии российской»* [2, 663].

Текст этого документа состоит из предисловия и трех разделов. Раздел первый включает 107 программных пунктов, раздел второй — 57 позиций, раздел третий — 33. Всего 198 позиций, по которым, по мнению составителя, необходимо собирать информацию. Вопросы первого раздела относятся ко всем губерниям и народам, вопросы второго раздела — только к тем губерниям, в которых проживают идолопоклоннические народы, а третий раздел касается только территорий, где проживают магометане.

Уже из самой структуры «Предложения» явствует нацеленность составителя на понимание тех культурно-исторических феноменов, с которыми будет впредь иметь дело русская власть. Очевидно, что сам Татищев понимал явление, о котором предлагал собирать информацию.

Первый раздел касался таких тем: исторические названия губерний, краев и областей; исторические и памятные места (в качестве примеров он приводит Куликово поле и Мамаево поражение); границы местностей, в том числе и географически мотивированные реками, водоемами и пр.; особенности климата; водный ресурс и основанная на нем транспортная система; земля, ландшафты и производственно-хозяйственные возможности; природные полезные ископаемые; население, его социальный состав, род занятий, организация управления, социальная жизнь и здравоохранение, демократические институты; все виды строений, укреплений, жилых построек, торговых точек, захоронений.

Второй раздел ориентировал власть на собирание дополнительных сведений о народах идолопоклоннических: самоназвание и русское название народов; свойственный им лексикон исторический и географический; традиционное летоисчисление; известные формы государственности, пути миграции; предания и сказания; важнейшие исторические события; форма религиозных верований; обряды; социальная жизнь и формы самоуправления.

Третий раздел имеет специальный оттенок. В преамбуле подчеркивается, что сам закон и содержание учения в Европе хорошо известны, и эти сведения собирать не надо. А что надо: какая версия магометанства принята у того или иного народа; какие духовные чины имеют и как их выбирают; внутрисемейные, в том числе имущественные, отношения; какое письмо имеют, на чем пишут и чем; суеверия.

Из документа следует, что Татищев предлагал обустроить Российскую империю, опираясь на знание ее истории, географии, населения, природного и хозяйственного потенциала. Принципиально важно, однако, иметь в виду, что история — это для него именно история Рос-

сии, от эллинистического периода до Древней Руси, Московского царства и империи.

Он не знал, что в XVIII в. под влиянием немецкой учености возникнет Норманнская теория происхождения Государства Российского, и, тем более, не мог он знать, что в XX в. под влиянием евразийцев появится идея рождения России на развалинах Золотой Орды. Но что он точно знал, так это то, как его руками создавалась империя, укреплялась русская власть и как руками его далекого предка Рюрика и его многочисленных потомков создавалось русское государство. Причем, он не сомневался в том, что Рюрик был прямым потомком Гостомысла и происходил из династии Ободритов. Об этом свидетельствовали дошедшие до него источники и, по-видимому, семейная генетическая память. И хотя вокруг «Татищевских известий» споры не утихают, опровергнуть их еще никто не сумел. И уж совсем невозможно игнорировать его личный опыт строителя империи.

Уже заканчивала статью, когда Валентин Андреевич Смирнов, исследователь из Чувашии, прислал книгу: «Апостол милости Божией. Земной путь Ивана Яковлевича Яковлева (1848—1930), великого просветителя России и чудотворца земли Чувашской» (М., 2013) и в приложении к ней брошюру «Завещание чувашскому народу И.Я. Яковлева». Полезные слова содержатся в этом завещании: «Чтите и любите великий, добрый и умный русский народ, таящий в себе неисчерпаемые силы ума, сердца и воли. Народ этот принял вас в свою семью, как братьев, не обидел и не унижил вас. Ведомый Провидением к великим, нам незримым целям, народ этот да будет руководителем и вашего развития: идите за ним и верьте в него. Трудна была жизнь этого народа, много горестей и несчастий встретил он на своем долгом и скорбном пути, но он не угасил в себе светочей духа и не утратил понимания своего высокого призвания. Да будут его радости вашими радостями, его горести вашими горестями, и вы приобщитесь к его светлому будущему, грядущему величию. Народ этот не обидел вас в прошлом, он не обидит вас и в будущем. Любите его и сближайтесь с ним. На всяком поле есть плевелы, но мой долгий опыт да будет порукой тому, что среди русского народа вы всегда встретите добрых и умных людей, которые помогут вашему правому делу. Русский народ выстрадал свою правду, и, нет сомнений, правдой этой он поделится с вами. Верьте в Россию, любите ее и она будет вам матерью» [3, 21—22].

Это говорит представитель одного из народов Поволжья, народа, который вошел в состав Российского государства еще в XVI в. и более полутысячелетия живет бок-о-бок с русским народом. Значит, усилia Василия Никитовича Татищева по строительству государства, которые

он предпринимал еще в первой половине XVIII в., были не напрасными. Значит, за суетой сиюминутных неотложных дел он видел стратегические цели. И внес в дело достижения этих целей свой весомый вклад.

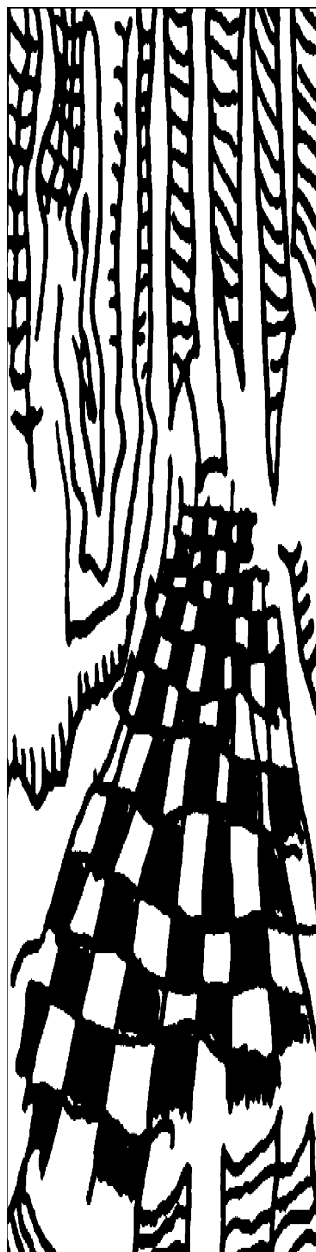
И дело нас, потомков, оценить этот вклад по достоинству.

Литература

1. *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992.
2. *Попов Н. В.Н.* Татищев и его время. М., 1861.
3. С любовью к России. «Завещание чувашскому народу» И.Я. Яковлева на языках народов мира. М., 2013.

VI

**АКТУАЛЬНАЯ
СОЦИОЛОГИЯ**

В.М. ЮРЬЕВ, В.Г. БАБАЯН

Принцип Парето: «порядок» и «хаос» в социально-экономических системах

Аннотация. На основе принципа Парето рассмотрены эвристические возможности когнитивной матрицы состояния социально-экономических систем. Показано, что в России такие блоки СЭС, как государство и рынок, более структурированы, чем религия и массовое сознание. Выделены условия, при которых СЭС может быть устойчивой и неустойчивой. Условиями устойчивости рассмотрены критерии эффективного управления, роль элиты, формирование новых представлений о феномене власти, а также месте и роли человеческого и социального капитала элиты.

Ключевые слова: социально-экономическая система, власть, элита, государство, рынок (бизнес), религия, массовое сознание.

Abstract. On the base of «principle of Pareto» the heuristic possibilities of «cognitive state matrix of socio-economic systems» are considered. It is shown that in Russia such SES blocks as the state and the market is more structured than religion and mass consciousness. The conditions under which SES can be stable and unstable are shown. The criteria of effective governance, the role of elites, the formation of new ideas about the phenomenon of power as well as the place and role of human and social capital elite are considered as stability conditions

Keywords: socio-economic system, authority, elite, state, market (business), religion, mass consciousness.

Правила В. Парето в самых разных формах проникли в научную литературу: математически выверенные, они встречаются в теориях мейнстрима — в виде условных измерителей благосостояния — в «экономике счастья» и даже — в теории систем [1]. Хотя отмечается факт, что эти правила (принципы Парето-эффективности) имеют немало ограничений, главное из которых сводится к требованию уменьшения роли государства. На самом деле в реальной практике большинства стран именно государство как «видимая рука» рынка обеспечивает преодоление демонстративного потребления, откровенной показной праздности, а также решения задач дорогих общественных проектов. С развитием теории систем обнаружилось, что знаменитое правило Парето — 80/20 (80% доходов получают всего 20% собственников), рас-

смагриваемое иногда как избыточность собственников, на самом деле является результатом неопределенности в процессах обмена между социальными структурами. Так, автор статьи «О природе принципа Парето», по существу, сводит указанную избыточность в системе к факторам, обеспечивающим долговременную устойчивость системы за счет высокой конформационной подвижности и приспособляемости слабоструктурированных частей социально-экономических систем (СЭС) [2]. Утверждается, иными словами, что так называемые высокоорганизованные части СЭС получают свою долговременную устойчивость за счет количественно более массовой, мало организованной (хаотической) части, обеспечивающей необходимую гибкость системе. Слабоструктурированные группы в СЭС подстраиваются под тактические задачи; жесткие, упорядоченные части («элита») являются несущим малоподвижным каркасом. Между ними существует взаимодействие, вплоть до взаимных переходов.

Как происходит такая трансформация, каковы фактические модели превращений — пока остается за рамками исследованных вопросов. Рассмотрим эвристические возможности предложенной нами модели («когнитивной карты») СЭС — рынок (бизнес), государство, религия, массовое сознание [3]. Надо заметить, что уже много лет моделирование социально-экономических процессов все больше сдвигается с магистральных неоклассических представлений в сторону имитационных, с использованием методов, накопленных в физике, химии, биологии, математики, не считая областей наук, пограничных с экономическими — социологии, антропологии, философии [4]. Г.Б. Клейнер предлагает вернуться к идеям корифея австрийской школы Л. фон Бергаланфи и его многочисленных последователей — сторонников принятия в качестве основной единицы анализа не отдельного индивида, как в неоклассической теории, или отдельных институтов, как в институциональной теории, а «разного уровня и локализации экономические системы», образующие макросистемы. Его модель СЭС состоит из четырех блоков: государство, общество, экономика, бизнес.

Указанная модель СЭС заметно отличается от схемы, предложенной в 2006 г. Л. и Р. Евстигнеевыми: «Социально-политическая инфраструктура страны зиждется не на монополии государства, а на рыночной макрокооперации, которая включает все важнейшие институты цивилизации: рынок, государство, церковь, массовое сознание» [5]. Дальнейшего развития данная схема, видимо, не получила в работах этих авторов. Хорошо известный российским исследователям венгерский экономист Я. Корнай в своей статье в журнале «Вопросы экономики» пишет так: «Системная парадигма не может быть сведена к ка-

кой-либо частной дисциплине. Ее следует рассматривать как школу всеобъемлющей, цельной общественной науки» [6]. Системная парадигма — это «конек» австрийской школы экономики и социологии, к которой относится также другой австро-венгерский экономист Э. Ласло, автор более 75 книг, из которых книга «Век бифуркаций» переведена на русский язык с предисловием И. Пригожина [7]. Э. Ласло признан основателем общей теории развития, отстаивающей представление о четырех основных интеллектуальных блоках развития — наука, искусство, религия, образование.

В 2010 г. внимание российской общественности привлекла книга академика В.Л. Макарова «Социальный кластеризм. Российский вызов». Это произошло во многом благодаря «ТВ-Культура», где в передаче «Что делать?» с участием автора книги обсуждалась идея этой работы — «социальных кластеров — (сословий нового типа), использующая в качестве ведущего экономического механизма проектную экономику». С этой идеей В.Л. Макаров выступал на крупном философском конгрессе [8].

Предложенная нами в 2007 г. *когнитивная матрица состояния СЭС*, состоящая из четырех блоков — *рынка (бизнеса), государства, религии, массового сознания*, разделенных в свою очередь на сегменты — профессиональные группы (по восемь сегментов в каждом из блоков), имеет определенные идейные связи с моделями упомянутых выше авторов. За последующие годы наша «когнитивная карта» позволяла с разных сторон изучать качество социально-экономического состояния нашей страны, в том числе и в сравнении с другими странами (Китай, США, Белоруссия) [9]. Россия, по этим данным, уступала США и КНР по всем показателям, кроме «массового сознания».

Априори, мы представляем, что в СЭС России такие блоки, как государство и рынок, следует признать более структурированными, чем религия и массовое сознание. В значительной мере это связано с тем, что основные опорные отрасли в экономике контролируются государством, а малое предпринимательство — по определению, более гибкое — в России развито слабо. Правда, и блок «государство» испытывает известные проблемы, связанные с нелегальной деятельностью, но они, по общему мнению, постепенно решаются. Массовое сознание в России, как оказалось, более устойчиво к этому всемирному злу, и мы склонны объяснять это традиционной для страны тягой к справедливости и культурными традициями. В многоконфессиональной России нет также и проблем с религиозной толерантностью. Потенциально это обеспечивает большую гибкость и миролюбие населения страны в международном общении, что является дополнительным транс-

формационным фактором. Блокам «религия» и «массовое сознание» не достает полновесного политического наполнения. В последнее время появление движения ОНФ, которое курирует президент страны, изменяет ситуацию [10; 11]. Массовое сознание, несомненно, является носителем специфического интеллектуального видения перспектив развития, а институты гражданского общества, зарождающиеся в блоке «массовое сознание», в режиме автоэволюции ведут поиски новых социальных решений. Мы представляем также, что в этом блоке находится та часть населения страны, которая образует слой, которому присвоено наименование «асоциальный капитал» [12]. Существуют причины, по которым далеко не всем членам общества удастся приобрести требуемую профессиональную квалификацию, и понятно, что это может быть причиной нелегального «бизнеса». Опросы студентов экономических специальностей показали, что наибольший интерес вызывают у них такие профессии, как банковская деятельность, налоговая и судебная службы, а в качестве ориентиров развития страны назывались, в основном, страны «золотого миллиарда» [13].

Основные социальные потоки явно ориентируются локализацией и функцией наиболее обеспеченных социальных групп («профессионалов», по нашей терминологии). Страхование будущего — это естественная потребность развитой СЭС. Как отмечалось выше, оно в огромной мере осуществляется за счет той части граждан, которые в данном историческом периоде находятся за пределами наиболее обеспеченных 20%, но полны человеческим капиталом, необходимым для рывка «вверх». Все это приводит к реформированию системы смыслов и мотивации, часто производных от давней религиозной жизни со своими морально-этическими установками, системами табу, укрепляющими общество. В качестве индикаторов возможностей страны к политической и экономической трансформации уже много лет придуманы «индексы состояния и управления» [14; 15]. Проводимые сотрудниками Мюнхенского университета многолетние работы позволили составить рейтинги 128 стран, в которых, по мысли авторов, продолжаются демократические рыночные преобразования. Показатели России в этом списке стран указывают на большие проблемы по двум индексам: состояния (65-е место) и управления (107-е место). Отметим также индикатор, который используется в «экономике счастья» под названием «показатель счастья». Для большинства развитых стран он составляет около 60 лет, для России — только 30 лет. Нам представляется вполне оправданным допущение, что «отсутствие недовольных», ощущение удовлетворенности социума находятся в тесной связи с ощущением устойчивости развития в массовом сознании. Понятно, что

в малых странах с однородным населением и монокультурой трансформации достигаются проще, чем в такой стране, как Россия, со сложным характером массового сознания, с переплетением культур, религий, историй развития. Это объясняет, почему КНР по рейтингу состояния занимает только 88-е место, тогда как гораздо более слабая Монголия — 46-е место.

Понятие устойчивого развития коррелирует и с известным коэффициентом Джини, и с децильным коэффициентом, и с соотношением между средней и минимальной зарплатой. Неблагополучное распределение доходов (двугорбое распределение) приводит к состоянию тревоги в массах, так как это означает нарушение в работе социальных лифтов, избыточно большой отрыв элиты от нижних слоев. Именно такая ситуация сложилась в РФ в последнее двадцатилетие, когда «на долю 1% самых богатых приходится 71% всех активов в стране (для сравнения, в КНР — 32%, Японии — 17%, средняя в мире — 46%)» [16]. В такой ситуации слишком серьезным может оказаться неконтролируемое поведение обиженной молодежи, если упустить момент действительной или мнимой потери равновесия в элитах, как это было после выборов в Госдуму в 2011 г. Некоторые ветераны комсомола связывают это с неудовлетворительной молодежной политикой. В действительности же комсомол в советскую эпоху функционировал эффективно, когда социальные «лифты» действовали вполне прозрачно, когда получение хорошего образования, во многом, предполагало трудоустройство и социальный рост. Образовавшийся в настоящее время «запирающий слой» молодежь воспринимает как отторжение, и это вызывает естественный протест или даже желание «хлопнуть дверь», уехать из страны. Однако есть и понимание, что уезжать вообще-то некуда, что молодежный «хаос» становится все больше общемировым процессом.

Это обстоятельство многие склонны объяснять избыточными возможностями и консервативностью «корпоратократии», отрывом от реальности 20% самых богатых, праздно размышляющих о правах нетрадиционных сексуальных партнеров и т. п. Добавим сюда еще и вездесущую коррупцию, и тогда картина становится более понятной: глобальные СЭС, в целом, становятся, как нам представляется, более хрупкими в процессе такой эволюции, когда политики все менее внимательны к «хаосу» (массовому сознанию и религии, по нашей интерпретации), считая более важным заботу о силовом «каркасе». Заметим, что существует немало сторонников идеи, что эволюция вполне допускает подобный сценарий, когда основой развития служит закрепление остова, в рамках которого может возникать и развиваться измен-

чивость (А. Лима-де-Фариа) [17]. Положение в миросистеме кажется патовым, когда роль жесткого остова все больше берут на себя США. «Современный мир стоит перед супервызовом: имеющиеся типы устройства все больше не устраивают человечество. Проблемы только нарастают. Перспективы туманны» (В.Л. Макаров [8]). С нашей точки зрения, умение рационально оценивать, что происходит в государстве и массовом сознании, является функцией высших слоев, политической элиты СЭС. Суть проблемы очевидна: целью высших экономических слоев в корпорациях является максимизация прибыли при минимальных средних затратах. Иерархия в таких корпорациях весьма жесткая, руководство по командному принципу — несомненно. В основном диктаторская система управления сохраняется долго и допускает только замену одного диктатора другим. «Корпоратократия есть тоталитарное государство, функционирующее внутри, так называемого, демократического государства и обеспечивающее его жизнедеятельность» (М. Кантор [18]).

В то же время в массовом сознании все более отчетливо заметен водораздел между «мы», т. е. малообеспеченными, и «они» — представителями крупных собственников, не отличающимися, по мнению первых, высокой нравственностью. Особая опасность возникает тогда, когда на стороне вторых оказываются представители блока «государство», связанные еще и политически. Образуется состояние «внутривидовой агрессии», по выражению лауреата Нобелевской премии по физиологии за 1973 г. К. Лоренца [19]. Власти в этих обстоятельствах решают задачу найти гибкие и прочные формы не только наднационального (читай, надконфессионального) объединения, но и надпрофессионального, точнее «надблочного» объединения, причем в рамках сложных взаимодействий с иностранными СЭС. Следует подчеркнуть, что речь идет о «сложносоставных» СЭС, в которых некоторые комбинации внутренних сил и/или внешних условий обеспечивают относительную устойчивость во времени и пространстве» [4]. Общая картина функционирования СЭС становится неполной, даже противоречивой, если исключить рассмотрение задач, решаемых особыми службами, обеспечивающими СЭС сохранение защитной «оболочки» (граница, таможня и многое другое, входящее в функции секретных служб).

Несомненно, в исторической, политической, да и экономической литературе немало материалов о роли элиты, политических лидеров страны в поддержании устойчивости развития, нужного уровня «перформативности» блоков, сохранения преемственности власти [20]. Все последнее в различной степени отражается в «критериях эффективно-

сти управления». Выше упоминалось, что Россия по этому показателю заняла только 107-е место среди 128 стран сравнения. При этом все оценки по 10-балльной шкале были на уровне четырех баллов: управленческий потенциал — 4, 0; эффективность использования ресурсов — 4, 0; достижения консенсуса — 4,4; международное сотрудничество — 3,0; уровень сложности — 4,0 [14, 15]. В значительной мере все эти оценки касаются деятельности высших органов власти и прямо связаны с блоком «государство». Наши опросы студентов показывают, что деятельность Президента РФ как лица, развивающего гражданское общество, получила оценку семь баллов из десяти возможных, что может быть расценено не высоко. В том же опросе 75% студентов посчитали полезным учреждение должности вице-президента, отвечающего за развитие гражданского общества [21]. Все эти вопросы касаются сегмента «партийная деятельность» в блоке «государство». Но после распада СССР и КПСС в условиях быстрых изменений, неопределенности, даже дезорганизованности, существования в обществе глубокого ценностного конфликта возможности создания эффективных стабильных партий были сведены к минимуму. Дискуссии на эту тему продолжаются и в Госдуме, и на уровне регионов.

Заметим, что в большинстве стран предметной основой партийной пропаганды являются не сложные и противоречивые программы, а персональные образы лидеров, имеющих закрытые от поверхностного взгляда оформленные геополитические идеи. И тут мы приходим к вопросу о роли интуиции при выявлении неустойчивостей в СЭС и решения этих проблем. Тема роли личности в истории неисчерпаема, что подтверждается нескончаемыми дискуссиями о роли Ленина и Троцкого в Революции 1917 г., о роли Сталина в период СССР. По существу речь должна идти о вопросе устойчивости элиты СЭС. В стабильно функционирующем обществе должен выполняться вариант правила Парето — закон сохранения элиты — человеческого или генетического капитала нации [22]. В условиях глобализации, как бы вопреки ей, всякое национальное государство стремится сохранить свою элиту, признаваемую мировым сообществом. С этой точки зрения применение термина «элита» в контексте исключительно властных полномочий кажется искажением истинной роли элиты [23]. Но одно из первых мест в социально-политических разработках устойчивости развития принадлежит формированию новых представлений о феномене власти, а также месте и роли человеческого и социального капитала элиты в процессах трансформации СЭС. Постоянного равновесия, когда «нет недовольных» по Парето, существовать не может. Но могут быть квазистационарные состояния, в процессе которых СЭС, пере-

страиваясь, находит и в «порядке», и в «хаосе» новые модальные формы.

Литература

1. *Ставерен ван И.* Этика эффективности // Вопросы экономики. 2009. № 12.
2. *Королев В.А.* О природе «принципа Парето» // <http://triz.org.ua/data/c83.htm>.
3. *Бабаян В.Г., Юрьев В.М.* Устойчивость экономических систем: поиски альтернатив // Социально-экономические явления и процессы. 2007. № 4.
4. *Клейнер Г.Б.* Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. 2013. № 6.
5. *Евстигнеева Л., Евстигнеев Р.* Трансформационные риски российской экономики // Вопросы экономики. 2006. № 11.
6. *Корнаи Я.* Системная парадигма // Вопросы экономики. 2000. № 12.
7. *Ласло Э.* Постигание изменяющегося мира. Век бифуркаций. М., 1995.
8. *Макаров В.Л.* Становится ли мир стабильнее // Вопросы философии. 2010. № 8.
9. *Юрьев В.М., Бабаян В.Г.* Качество социально-экономической среды и планирование развития // Вестн. Тамбовского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2008. Вып. 7 (63).
10. *Юрьев В.М., Бабаян В.Г.* Флуктуации в социально-экономических системах: новые вызовы и приоритеты // Вестн. Тамбовского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2009. Вып. 5 (73).
11. *Юрьев В.М., Бабаян В.Г.* Гражданское общество на пути модернизации социально-экономических систем // Вестн. Тамбовского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 11 (79).
12. *Охара Ф.* Современные принципы неортодоксальной политической экономики // Вопросы экономики. 2009. № 12.
13. *Юрьев В.М., Бабаян В.Г.* Проблемы асоциального капитала // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 2 (018).
14. Индексы трансформации Фонда Бартельсмана // Свободная мысль. 2010. № 7.
15. *Юрьев В.М., Бабаян В.Г.* Массовое сознание и устойчивость развития // Социально-экономические явления и процессы. 2011. №1—2.

16. *Гонтмахер Е.* Российское социальное неравенство как фактор общественно-политической нестабильности // Вопросы экономики. 2013. № 4.
17. *Лима-де-Фариа А.* Эволюция без отбора. Автоэволюция формы и функции. М., 1991.
18. *Кантор М.* Уроки рисования. М., 2008.
19. *Лоренц К.* Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // http://notes.nspace.ru/lorenc_full/.
20. *Херман-Пилат К.* Нейролингвистический подход к перформативности в экономической теории // Вопросы экономики. 2011. № 2.
21. *Юрьев В.М., Бабаян В.Г.* Харизма и власть: место интуиции в теории устойчивости социально-экономических систем // Вестн. Тамбовского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2012. Вып. 6 (110).
22. *Бабаян В.Г.* Элита общества: неформальный институт и системный источник экономического роста // Вестн. Тамбовского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2007. Вып. 5 (49).
23. *Полищук Л.* Аутсорсинг институтов // Вопросы экономики. 2013. № 9.

Л.С. ВОРОБЬЕВА

Социальное бытие человека как культурный процесс в эпоху глобализации

Аннотация. Ставится проблема специфики жизненного опыта человека в условиях глобализации и взаимопроникновения культур, а также анализируется этническая культура народа как специфическая парадигма житнетворения, которая, аккумулируя определенные знания, творческие способности и умения народа, выступает особым, относительно других, способом бытия определенного этноса.

Ключевые слова: жизненный опыт человека, этническая идентичность, менталитет, украинский народ, культурное взаимодействие.

Abstract. The article raises the problem of the specificity of life experience in the context of globalization and cultural interaction, and analyzed ethnic culture of the people, as a specific paradigm zhiznetvoreniya that accumulating certain knowledge creativity and skill of the people, special acts, relative to the other, a way of being a particular ethnic group.

Keywords: human experience, ethnic identity, mentality, the Ukrainian people, cultural interaction.

Жизненный мир современного человека является предметом исследования во многих областях обществоведения. Наиболее известны в этом аспекте такие авторы, как А.С. Панарин [1], М.Г. Делягин [2], А.Г. Салицкий [3], С.Л. Удовик [4] и т. п. Но без внимания исследователей остаются вопросы анализа специфики жизненного мира во взаимодействии культур в эпоху глобализации. Целью нашего научного поиска является выявление «болевых точек» социального бытия человека и в частности украинцев.

Человек — это, бесспорно, органическое существо, живущее в мире и обладающее для сохранения и развития жизни необходимой психикой. Производя ценности и создавая культуру, он уходит в сверхиндивидуальную сферу духовности. Наш антропологический взгляд на человека нацелен на определение места человека в сфере космоса как целостного бытия.

Для своего существования человек нуждается в раскрытии всего богатства своей сущности, всей своей внутренней психологической жизни в структуре слоев и полос: восприятия, памяти, представления, мышления, стремлений и желаний. Для существования человека как органического существа крайне необходима непостижимая надстройка психологических функций и факторов, создающая целостную систему, где все свойства взаимно дополняют друг друга.

В интроспективном разделе феноменов человеческой психики мы нередко видим такие явления, как переживание религиозных, этических, эстетических, социальных или политических ценностей, обязательных для всех людей в своих общих важных потребностях и требованиях относительно подъема человеческой природы потребностям высшего слоя — духовности.

К действительности, формирующей национальную психику, принадлежит также такой важный духовный пласт, которым является культура. Именно она как осуществление социальных, эстетических, этических, политических религиозных ценностей во взглядах и творениях человеческих сообществ имеет двойственное отношение к психике общества, что выступает носителем ее национальной культуры.

С одной стороны, культура — произведение данного общества, бесспорно, проявление его психики. Но, с другой стороны, поскольку каждый член сообщества развивается в среде данной культуры и усваивает ее ценности, культура становится и творческим двигателем национальной психики, формирует ее и удерживает в определенном состоянии. При этом ни одна культура не является и не может быть полным производением только одной национальной общности. Ведь существуют общие «культурные круги», и, к тому же, каждая нация

выбирает определенные компоненты культуры из данного круга и в какой-то степени, в зависимости от свойств своей психики, ее преобразует.

На современном этапе развития украинского общества перед прогрессивными политическими силами страны стоит задача консолидации нации с целью реализации политических, экономических и социальных реформ. Этот процесс невозможен без возрождения и формирования духовности нации, национального сознания и самосознания. Речь идет о задачах стимулирования национального возрождения, обновления во всех его аспектах, консолидации украинской нации, становления народа Украины как социума, включения государства в общий цивилизационный процесс. Решение этих вопросов позволит преодолеть отчуждение людей как представителей разных этносов, избежать межэтнических столкновений и конфликтов, поскольку национального согласия можно достичь только прочными и конкретными гарантиями национального равновесия на основе реализации права граждан на определенный культурно-исторический потенциал нации, использования опыта ее добрососедства с другими народами.

Ошибочно мнение, что история народа — простое продолжение истории тех этносов и культур, которые живут на нашей территории, поскольку не только в мелочах, но и в глубинных мировоззренческих структурах, определяющих направления этноантропологического и этнокультурного развития, мы сегодня находим следы архаичных представлений. Именно поэтому необходимы реконструкция глубинной древности, стремление отыскать потерянных физически предков.

В историческом процессе самоутверждения нации через связь времен сохраняется определенный вариант поведения, который реализуется на общей языковой, культурной и морально-этической основе. Этническая структурированность человечества порождает, соответственно, структурированность культуры, и, наоборот, культурная целостность этносов поддерживает их сохранение как культурных единиц антропосферы. Это позволяет народу сохранить самобытность во всех исторических перипетиях, пронести через «малые апокалипсисы» истории самосознание как, пожалуй, единственный обязательный признак этноса. На уровне философской рефлексии это можно определить как «душу народа». Ведь для того, чтобы понять жизнь, поведение, тип мышления и культуру людей — представителей разных этнических меньшинств, на наш взгляд, важно попытаться восстановить присущие им представления и ценности, обнаружить «привычки сознания» этих людей, способ оценки ими строения мира; трактовки пространства и времени, образ природы и средства воздействия на нее; представление

о мире земном и трансцендентном, их связи. Тогда как духовный мир — это своеобразный вывод, результат духовной деятельности человека, менталитет как устойчивая основа существования человека представляет собой активный фактор человеческой жизнедеятельности. Во-первых, он способствует инициированию определенных действий, а следовательно, и определенных ценностей, превосходству определенной культуры, направления мыслей и чувств. Во-вторых, играет роль барьера, который отталкивает все то, что человеку чуждо (стандарты, поведение, идеи), вызывает их неприятие. Менталитет выступает вектором жизненного поведения человека.

Бытийные реалии субстанцируются в опыте человеческой жизнедеятельности, который сочетает в себе как природно-территориальные, так и социокультурные факторы. Жизненный опыт народа — это закрепленные в сознании, традициях, обычаях, стереотипах поведения и деятельности, нормах морали, установках, верованиях, архетипах средства решения проблем человеческого бытия, которые с помощью внушения, подражания и носителей диахронной информации передаются из поколения в поколение в пределах культурного ареала того или другого этноса.

С этой точки зрения, этническую культуру можно определить как специфическую парадигму жизнетворения, которая, аккумулируя в материальных и духовных ценностях, знаковых системах определенные знания, значения, творческие способности и умения народа, выступает особым относительно других способом бытия определенного этноса. В методологическом плане это означает признание способа бытия народа субстанциональной реальностью относительно характеристик социума. Поэтому действенное, фактологическое содержание и внутренняя форма культуры как способа этнического бытия имеет жизненный опыт народа, который может для преемственности поколений и человека приобретать черты как объективной реальности — обычаи, обряды, стереотипы и т. д., так и субъективной — определенного отношения к ним со стороны членов данного сообщества. Причем именно последнее больше значит для этнической идентификации, чем стабильное и независимое существование любых других этнических критериев. Такой подход к изучению менталитета ценен тем, что он дает возможность проследить специфику проявления глубинных психологических черт в идентичности сообщества, которое мигрировало в другую этническую среду и прожило там довольно продолжительное время. Под влиянием повседневной практики оно невольно усваивает многие элементы традиционного этнического поведения народа, в среде которого оказалась. Этническую же идентичность она сохраняет,

опираясь на свои социально-психологические ориентиры, на собственный этнос, оберегая наставления на то старое «мы», в котором данное сообщество выросло и воспитывалось.

Поэтому, чтобы понять характер того или иного народа, важно прежде знать его историю, общественный строй, культуру. Уникальными является не совокупность качеств, а структура, специфика их проявления.

В последнее время для обозначения общих глубинных эмоционально-сознательных феноменов представителей определенного этноса чаще употребляют термин «менталитет». Менталитет — понятие современной антропологии, социальной психологии и историографии, которое означает способ мышления, даже склад ума общества в целом, его слоев или отдельных групп [5, 362]. Следует отметить, что понятие «менталитет» достаточно часто отождествляют с понятием «национальный характер». Однако под национальным характером понимают те или иные психологические особенности, отличающие один народ от другого. В его понятийный аппарат входят личностные самоопределения, этнические стереотипы, представления этноса о высших человеческих достоинствах и недостатках; эмоционально-психологическое обоснование традиций, привычек, обычаев; структуры потребностей и предпочтений; проявление психической энергии известного и бессознательного, выраженной в произведениях искусства и литературы, в символах.

Сложность четкой фиксации содержания понятия «менталитет» указывает тот факт, что существуют десятки его толкований. Такое разнообразие подходов и толкований менталитета свидетельствует как о сложности самого феномена, так и о недостаточной разработке данной проблемы. Однако в научном дискурсе все четче звучит, что данное понятие является самодостаточным, имеет свой собственный смысл, который может быть артикулированным только им. Несмотря на разнообразия интерпретации, большинство авторов [6—10] склоняются к трем исходным толкованиям термина «менталитет»: во-первых, менталитет действительно характеризует глубинные феномены человеческой психики (индивидов и этносов), которые означают характер и способ его восприятия, осмысления (интерпретации) и практического отношения к природе, социума и самого себя, во-вторых, менталитет не исчерпывается сферой сознания, в него входят бессознательные, нерациональные феномены человеческой (индивидуальной и коллективной) психики, которые для большинства представителей этноса навсегда остаются неосознанными, в-третьих, менталитет является явлением, которое возникает как феномен жизнедея-

тельности этносов и характеризует собственно этнические образования в целом и представителей этноса.

Менталитет — это образ мира, который заложен культурой в сознание людей того или иного общества, это направленность, наличие негативных мыслей и ценностных ориентаций, автоматизм и навыки сознания. Иначе говоря, если синтезировать большинство из определений менталитета, то получим (но опять же условно) такую интерпретацию понятия: менталитет — социопсихологический феномен, который характеризует этнические сообщества и представителей этноса, он определяет способы восприятия и интерпретации определенной этнической группой окружающей среды, а также способы и формы теоретического и практического отношения к природной и социальной среде. И здесь речь идет о мироощущении как личности, так и группировок, их жизненных ценностей, определенных опорных точек бытия. Тем более нужно учитывать, что человеческая природа как сложный биосоциальный организм еще во многом остается таинственной и недостаточно исследованной. Под ментальностью личности и общества имеются в виду системы, связанные с индивидуальным и коллективным сознанием, сочетающие в себе логическое с интуитивным, рациональное с иррациональным, а иногда даже мистическим. И вместе с тем внимание к менталитету весьма продуктивно в познавательном аспекте. Оно дает возможность почувствовать духовные компоненты нашего бытия более предметно, глубже понять характер, ролевые функции и механизмы народного существования и взаимодействия.

Различия менталитета различных народов проявляются в том, насколько они воспринимают и осознают такие явления, как образ социального целого и оценка социальной структуры, представления о праве и обычае, отношении к труду, собственности, богатству, бедности, понимание места человека в структуре действительности, особенности видения ими мира.

Попытки познать национальные различия имеют давнюю историю. Известно, что народы с древних времен общались, пытались понять мифы друг друга, замечали какие-то характерные черты своих соседей, давали им определенную характеристику. Точно так же и каждый народ издавна отличал себя от других.

На основе сравнения своей группы с другими этническими общностями формируется этническая идентичность. Это осознание себя представителем определенного этноса, ощущение человеком своей тождественности с одной этнической общностью и отделения от других [9, 134].

Этническая идентичность заметнее проявляется у тех людей, которые живут в культурной среде, что значительно отличается от их собственной. Важную роль играет, к какой группе — этнического большинства или меньшинства — принадлежит человек. Ведь представление об этнической группе скорее и острее формируется у представителей этнического меньшинства. Члены этнического меньшинства часто имеют заниженную самооценку, болезненное самолюбие и сверхчувствительность дискриминации.

Одной из характеристик последствий комплекса неполноценности считается подсознательная установка враждебности, которая выступает из одновременного укрепления внешних чуждонациональных сил. Такую установку не позволяют осознать, отодвигая ее в подсознательное. Человек в состоянии, обусловленном комплексом неполноценности, может проявлять враждебность к факторам комплекса и, не имея возможности (из-за неравенства сил) их выражать, вынужден держать в себе [10, 158].

На степень их культурно-психологической дистанции влияют такие факторы, как наличие или отсутствие конфликтов, войн, геноцида и история взаимоотношений между двумя народами, степень знакомства с особенностями культуры страны, владение и компетентность в чужом языке, равенство или неравенство статусов и наличие или отсутствие общих целей при межкультурных контактах, особенности различной культуры. Поэтому главной — определяющей — чертой этнического меньшинства является прежде всего стремление к сохранению и развитию этнокультурной идентичности и не обязательно ставится в зависимость от административно-территориальной целостности. Большое значение в этом случае приобретает межкультурная адаптация, которая является сложным процессом, благодаря которому человек достигает совместимости с новой культурной средой. Внутренняя сторона адаптации проявляется в ощущении удовольствия и полноты жизни, внешняя — в участии человека в социальной и культурной жизни новой группы. Межкультурная адаптация — это процесс вхождения в новую культуру, постепенное усвоение ее норм, ценностей, образцов поведения, достижения социального и эмоционального приспособления к новой среде, достижения социальной и психологической интеграции с новой культурой без потери достижений собственной.

Изучение процесса приспособления к новой культурной среде показывает, что далеко не всегда человек легко и быстро адаптируется, наоборот, существует большая вероятность наличия патологических феноменов. Поэтому восприятие своей этнической группы по сравне-

нию с другими сопровождается сознательным и бессознательным преимуществом собственной, находит проявление в феномене этноцентризма. Последний рассматривается как присущее людям свойство воспринимать и оценивать жизненные явления сквозь призму традиций и ценностей собственной этнической группы, выступающих как некий эталон.

Большое положительное влияние на укрепление идентичности производит окружение, когда оно доброжелательно воспринимает выбор того или иного этноса, это касается как нового, так и уже существующего сообщества. Однако вероятность изменения идентичности значительно выше в тех культурах, где более высоким является общий уровень толерантности в межличностных отношениях.

Под влиянием жизненных условий момент осознания необходимости изменения этнической идентичности может произойти тогда, когда этнос, частично на подсознательном уровне, уже овладел многими навыками поведения, практически интегрировался уклад его жизни, частично овладел языком, усвоил и изучил элементарную профессиональную культуру другого. Для изменения этнической идентичности нужно лишь осознать свою новую позицию в системе этнических отношений, новую точку видения и восприятия, пережить психическую переориентацию и усвоить новую систему ценностей, критериев, суждений, исходя из этой иерархии ценностей. По такой схеме происходит процесс изменения этнической идентичности в повседневной жизни народа. В этом контексте следует отметить, что сегодня признаки этнического менталитета чаще просто постулируются, считаются очевидными, а не выводятся из эмпирического материала. Поэтому исследование жизненного опыта народа и жизненного мира человека, их связь с процессом глобализации и взаимодействием культур является весьма актуальной задачей обществоведения.

Литература

1. *Панарин А.С.* Испытание глобализмом. М., 2000.
2. *Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / Под ред. М.Г. Делягина.* М., 2000.
3. *Салицкий А.Г.* Вызовы глобализации и проблемы крупных полупериферийных стран // *Мировая экономика и международные отношения.* 2002. № 2.
4. *Удовик С.Л.* Глобализация: семиотические подходы. М.; К., 2002.
5. *Кукушкин В., Столяренко Л.* Этнопедагогика и этнопсихология. Ростов н/Д, 2000.

6. Баронин А.С. Этнопсихология: Учеб. пособ. К., 2000.
7. Гнатенко П.И. Национальная психология. Донецк, 2000.
8. Додонов Р.А. Этническая ментальность: опыт социально-философских исследований. Запорожье, 1998.
9. Коган М.С. Мир общения. М., 1988.
10. Кульчицкий О.Б. Основы философии и философских наук. Мюнхен; Львов, 1995.

Н.Н. МАЛАХОВА

Творческая личность и творческая деятельность в системе производственных отношений инновационной экономики

Аннотация. В статье анализируются причины возрастания интереса к феномену творчества и к творческой личности в современном обществе. Прогнозируются последствия повсеместного стимулирования творчества, особенно в сфере производственных, экономических отношений. Рассматриваются особенности включения творческих личностей в систему производственных отношений.

Ключевые слова: инновационная экономика, творчество, творческая личность.

Abstract. The article analyzes the reasons of increase of interest to the phenomenon of creativity and the creative personality in the modern society. Projected effects of widespread stimulate creativity, especially in the field of production, economic relations. Discusses the features of the inclusion of creative individuals in the system of industrial relations.

Keywords: innovative economy, creativity, creative person.

Интерес к феномену творчества, особенностям протекания творческого процесса, а также к творческим способностям человека в той или иной мере всегда присутствовал в работах исследователей, как правило, философов, позже психологов, чье предметное поле ограничивалось сферой художественного творчества. Однако в настоящее время наблюдается значительный всплеск интереса к специфике творческой деятельности, рост количества исследований феномена творческой активности со стороны специалистов из других областей научного знания: педагогов, социологов, экономистов. По словам американского психолога М. Чиксентмихайи, «творческие способности стали своего рода новой светской религией наших времен. Люди говорят о креатив-

ности везде, особенно в бизнесе, в области образования, и даже в политике. Это очень модная тема» [1].

Активизация интереса к феномену творчества, на наш взгляд, обусловлена в немалой степени особенностями развития современной экономики, которая за ее фундаментальную зависимость от инноваций в качестве одной из основных характеристик получила определение инновационной. В условиях инновационной экономики с ее постоянными и быстрыми изменениями рыночной конъюнктуры предприятие, чтобы сохранить свои рыночные позиции, вынуждено, с одной стороны, постоянно модернизироваться, подстраиваясь под изменяющиеся условия, а с другой — само заниматься разработкой новых товаров или модификацией уже выпускаемых. По мнению З. Баумана, «главными источниками прибыли — особенно большой прибыли и завтрашнего капитала — все больше становятся идеи, а не материальные объекты (цит. по: [2, 163]). В докладе Международного аналитического бюро The Economist Intelligence Unit «Тенденции в экономике, индустрии и корпоративной жизни. Прогноз на 2020 год» подчеркивается, что наибольшая добавленная стоимость будет достигаться за счет интеллектуальной, а не материальной составляющей [3, 93—97]. Все это делает необходимым творческое отношение к труду со стороны всех участников трудового процесса, а наличие творческих способностей у работников становится одним из конкурентных преимуществ.

В связи с тем что творческий потенциал в условиях современной экономики становится одним из основных производительных ресурсов, начинается активное изучение креативных характеристик человека как субъекта экономической деятельности, а также методов стимулирования творческой активности и возможностей реализации творческого потенциала в производственных процессах. Задача развития творческих способностей работника ставится в качестве одной из первостепенных и перед системой образования, что находит свое отражение в закреплении креативной компетентности в образовательных стандартах подготовки специалистов, и в рамках одного из направлений современного менеджмента — *креативного менеджмента*. По мнению Н.А. Горелова, задачами креативного менеджмента являются: повышение качества мышления и интеллектуально-креативного развития человека, определение его потенциала и эффективной мотивации креативной деятельности; управление креативностью [3]. В свою очередь, поощрение и культивирование креативности всеми доступными способами, по словам создателя концепции креативного класса Р. Флориды, становится задачей уже не только работодателя, но и самих

сотрудников фирм, а также сообществ, где эти фирмы расположены [4, 7].

Однако, на наш взгляд, повсеместное и всемерное стимулирование креативности может привести к неоднозначным последствиям как для самого производства, так и для всего общества в целом. Рассмотрим их более подробно. Согласно исследователям психологии креативности, проявление творческих способностей обычно сочетается с определенными личностными свойствами. Исследуя характеристики творческих людей, А. Маслоу выделил такие общие их особенности, как спонтанность, естественность, экспрессивность, богатство эмоциональных реакций. По его мнению, творческие люди также обладают автономностью и уверенностью в себе, поэтому их мышление и поведение в значительно меньшей степени поддаются социальному и культурному влиянию. Неизвестность, неопределенность не пугают их, а наоборот — притягивают и манят. В научной литературе также упоминаются такие черты творческой личности, как независимость в суждениях, уверенность в своих творческих способностях, предпочтение сложных задач, конструктивная активность в неопределенных и неразрешимых ситуациях, развитое эстетическое чувство, склонность к риску, самомотивация, выражающаяся в стремлении делать дело ради самого дела, просто из желания творить или решить задачу.

Безусловно, нестандартно мыслящие, готовые к осуществлению рискованных проектов (что является непременным условием осуществления инновационной деятельности), не нуждающиеся во внешних формах мотивации и внешнем контроле сотрудники представляют наибольший интерес для работодателя в условиях инновационной экономики. Однако, хотелось бы обратить внимание и на другие характеристики творческой личности. Так, несмотря на оптимистичные утверждения представителей гуманистической психологии об эмоциональной и социальной зрелости, высокой адаптивности, уравновешенности, оптимизме творческих людей, экспериментальные результаты в основном этого не подтверждают. Ряд исследований позволяет сделать вывод о высокой тревожности и плохой адаптированности творческих людей к социальной среде.

По мнению Ф. Баррона, для того чтобы быть творческим, надо быть немного невротиком, поскольку именно эмоциональные нарушения, искажающие «нормальное» видение мира, создают предпосылки для нового подхода к действительности [5, 175—176]. Между тем в основе подобных проявлений, сочетающихся с творческой активностью и являющихся ее побочным результатом, лежат определенные физиологические и психические процессы. Так, творческая актив-

ность, по сути, связана с изменением состояния сознания, психическим перенапряжением и истощением, что вызывает нарушения регуляции и поведения, а также может продуцировать психофизиологическое истощение. Рациональный контроль эмоционального состояния при творческом процессе ослаблен и в этой ситуации единственным ограничителем творчества становится истощение психофизиологических ресурсов (ресурсов бессознательного), что неизбежно приводит к крайним эмоциональным состояниям [5, 175].

Стимулируя творческую активность, мы, по сути, стимулируем и вышеуказанные процессы. Необходимо отметить и то, что, по мнению психологов, не только наличие определенного уровня креативности проявляет себя в личностных качествах, но справедлив и обратный процесс, а именно: развитие творческих способностей приводит к формированию определенных свойств личности. Согласно гипотезе исследователя психологии креативности В.Н. Дружинина, процесс повышения креативности имеет системный характер и, изменяя креативные свойства индивидуума, мы воздействуем на широкую область эмоционально-личностных свойств. При этом ограничить производимый эффект лишь сферой креативности, по-видимому, невозможно [5, 226].

Таким образом, всемерно стимулируя развитие креативности, работодатели рискуют получить работников, обладающих следующими характеристиками — асоциальных невротиков, с периодическими нарушениями регуляции и поведения. Что касается включения креативных личностей в производственный коллектив, то здесь также могут возникать определенные сложности, поскольку собственное видение мира, оригинальное бесконтрольное мышление и поведение, как правило, сочетаются с ярко выраженной неконформистской позицией. По мнению Н.Б. Березанской, «в гуманистических течениях задается утрированно асоциальная модель креативности — абсолютная спонтанность, свобода, ориентация на свои интересы и представления, а также собственные критерии оценки результата» [6, 99—101]. Реализация этой модели в сочетании с независимостью от группы, скорее всего, вызовет негативную реакцию социальной микросреды и неприятие творческой личности коллективом.

Другим аспектом затронутой нами проблемы, нам видится, осуществление творческой деятельности в рамках производственной системы. К характеристикам творческого процесса относят спонтанность, импульсивность, во многом бессознательный характер, надситуативность, понимаемую как независимость от внешних факторов, отсутствие алгоритма действий. Однако подобные характеристики

творческого процесса делают его непригодным для производственной деятельности, которая должна быть организованной, с прогнозируемыми результатами, поддаваться планированию и оценке с точки зрения экономической эффективности. С одной стороны, постоянная инновационная деятельность переводит современное предприятие в непредсказуемое, сложное состояние, трудно поддающееся планированию. С другой — пока условиями эффективности производственного процесса будут координация деятельности большого количества людей и концентрация их усилий в определенном направлении, контроль и планирование будут жизненно необходимы, поскольку в случае недостаточного контроля организация погибнет из-за слабой концентрации усилий и низкой эффективности.

Таким образом, налицо противоречие между природой творческой деятельности и требованиями эффективной организации производства. Кроме того противоречие наблюдается и в том, что творчество, в отличие от различных форм адаптивного поведения, происходит не по принципам «потому что» или «для того чтобы», а «несмотря ни на что», то есть творческий процесс является реальностью, спонтанно возникающей и завершающейся [5, 159], а творческая деятельность в рамках производственных процессов обусловлена и ограничена задачами, стоящими перед предприятием. По справедливому замечанию Т. Амабайл: «Для творческой идеи как фактора развития бизнеса недостаточно одной оригинальности. Она должна быть уместна, т. е. полезна и выполнима, а ее реализация должна тем или иным способом повлиять на бизнес» [7, 9]. Таким образом, творческая деятельность работников не может быть спонтанной и хаотичной. Она должна подчиняться необходимости производственных процессов, а значит, быть регулярной, систематической, целенаправленной.

Попытки совмещения противоположных характеристик и включения творческих элементов в производственные процессы, на наш взгляд, реализуются по нескольким направлениям. В первом случае творческие работники представляют собой отдельную группу, создаваемую для осуществления сложного проекта в установленные сроки с заданным уровнем качества в рамках выделенных для этой цели материальных, финансовых и трудовых ресурсов. При этом внутри установленных временных рамок они сами организуют свое рабочее время и определяют условия работы. Однако при таком подходе остальные работники могут быть недовольны привилегированным положением креативной группы, а также игнорируется возможность задействовать творческих потенциал всех остальных сотрудников предприятия.

Суть следующего направления состоит в применении к творчеству механизмов, используемых при организации производственных процессов. Инновационная экономика является современным этапом развития капиталистической экономики. По мнению Дж. Хиза и Э. Поттера, причины возникновения нового класса креативщиков лежат в самом капитализме, который по своей природе призван порождать «постоянный поток нового» в виде новых потребительских товаров, новых методов производства и транспортировки, новых рынков, новых форм организации и т. д. [8, 241]. Промышленное капиталистическое общество, в свою очередь, по мнению М. Вебера, в небывалой степени способствует развитию рациональности и рационализации общественных процессов с целью постоянного увеличения калькулируемости и управляемости поведением индивидов и институтов и тем самым обеспечения наиболее эффективных средств для оптимальной организации практик и институтов общества. В связи с высокой востребованностью в рамках инновационной экономики и современного производства творческих аспектов деятельности творчество как процесс также попадает под действие принципов рациональности, калькулируемости, эффективности, предсказуемости и контроля. Такие характеристики как иррациональность, бессознательность, спонтанность, надситуативность, уходят из содержания творческих процессов. Творчество, как процедура создания нового, объявляется управляемым и систематизированным процессом.

Так, по мнению А. Баркера — автора книги «Алхимия инноваций» — чтобы быть эффективным, творческое, инновационное мышление должно быть поставлено на службу четко определенной цели и работать по четко установленным правилам [9]. На практике это реализуется в многочисленных попытках исследователей выделить составные элементы творческого процесса, с тем чтобы потом воспроизвести их в заданных условиях, в стремлении целенаправленно задействовать процессы, происходящие в структуре бессознательного и сознательного введении человека в состояние измененного состояния сознания. Активизация творческого мышления производится при помощи применения различных методик стимулирования креативности, таких как мозговой штурм, синектика, метод Уолта, Диснея, ТРИЗ и др. Некоторые специалисты в области креативного менеджмента предлагают использовать элементы нейролингвистического программирования (НЛП) для повышения креативности сотрудников [10].

Вполне вероятно, что в стремлении стимулировать креативность сотрудников, менеджеры вспомнят, что некоторые наркотики, в частности марихуана, в малых дозах увеличивают активацию правого по-

лушария, что в свою очередь может вызвать повышение уровня креативности. Применение различных методик стимулирования креативности делает творческую деятельность систематизированной, ее результаты прогнозируемыми, а также позволяет повысить ее эффективность. Основатель фирмы «Сони» А. Морита однажды сказал: «Я могу приказывать рабочему прийти на работу в семь утра и работать производительно, но разве я могу велеть, чтобы ровно в семь моему инженеру пришла в голову удачная мысль?» [11, 89—90]. Но как раз организация мозгового штурма, синектического штурма или использование других техник стимуляции творческого мышления позволяют зафиксировать место и время осуществления творческих процессов, делают их управляемыми, а заданные параметры поиска новых идей, участие модератора, не позволяющего участникам отклониться от заданных параметров, направлены на повышение эффективности творческой деятельности.

Кроме того, в современном обществе повышаются масштабы применения так называемой вторичной, или комбинаторной, креативности, под которой понимается порождение относительной новизны: культурный перенос идей, понятий, структур из одной области мира в другую [12]. Комбинаторный характер такого рода творческой деятельности, на наш взгляд, наиболее ярко обозначен в высказывании Г. Драйдера «Если говорить совсем кратко, новая идея — это новая комбинация старых элементов. В ней [этой мысли] содержится ключ к нахождению новых решений. Нет новых элементов. Есть только новые комбинации» [13, 233]. Причиной популярности комбинаторной креативности, на наш взгляд, является то, что для перебора уже имеющихся элементов (идей, процессов, продуктов) и создания из них новых комбинаций не требуется богатое воображение, вдохновение. Эти процессы вполне могут осуществляться целиком на рациональной основе, например, при помощи использования техники морфологического анализа и доступны работнику с любым уровнем креативности.

Последнее направление включения творческих элементов в производственную деятельность состоит в трансформации характеристик производственных процессов в соответствии с существенными характеристиками творческой деятельности. Так, по словам Р. Флориды, «график работы, корпоративные правила и форма одежды стали более либеральными, подчиняясь особенностям творческого процесса» [4, 7]. График работы становится гибким, а рабочая обстановка более свободной, у работника появляется возможность до определенной степени самому определять условия работы, что создает благоприятные условия для проявления творческой активности. Однако творчество

самодовлеюще и зачастую творческие процессы невозможно ограничить рамками рабочего времени, что используется работодателем в своих интересах. Так, менеджеры отмечают, что ценность «мозгового штурма», например, состоит в том, что интересные решения рождаются у их участников не только во время самого «мозгового штурма», но и после его окончания: люди возвращаются с работы домой, а их мозг продолжает обрабатывать полученную информацию. Таким образом, работники придумывают идеи по усовершенствованию производства уже не в рабочее, а в свободное время, посвящая его не себе и своим близким, а организации, что по сути означает увеличение продолжительности рабочего дня. Самосовершенствование работников, например, овладение методиками стимулирования креативности является другим способом расширения рабочего дня за счет латентного включения в его структуру части свободного времени. В результате, по справедливому замечанию П. Кондрашова, «происходит то, о чем так мечтали классические капиталисты, — увеличение рабочего дня работника до его физических пределов!» [14, 50—57].

В заключение хотелось бы отметить появление в общественном сознании определенных установок, касающихся роли творчества в трудовой деятельности. А. Кармин называет их мифами (мифологемами) в силу их недоказуемости при кажущейся очевидности. К этим мифологемам он относит утверждения «всякий труд есть творчество, или во всяком труде есть место творчеству», «все люди рождаются творцами и стремятся заниматься творчеством» и «творчество всегда желательно и плоды его замечательны» [15]. Он же обращает внимание на кажущуюся гуманистическую направленность подобных мифологем, подразумевающих возможность самореализации и самоактуализации каждого человека в труде на рабочем месте. Однако необходимо отметить, что подлинная самореализация возможна когда человек сам выбирает для себя ее направления. В нашем случае человек не свободно реализует свои возможности, переводя их в действительность (что и означает саморазвитие), а вынужден формировать и проявлять новые поведенческие акты в зависимости от внешних условий, а именно от требований производства. Работодатель, в свою очередь, скорректировав творческие устремления работника и направив их в нужное русло, может многократно увеличить свою прибыль. При этом главной наградой работника может оказаться возможность реализовать свои творческие устремления и удовлетворить мотив самореализации. При этом не берется во внимание, что далеко не все виды трудовой деятельности предполагают отклонение от стандартов, некоторые профессии подразумевают четкое следование образцу.

Таким образом, порождаемая функционированием инновационной экономики востребованность творческой деятельности в рамках производства, а значит, в массовом масштабе, и вытекающее из этого всемерное и повсеместное стимулирование творческих способностей человека влекут за собой неоднозначные последствия, как для производства, так и для работника и для всего общества в целом.

Литература

1. *Чиксентмихайи М.* Как творится творчество. Текст лекции <http://polit.ru/article/2012/07/03/Csikszentmihalyi/>
2. *Бауман З.* Текущая современность СПб., 2008.
3. *Горелов Н.А., Литун О.Н.* Креативный менеджмент (менеджмент интеллектуально-креативной деятельности) // Креативная экономика. 2008. № 10 (22).
4. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее М., 2005.
5. *Дружинин В.Н.* Психология общих способностей. СПб., 1999.
6. *Березанская Н.Б.* Креативность в структуре инновационной деятельности личности // Инновации 2011. № 1.
7. *Амабайл Т. М.* Как убить творческую инициативу // Креативное мышление в бизнесе. М., 2006.
8. *Хиз Дж., Поттер Э.* Бунт на продажу. М., 2007.
9. *Баркер А.* Алхимия инноваций. М., 2003.
10. *Цыганкова В.Н.* Проблемы при реализации креативного менеджмента в организации // Креативная экономика. 2010. № 9 (45).
11. *Тоффлер Э.* Революционное богатство. М., 2008.
12. *Касавин И.Т.* Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб., 1999.
13. *Драйден Г.* Революция в обучении. М., 2003.
14. *Кондрашов П., Любутин К.* Глобализация и развитие индивида // Философия и общество. № 4.
15. *Кармин А.С.* Творчество как фердипюкс // Фундаментальные проблемы культурологии. Т. V: Теория и методология современной культурологии / Под ред. Д.Л. Спивака. М.; СПб., 2009.

Г.Ш. АИТОВА

Новые профсоюзы в России: этические аспекты рождения

Аннотация. В статье поднимается проблема первооснов возникновения нового поколения альтернативных профсоюзов в России. Обобщив результаты качественного социологического опроса, к таковым автор относит этические требования, а именно новое отношение к человеку труда, приоритет коллективной самоорганизации в защите достоинства личности, право на участие в производственном процессе как альтернатива патернализму. Показывается, что новая генерация свободных профсоюзов в бюджетных отраслях связывает свои профессиональные требования с всеобщим правом каждого человека на образование и здравоохранение.

Ключевые слова: новые профсоюзы, человек труда, самоорганизация, достоинство личности, патернализм, традиционные профсоюзы.

Abstract. In the article the author actualizes the problem concerning development backgrounds of new generation of alternative trade unions in Russia. Having generalized the results of qualified sociological research the author underlines the ethical aspects of their activity, namely, the new attitude to a human of labour, the priority of collective self-organization in protection human dignity, the right to participate in labour process as an alternative to paternalism. In the article it is shown that the new generation of alternative trade unions appearing in public sphere connects its professional demands with the universal rights of each human for education and health care.

Keywords: New trade unions, a human of labour, self-organization, human dignity, paternalism, traditional trade unions.

Россия принадлежит к числу тех стран, где численность экономически активных граждан равна больше половине ее населения. Согласно данным Росстата, она составляет 75,3 млн человек (53% от общей численности населения страны), хотя только 71,0 млн человек (94,2% экономически активного населения) заняты в экономике и 4,3 млн человек (5,8%) являются безработными [1]. Для одних экспертов такая статистика является основой для оптимизма, для других — поводом для очередной критики социально-экономической политики правительства. Однако за этими статистическими данными находится не менее драматичная проблема качества, условий и содержания труда конкретного работника. Сегодня такие категории либо исчезают из списка критериев творческого развития личности в процессе трудовой деятельности, либо подменяются понятиями, которые вычисляют уро-

вень прибыли, рейтинга, продаж организации, несмотря на то, в какой сфере она действует. Не будет преувеличением утверждение о том, что проблемы труда в современной России с точки зрения роли социального творчества работника не рассматриваются в качестве возможного повышения производительности.

Сегодня выдвигают на первый план трудовых отношений в стране выдвигается требование коллективной самоорганизации работников в качестве первоосновы в защите достоинства человека труда и их участия в трудовом процессе. С нашей точки зрения, в таком подходе просматривается нравственный аспект, который вскрывает более глубинную причину зарождения новых альтернативных профсоюзов, чем экономические требования. Исходя из такой позиции, важно понять, почему именно этические требования выдвигаются на первый план в деятельности новых профсоюзов и какие альтернативы они предлагают для того, чтобы наполнить их конкретным содержанием. Подобная постановка проблемы основана на результатах качественных социологических опросов, проведенных нами в 2012—2013 гг. среди активистов новых альтернативных профсоюзов, а также экспертов в сфере трудовых отношений.

Современное российское профсоюзное пространство весьма разнообразно. В нем существуют официальные, независимые, отраслевые, корпоративные и другого рода профсоюзы. Вместе с тем, когда речь заходит о профсоюзном движении в целом, то активно закрепляется деление профсоюзов на *традиционные* и *альтернативные*.

В чем суть такого деления? Исследователи придерживаются точки зрения, согласно которой в его основу заложен не хронологический, а деятельностный и организационный принципы. Под традиционными профсоюзами понимаются во многом преемники советских профсоюзов. Российский исследователь социологии трудовых отношений П. Бюзюков к признакам традиционного профсоюза относит: сохранность организационной структуры и кадров, эволюционный метод достижения соглашений, первенство интересов предприятия над интересами работников [2, 98]. Нередко традиционный профсоюз именуется официальным, тем самым подчеркивается определенная поддержка последним курса политического руководства страны. Альтернативность же понимается как отказ от бюрократизации, приоритет интересов работников, активные методы борьбы — забастовки, протесты, судебная практика [2, 99].

К числу традиционных, или официальных, профсоюзов относится, в особенности преемница ВЦСПС (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов) Федерация независимых профсоюзов Рос-

сии (ФНПР). Таким образом, черты традиционализма в практике официальных (традиционных) профсоюзов в первую очередь проявляются в использовании патерналистского сознания в среде наемных работников через сохранение, а не слом идеологии корпоративной связки интересов между администрацией и работниками предприятий, не к обретению навыков и характеристик социального партнера [3, 208].

Вместе с тем 1990-е гг. стали временем возникновения трех волн альтернативных профсоюзов [2, 38]. Первая волна связана непосредственно с зарождением свободных профсоюзов в 1990—1995 гг. В это время (1995) также возникают крупные свободные профсоюзные объединения — Конфедерация труда России (КТР) и Всероссийская конфедерация труда (ВКТ). Если первая была учреждена на базе Российского профессионального союза моряков, Российского профсоюза докеров, Федерации профсоюзов авиадиспетчеров, то инициаторами второго объединения стали «Соцпроф», Независимый профсоюз горняков и др. Однако в 2000 г. Объединение профсоюзов «Соцпроф» вышло из состава ВКТ. В 2008—2011 гг. начался процесс объединения двух конфедераций, который завершился в мае 2011 г. Объединительным съездом на базе Конфедерации труда России.

Вторая волна подъема свободных профсоюзов в 1990-е гг. связана со стачечным и забастовочным движениями в 1996—1998 гг. Последние во многом опирались на массовое недовольство социальной ситуацией в стране. Пиком второй волны альтернативных профсоюзов стала «рельсовая война» 1998 г., которая дала понять как работодателям, так и государству, что отрицание правового и конструктивного регулирования конфликтов может привести к массовым протестам и напряженности во всем обществе. Третья волна альтернативных профсоюзов восходит к 1998—1999 гг., когда профсоюзы сосредотачиваются на правовой защите интересов работников, на обращениях в суды.

Однако в 2000-е гг. ситуация в социально-трудовых отношениях кардинально меняется не в пользу наемных работников. В первую очередь в 2001 г. на смену Кодекса законов о труде (КЗоТ), который закреплял трудовые гарантии, доставшиеся нам от советской эпохи, принимается новая редакция Трудового кодекса. Принципиальными новшествами Трудового кодекса являются иной — ограниченный — статус полномочий профсоюзов в защите трудовых прав работников. Новое законодательство о труде (1) заменяет существовавший ранее институт *предварительного согласия* профсоюза относительно решений администрации предприятия на *норму учета мнения* профсоюзной организации; (2) практически упраздняет законные рамки проведения

забастовки; (3) устанавливает минимальные размеры штрафов в адрес работодателя за нарушение норм трудового права; (4) ограничивает полномочия территориальных объединений профсоюзов, передав право ведения коллективных переговоров первичной профсоюзной организации. Последнее обстоятельство ведет к тому, что малоопытные профсоюзные инициаторы лишаются законно допустимых возможностей привлечения более подготовленных и обученных профактивистов вышестоящих и других профсоюзных организаций для разрешения трудовых конфликтов в организации. Другой особенностью трудовых отношений в 2000-е является тот факт, что роль государства как арбитра между наемным трудом и работодателями становится все менее ощутимой [4].

В таких условиях зарождается новая генерация свободных профсоюзов, к которым в первую очередь следует отнести Межрегиональный профсоюз работников автомобильной промышленности (МПРА, переименованный на III Съезде в ноябре 2013 г. в Межрегиональный профсоюз «Рабочая ассоциация»), Межрегиональный профсоюз работников образования «Учитель», Межрегиональный профсоюз работников «Новые профсоюзы» («НОВОПРОФ»), Межрегиональный профсоюз медицинских работников «Действие», Межрегиональный профсоюз работников высшей школы «Университетская солидарность» и др.

Какие особенности зарождения новых профсоюзов поднимают проблему этических основ трудовых отношений?

Во-первых, это *новое отношение к человеку труда*. На чем активно настаивают новые альтернативные профсоюзы, так это на том, что само понятие «профсоюз» означает не отдел социального обеспечения предприятия (учреждения), не сообщество лидеров, решающих самостоятельно, как и в какой мере отстаивать интересы его членов, а в первую очередь непосредственное участие и деятельность каждого работника в борьбе за достойное отношение к человеку труда, и только потом — за условия, безопасность, оплату труда. Без активного участия каждого члена в борьбе за трудовые права нет и профсоюза. Одним словом, член профсоюза — это не некая единица в бухгалтерских расчетах по членским взносам либо в статистике его численности, а субъект трудовой самоорганизации. В своей позиции едины представители МПРА, считающие, что профсоюз могут создать только личности, способные в первую очередь отстаивать свое человеческое достоинство. В своем интервью (ноябрь 2012 г.) председатель МПРА А. Этманов отметил, что препятствие на пути к равноправным трудовым отношениям, к равенству между работником и работодателем, будет

устранено, «...когда работник изживает в себе раба, когда принцип “я — начальник, ты — дурак”, с которым многие рабочие соглашались, будет изжит; когда человек, работая на предприятии, чувствует себя человеком, а не винтиком, рабом; когда работник сможет высказываться по любой проблеме, участвовать в управлении предприятием, когда рабочие будут солидаризироваться друг с другом, они будут отстаивать общие интересы». Профсоюзный организатор МПРА в г. Калуге отметил иной аспект: «Сегодня работодатели повсеместно воспринимают себя в роли всевластных монархов, которые абсолютно не желают считаться с интересами работников просто так, без кого-либо давления и не стремятся следовать правилам. Мы сталкиваемся с тем, что не соблюдаются закрепленные законом права работников, положения коллективных договоров и т. д.» (ноябрь 2013 г.).

Такое понимание и предназначение человека труда как личности, достойной равноценного признания в отношениях производства, легли в основу деятельности МПРА, который справедливо считается в современной России образцовым примером профсоюза. Профсоюз был создан в сентябре 2006 г. Первичной профсоюзной организацией работников «Форд Мотор Компани» ЗАО (г. Всеволожск) и Первичной профсоюзной организацией работников ОАО АВТОВАЗ «Единство» (г. Тольятти). МПРА является членом Конфедерации труда России и Международной федерации металлистов. Сегодня профсоюз включает рабочих более 16-ти предприятий автомобильной промышленности, численностью более 4000 человек.

Само рождение МПРА протекало не в результате решений ряда профсоюзных лидеров, а благодаря низовым усилиям самих рабочих в период коллективной забастовочной борьбы на всеволожском заводе «Форд» в 2006—2007 гг. Ее принципиальное отличие заключалось в предварительной информационной кампании в течение нескольких месяцев, которую проводили активные рабочие. Они развеивали мифы об антизаконности забастовки, распространяли данные о прибылях компании, рекомендовали рабочим не прибегать к большим затратам, в особенности не приобретать вещи в кредит, одним словом, изменяли мышление трудящихся завода. В этом во многом проявляется новизна подходов МПРА к организации профсоюза. Учитывая законодательное ограничение гарантий для лидеров и членов профсоюза, активисты МПРА советуют своим товарищам из других предприятий прежде, чем заявить работодателю о создании первичной организации, создать инициативную группу рабочих, желающих участвовать в создании профсоюза.

В подобных случаях основная задача состоит в моральной подготовке, в обучении работников, во время которых проигрываются возможные методы давления со стороны работодателя как реакция на выдвинутые требования активных трудящихся. Такая стратегия создания профсоюза стала залогом успеха МПРА, в особенности на заводах «Фольксваген» и «Бентелер-Аутомотив» в Калужской области, «Дженерал Моторс» и «Ниссан» в Ленинградской области (на заводе «Ниссан» профсоюз добился ежегодного перевода в штат работников, трудоустроенных через агентства); в сборе подписей для запуска коллективных переговоров (на заводе «Дженерал Моторс» таким образом было собрано более 1200 подписей).

Во-вторых, сегодня основными чертами традиционализма в трудовых отношениях являются остатки патерналистского сознания в нашем обществе. Если говорить о трудовых отношениях, то, по словам социолога А. Темницкого, «реальная сила патернализма такова, что можно утверждать, что еще никогда, ни в трудовой артели, ни в советском трудовом коллективе работник не был так зависим от своего начальства, как сейчас при экономическом господстве хозяев и беззащитности работников» [5], а по замечанию одного из члена Конфедерации труда России, «работник боится защищать свои права на генетическом уровне».

Такого рода «патернализм» становится не менее сложным препятствием к солидарности среди наемных работников, чем антипрофсоюзная политика работодателя. На наш взгляд, альтернативное отношение новых профсоюзов к пассивному поведению работников в вопросах профсоюзной самоорганизации, прежде всего, произрастает из понимания того факта, что качество и производительность труда прямо пропорциональны творческой активности работника. Иными словами, сам факт труда не рассматривается в качестве отчужденной силы, которая имеет посредственное отношение к человеку. Напротив, через солидарность работников активисты новых профсоюзов видят реальную возможность влияния каждого работника на содержание трудового процесса, а не на достижения сугубо личных или частных интересов его членов. В своем интервью (ноябрь 2012 г.) один из членов МПРА на заводе «Дженерал Моторс» в Ленинградской области в качестве совета для профсоюзов особенно подчеркнул следующий момент: «Во-первых, надо забыть про опоздания, мелкие погрешности в дисциплине. Надо себя вести дисциплинированно, уважать себя. Во-вторых, учиться, читать профсоюзную литературу. Когда я слышу, что работник говорит: “Я прогулял, мне надо из профсоюза выходить”, — для меня такие вещи непонятны, я не прихожу на работу, чтобы смену

отстоять. Я бы хотел, чтобы каждый работник так начал думать, а ведь многие об этом не задумываются. Они просто смотрят на часы, им безразлично, как и что с ними происходит на предприятии». Член профсоюза МПРА на заводе «Ниссан» в Ленинградской области (ноябрь 2012 г.) также порицает отношение к профсоюзу с позиции частного интереса: «Те члены профсоюза, которые получили личную поддержку от профсоюза, — это самые слабые члены. Это те люди, которые в моменты противостояния с работодателем, выходят из профсоюза, то есть они получили, что хотели. Осознанно вступают в профсоюз очень мало. Из тех имеющихся членов, 20 — это те, которые работают давно на заводе».

В сущности, наследие патернализма, трансформируясь либо в частный интерес, который едва ли может стать основой коллективной самоорганизации, либо в стратегию приспособления к сложившейся ситуации, обретает формы равнодушия и апатии ко всему тому, что происходит за порогом собственного личного или семейного пространства. В этом смысле новые профсоюзы, помимо прочего, занимаются и вопросами жизни человека как общественного существа, которые, в конечном итоге, и определяют содержание и его отношение к труду. Одним словом, вырожденной форме патернализма противопоставляется совершенно иное отношение к общему делу, а именно, неотвратимость участия каждого работника в выработке и реализации того или иного решения, если он (или она) сделал выбор в пользу профсоюзной деятельности. В своих словах представитель МПРА в Санкт-Петербурге (ноябрь 2013 г.) этот аспект выразил следующим образом: «Не бояться, не продаваться, объединяться и совместными усилиями отстаивать свои интересы. Девиз нашего профсоюза — это слова героя рабочего движения США начала XX века, Дж. Хилла, который написал в своем последнем письме: “Не надо плакать — организуйтесь!”. Это наш девиз уже много лет, он — везде: на листовках, на вымпелах. Поэтому это главное пожелание, не надо думать, что приедет барин и все рассудит, — это такое старое крестьянское понимание. Если приедет барин, он будет рассуждать в свою сторону. Нужно брать свое дело в свои руки и становиться полноценными участниками этих трехсторонних отношений, и не давать на откуп не своим лидерам, ни кому другому, кто за Вас пожелает определять Вашу жизнь».

Именно такое «крестьянское понимание» трудовых отношений ведет к тому, что детерминация от самых незначительных до самых главных сторон жизни трудового коллектива присваивается либо менеджментом предприятия, либо бюрократией в ее разных ипостасях,

если идет речь о государственных организациях. В частности, созданию профсоюза работников высшей школы «Университетская солидарность» в 2013 г. предшествовала кампания по сбору подписей под Открытым письмом несуществующему сообществу преподавателей российской высшей школы, где подчеркивалось засилье бюрократии, вытесняющей на задворки университетской жизни ее основных субъектов — преподавателей и студентов: «Мы считаем недопустимым, чтобы и в дальнейшем судьбы нашего образования и наши судьбы находились в руках государственной и вузовской бюрократии, которая проводя бесконечные “реформы сверху” преследует, прежде всего, свои личные интересы. Их некомпетентность, недееспособность и сребролюбие выявились слишком очевидно и лишили их нашего доверия» [6]. А в качестве основных лейтмотивов профсоюз «Университетская солидарность» выбрал лозунги «В борьбе обретем мы право свое!», «Да здравствует университетская автономия! Долой всевластие вузовской бюрократии!».

В-третьих, если ранее альтернативное профсоюзное движение зарождалось в мужских отраслях: таких, как транспорт, автомобильная промышленность, где основная часть лидеров — это мужчины, то в последние годы новые профсоюзы стали возникать и в бюджетных сферах, в образовании, здравоохранении, которые, как правило, являются сферой занятости женщин. В этом также проявляется их новизна, когда женщины становятся инициаторами профсоюзной деятельности, участвуют в создании независимых профсоюзов, хотя этот процесс идет медленно. Однако, следует показать, что сам факт зарождения новых профсоюзов в бюджетной сфере, которая и в 1990-е гг. являлась «пространством» компетенции традиционных профсоюзов, говорит, с одной стороны, о нарастающих проблемах в государственной социальной политике, с другой стороны, о том, что традиционные профсоюзы демонстрируют и в этой сфере неспособность влиять на государство как на основного работодателя в данной области трудовых отношений.

В чем кроются основные причины самоорганизации работников данных значимых социальных сфер? Если говорить о работниках высшей школы, объединившихся в апреле 2013 г. в профсоюз «Университетская солидарность» (присоединился к КТР), то ключевыми проблемами, подталкивающими университетское сообщество к самоорганизации, как раз выступают бюрократический произвол администрации; непрозрачность функционирования вузов; несогласие с реформами, проводимыми государством в сфере образования; закрытость процесса принятия решений; ужесточение формальных требова-

ний к преподавателям; отсутствие прозрачности при проведении конкурса среди преподавателей [7]. В профсоюзе «Университетская солидарность» объединены преподаватели вузов из самых разных городов страны — Москвы, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Казани, Ижевска, Уфы, Воронежа и др.

Профсоюз «Учитель» является единственным новым альтернативным профсоюзом в сфере образования и также является членской организацией Конфедерации труда России (КТР). Профсоюз представлен в таких городах, как Москва, Санкт-Петербург, Пермь, Новосибирск. От других профсоюзов в составе КТР профсоюз «Учитель» отличается тем, что в нем представлены бюджетники, т. е. работодателем выступает государство. В этом проявляются недостатки и преимущества. Первые связаны с тем, что чиновники не готовы в чем-то уступать работникам и обладают огромными ресурсами, гораздо большими чем у рядового предпринимателя, а вторые — в отличие от бизнеса государству небезразлично к своей репутации. Этот факт обращается в пользу профсоюза. Другая особенность состоит в том, что трудовые права в бюджетной сфере сопрягаются с правом каждого на образование и лечение, что является безусловным плюсом. Более того, сами инициаторы профсоюза видят его новизну в мобильности, открытости, активности, неангажированности, отсутствии связи с политическими силами, стремлении к сотрудничеству с активистами смежных общественных сил.

Однако в силу своей малочисленности профсоюз «Учитель» пока не участвует в коллективных переговорах. Отраслевые соглашения, действующие в сфере образования, формальны, так как они подписываются с официальным профсоюзом. Между тем «Учитель» большую часть усилий направляет на решение трех задач: 1) доведения информации о профсоюзе и его правах до работников; 2) получения и распространения информации о реальной ситуации и изменениях в нормативной базе; 3) попытки воздействовать на власти с целью изменения законодательства в выгодную для работников сторону.

За последнее время проводимые реформы в сфере российского здравоохранения также сказались на ухудшении трудовых прав медицинских работников. Сегодня в стране существует единственное альтернативное объединение работников отрасли здравоохранения — Межрегиональный профсоюз медицинских работников «Действие», основанный в конце 2012 г. Инициатива создания профсоюза связана с осознанием ее членом того факта, что сейчас граждане РФ переживают крайне болезненные изменения в социальной сфере — полный отказ государства от социальных обязательств перед обществом; коммерци-

ализацию таких гарантированных основным законом сфер, как образование и здравоохранение. При этом содержание реальной заработной платы не соответствует росту цен на основные товары народного потребления.

Однако уже сейчас профсоюзная организация вводит понятия и инструменты самоуправления в учреждениях, где функционируют ее первичные профсоюзные организации. Весной 2013 г. профсоюз «Действие» уже организовал ряд «итальянских забастовок» в поликлиниках Ижевска. Медики, члены профсоюза, выступили с требованиями повышения зарплаты и снижения нагрузки и добились уступок со стороны региональных властей. К одной из первостепенных задач профсоюза относится налаживание и укрепление солидарных связей как во внутренней инфраструктуре организации, так и с другими профессиональными союзами и их объединениями [15].

Несмотря на то, что новые профсоюзы малочисленны, они все-таки развиваются — в первую очередь из осознания того, что современные трудовые отношения в стране эволюционировали вспять, размывая само право человека реализовать себя в труде как личность. Поэтому основным толчком большинства новых профсоюзов становятся требования нравственно-этического содержания, которые способны стать основой широкого развития практики человеческой солидарности в трудовых отношениях.

Литература

1. Росстат. 2. Занятость и безработица // http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_01/IssWWW.exe/Stg/d02/3-2.htm.
2. Бизюков П. Альтернативные профсоюзы: три эпохи // Профсоюзное пространство современной России / Под ред. В. Борисова, С. Кларка. М., 2001.
3. Тюрина И. Становление социального партнерства в России // Профсоюзное пространство современной России / Под ред. В. Борисова, С. Кларка. М., 2001.
4. Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я., Мандель М.Д. Социально-трудовые права и свободы: российские и международные принципы, нормы, проблемы. М., 2008.
5. Темницкий А. Трудовое поведение наемных работников в условиях состоявшейся адаптации: методологические подходы и некоторые результаты исследований // Доклады II Всероссийского социологического конгресса «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы. Т. 1. М., 2004.

6. Открытое письмо несуществующему сообществу преподавателей
российской высшей школы // <http://unisolodarity.ru/?p=165>.

7. Местные инициативные группы //
http://unisolodarity.ru/?page_id=422.

VII

РЕЦЕНЗИИ И

ОТКЛИКИ

Ф.И. ГИРЕНОК

Два взгляда на философию*

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы существования философии, в особенности русской философии. Суть этих проблем состоит в том, что русская философия мало кого интересует. В статье утверждается, что в философии не существует общепринятого, что философия всегда эпатажна, всегда говорит не то, что от нее хотят услышать.

Ключевые слова: философия, Осипов, София, ум, Булгаков, русскость.

Abstract. The article discusses the problem of the existence of philosophy, especially of Russian philosophy. The essence of these problems is that Russian philosophy few people are interested. This article argues that there is no conventional philosophy that philosophy is always shocking, always says is not what they want to hear from her.

Keywords: philosophy, Osipov, Sofia, mind, Bulgakov, Russian identity.

В статье Ю.М. Осипова «Парижские перипетии» сформулирован ряд проблем философии вообще и русской философии в особенности.

Существуют два взгляда на философию: один из них представлен проф. А.М. Пятигорским и М.К. Мамардашвили, другой — проф. Ю.М. Осипов. В первом случае утверждается, что нет никаких национальных философий, нет никакой немецкой, французской и тем более русской философии. Есть философия вообще, и она не зависит от этнической принадлежности ее носителей. Во втором случае отстаивается другой тезис, а именно: сначала были греки, а потом они изобрели философию, а не так, что сначала была какая-то философия, а потом уже ее приняли греки. Для Пятигорского философия — набор обезличенных приемов мышления, для Осипова философия — самосознание человека. Мне ближе взгляд на философию Ю.М. Осипова, и вот почему.

* Отклик на: *Осипов Ю.М. Парижские перипетии // Философия хозяйства. 2013. № 4.*

Русскость

Приведу цитату из статьи М.Ю. Осипова: «Доколе же образованным русским людям... разъяснить, что есть она — Россия; что все еще обитают в ней русские — как по крови, так и по призванию... она же и русская духовная субстанция, называемая русскостью...» (С. 257).

Русскость была до философии и даже до православия. Она взяла из христианства то, что было ближе русской душе. Из философии она взяла то, что было ближе русскому устроению. Но если это так, то почему же тогда русская философия находится сегодня за пределами внимания русского человека? Почему она выпадает из нашего непрерывно длящегося настоящего и застывает в прошлом? Почему сегодня нам ближе Бодрийяр, а не Булгаков?

«Прошлость Булгакова»

С.Н. Булгаков относится к тем, кто формировал русское философское сознание в XX в., кто разрабатывал его аксиоматику. Он софиолог, теоретик всеединства. Почему же Булгаков не стал властителем наших сегодняшних дум? Почему он, — спрашивает Ю.М. Осипов, — воспринимается нами как бунтарь-одиночка? Может, он устарел, и нас с ним больше уже ничего не связывает? Как ни странно, но дело не в Булгакове, а в нас самих. А что с нами-то? Мы, — говорит проф. Осипов, — привыкли жить в мире понятного, общепринятого, стандартного, а Булгаков — революционер духа. И философия — она тоже революционерка. Она расшатывает незыблемое и ставит под сомнение привычное. Булгаков думал сам, а мы повторяем то, что думают на Западе? В чем состоит идея современного философского мышления на Западе? В том, чтобы множить различное. Например, нас убеждают в том, что сколько существует людей, столько существует и истин. Нет двух похожих истин, все различно и все множественно.

А в чем состоит воззрение философов всеединства? В чем состоит воззрение Булгакова? В том, что нет двух истин, есть одна истина, и она одна на всех. Одна истина показывает себя не всем, а тем, кто верит. А тем, кто не верит, показывает себя не истина, а воспроизводящееся различие, которое не может преодолеть мышление. Чтобы жить в мире, достаточно иметь ум, который помогает различать. А для того, чтобы создать мир, нужен не ум, — говорит Булгаков, — а нужна София Премудрость Божия. Отказываясь от Софии, мы отказываемся не от Булгакова, не от софиологов и теоретиков всеединства, мы отказываемся от творчества, от возможности думать самим.

Булгаков *жил*, чтобы думать, а мы *думаем*, чтобы жить.

В.А. КУТЫРЁВ, А.С. НИЛОГОВ

Время высоких технологий: взлет и падение человека *

Аннотация. Продолжение интервью Алексея Нилогова с автором книги «Время Mortido» (СПб., 2012) Владимиром Кутырёвым на тему: «Надо ли людям “улучшать человека”?» Оно переросло в диалог, смысловая конструкция которого строится как спор «прогрессора» с «консерватором». Собеседники дают разные, чаще противоположные оценки перспектив человечества и существующих взглядов на них. Рассматриваются соотношение бытия и ничто, постмодернистская трансформация человека в «иное», подрыв фундамента жизни через размывание полов и возникновение слабых (мыслящих) и сильных (программируемых) зомби.

Ключевые слова: бытие, ничто, трансгуманизм, зомби, программирование, апокалипсис, гомосексуализм, антиязык, консерватизм.

Abstract. The rest of the interview Alexei Nilogov with the author of the book: «Time Mortido» St. Petersburg, 2012 Vladimir Kutyrev on the topic: «Should people “to be better man”?» It grew into a dialogue, the semantic structure of which is constructed as a dispute «progressor» and «conservator». Buddies give different, often contradictory assessments of the prospects of humanity and the existing views on them. The correlation of being and nothingness, postmodern transformation of man in «other», undermining the foundation of life through the erosion of the sexes and the appearance of weak (minded) and strong (programmable) zombies.

Keywords: the being, the nothingness, transhumanism, zombies, programming, apocalypse, homosexuality, antilanguage, conservatism.

А. Нилогов. Если название вашей книги «Время Mortido» «перевести с Фрейда», то будет «Время влечения к смерти». Вы имеете в виду, что современное человечество устремилось в могилу, на съедение червям?

В. Кутырёв. Это, конечно, ваше упрощение, надеюсь, провокационное. Речь идет о тенденции к замене всего живого и естественного техническим и искусственным. О замене предметной среды обитания человека — виртуальной, вещей — симулякрами, духовности — расчетом, культуры — технологиями и т. д. А человек по субстрату и генезису все-таки живой, естественный. Потому он в кризисе, физическом и душевном. Окружил себя немислимым богатством, комфортом, будто бы «для райского наслаждения» и — теряет ощущение жизни,

* Продолжение (см.: *Философия хозяйства*. 2013. № 1).

способность к радости, чувству красоты и понимание смыслов. Становится депрессивным, механичным, «зомби». Радикально меняется, исчезает его *Lebenswelt*, жизненный мир. В передовых по этим параметрам странах появился термин: *Undead* — немертвый. Мы не живые, а только немертвые. Новые, так называемые «высокие», технологии предлагают идти дальше — заменить это биосущество техническими артефактами, пересадив его интеллект «на кремний». Прельщают бессмертием. Но если бессмертный, то тем более неживой. Умереть можно по-разному — уйдя вниз, в могилу, или вверх, превратившись в нечто принципиально другое. Это будет не наша, чужая, пост(транс)человеческая форма бытия. Таким образом, *Mortido* в философском смысле — влечение к самоотрицанию в виде перехода в Иное.

А.Н. Во всех публикациях, и особенно в обсуждаемой книге, вы выступаете как «защитник бытия», противник «ничто» и нигилизма. При этом опираетесь на М. Хайдеггера. Но М. Хайдеггер считал, что причиной нигилизма является забвение вопроса о ничто, а отнюдь не забвение вопроса о бытии (богатая сущим метафизика).

В.К. Вы упорствуете в убеждении, что Хайдеггер был противником бытия и апологетом ничто. Это дух последнего времени, под который вы его подгоняете. Рефлекс, а не рефлексия. Что нигилизм есть результат забвения бытия, происходившего в процессе человеческой истории и выразившегося в метафизике, как бы общее место в представлениях о философии Хайдеггера. Я могу об этом только напомнить, не занимаясь самодеятельностью, а отослав к учебникам (не все, что там написано, «устарело и чепуха»), потому что по сути своей оно адекватно хайдеггерианству.

Хайдеггера задушили в объятиях, сделав приставным носом к чему угодно. Постмодернисты умудрились объявить его «своим». Они, интеллектократы, информанисты, деконструктивисты, виртуалисты — его, ориентировавшегося на мифы и поэзис, фундаменталиста и консерватора, едва прикрытого реакционера, певца почвы, крови и семени, конечно, не по недомыслию приставшего к НСДАП и не вышедшего из нее лично, до роспуска в 1945 г. — вы сами пишете: Хайльдеггер. Они берут его в союзники. Кто сознательно (если можно приделывать усы Джоконде, то почему не сделать постмодернистом национал-социалиста), кто по искреннему непониманию. И вот теперь к его авторитету, желая приватизировать, подбираются зомби, нелюди, людены и прочие враги человеческой формы бытия. К нему, ярому «биокону». Прошлое заложник настоящего и стадной глупости людей, хотя бы и ученой, нет предела.

А.Н. Какая разница для интеллекта, какой субстрат будет у его носителя — биологический или кремниевый? Или вы считаете, что на прогресс должен быть наложен всемирный мораторий? И как быть с теми людьми, которым стыдно оставаться людьми — рядом с плодящейся нищетой? Разве вам не стыдно быть человеком, особенно после кровавой истории XX в. (которая, к счастью, закончилась, потому что ничему не учит) — после холокоста (хотя бы во имя грядущего сверххолокоста?) и других извращений гуманизма? Не пора ли с почестями похоронить труп Человека, а не заниматься его консервацией (или того хуже — с прицелом на последующие эксгумации), по максимуму используя достижения научно-технического прогресса (разрабатываемая трансгуманистами крионика)? Если история человечества закончилась, то ради чего ему жить? Если вы такие смертные (все еще хвастающиеся своей смертностью, по Ницше), то почему вам не хватает мужества у(вы)мереть раз и навсегда?..

В.К. Ой-ой! Вы, человек, что вы несете: «похоронить труп Человека и прочее...»?

Ваша критика человека и гуманизма, призывы похоронить их, есть от(вы)ражение той самой истерии самоуничтожения, которая охватывает сейчас передовое человечество, готовя почву для замены человека сначала зомби, киборгами, а потом просто чем-то любим, хоть «консервной банкой», лишь бы искусственным. Случилось самое страшное, что может случиться: человечество охватывает волна к автогеноциду. В лице своего молодого и наиболее прогрессивного отряда, *человек больше не хочет быть человеком*. Он хочет превратиться в нечто другое (посетите, например, любую конференцию по трансгуманизму). Жаждет роботизации. Идет мировоззренческий отказ от гуманитарной парадигмы, который и есть проявление антропологической катастрофы (М. Мамардашвили), еще недавно мыслившейся как нечто чудовищное, а теперь она приходит «на голубиных лапках» и все большим числом людей, в том числе инерционно считающих себя гуманистами, приветствуется. Вы туда же: «стыдно быть человеком», «похоронить труп Человека». А мне, извините, стыдно слушать эту модно-праздную болтовню, по сути, опасные эпатажные глупости. Да успеется, куда торопитесь. В общефилософском плане все это коррелирует, точнее, является частью идеологии постмодернизма, трансформирующегося в трансмодернизм. Метафизическая сущность которых (вместе) — человекофобия. Пост(транс)модернизм в целом есть отражение происходящей на глазах всех, кто хочет видеть, замены естественной, макро-, вещно-предметной и живой среды нашего бытия искусственной, информационно-виртуально-коммуникационной, мега- (космо) и микро- (нано) технологической реальностью.

Хотя отрицать и дискредитировать человека для полной победы над ним недостаточно. Совсем смелые, наиболее последовательные и без(д)умные технократы и эвтаназаторы говорят уже о трансвитализме, т. е. преодолении жизни на Земле и ликвидации традиционных, исторически возникших на ней любых живых существ как наилучшем способе решения все наших (?), прежде всего, экологических (!) проблем (где-то видел на эту тему Ваше интервью с неким «окончательным» энтузиастом прогресса В. Кишинцом). Нет человека — нет проблем, это все-таки мало. Не будет живого — тогда и наступит настоящая жизнь. Бессмертная, в соответствии с последними достижениями техники, например, в форме «постчеловека». Идеал транс(ин)новационизма — когда все существует для того, чтобы скорее исчезнуть, заместиться чем-то новым. Потом опять новым. В конце — стать голограммой (другое название виртуального состояния, в котором многие уже находятся, чаемый идеал счастья Д.И. Ицкова, возглавлятеля доктрины «Бессмертие — 2045», без тела и объемов — ангелы будем! И опять транс в новое. В архангелы? — В дурную бесконечность. Мечтания двенадцатилетних подростков — такова суть оптимистической футурологии. И утрата всякой мудрости, да что мудрости, полная потеря здравого смысла, да что здравого смысла, обыкновенное сумасшествие, да необыкновенное — наукогенное.

В бесконечность, по пути самоликвидации. По дороге в ад (The Road to Hell), как поет об этом известный рок-музыкант Крис Ри (Chris Rea).

Некоторые, правда, это безумное движение уже «останавливают», превращая в «бесконечные информационные поля» или «разумные ландшафты», где неизбежно непрерывный прогресс почему-то (почему?) ус-пока(о)ивается [2, 9]. А говорили: «не остановишь». Как видим, можно, останавливают, лишь бы не на человеке и его феноменологическом мире, а чтобы двигаться к смерти. К тому же, если все информация и разум (бессмертные?), то это — Бог, если все поля и ландшафты, то это — Материя. Вот вам новейшее историческое воспроизведение вечной метафизической оппозиции.

Я не питаю иллюзий, что «ставших трансгуманистами» можно переубедить. Потому что сознание этих людей уже переформатировано силами «Иного» на бессознательном уровне, и никакая логика, призывы к самосохранению им не указ. Если человеком овладела воля к небытию, он будет говорить все что угодно, вплоть до явного абсурда, лишь бы оправдать (само)убийство существующего вида *Homo sapiens*. Не случайно же то и дело ожидания конца света, его перенос на новые сроки. Потому что *он происходит* — здесь и сейчас, вполне реально. Не обязательно мгновенно, в дыму и пламени, а — *эпоха*. Я

все-таки книгу назвал «Время Mortido» не зря, потому что новационизм, идеология инновационизма, когда все вещи считаются существующими не для того, чтобы быть, жить, работать, а скорее исчезнуть, замениться другими, более совершенными, — это растянутый во времени, непрерывный апокалипсис, фактическая цель переднего края технауки. Неужели вас не беспокоят, например, уже не тенденция, а начавшееся прямое убийство людей летающими роботами (в варианте беспилотников), прослушивание всех сущих на Земле, которое практикует «Большой демократический брат», без суда и следствия, сам определяя, кто прав или виноват, выбирая, что ему (не) нравится. Или печальный юмор: нас, профессоров, на заседаниях диссертационных советов сажают на 3—4 часа под арест, как в тюрьмах, правда, вместо электронного браслета — видеокамера, из-под глаза которой нельзя встать и выйти, как было раньше, с разрешения регулирующего процедуру защиты председателя. Члены Совета, прямо по сценарию Дж. Оруэла, пытаются найти место, куда бы телескрин не доставал. Позор, дикость — но все с этим смирились. Что же должно случиться в мире, чтобы так называемые мыслящие люди сбросили с себя морок технического прогресса и хотя бы задумались? «Признаюсь, — пишет популярный сейчас у молодежи, по крайней мере, в Европе, Фредерик Бегбедер, — меня изумляет всеобщее равнодушие к начавшемуся концу света» [3]. Пишет с легкой иронией, как литератор и художник. Я с ним согласен, только без иронии. Говорят, что у человечества нет идеалов. Неправда, есть: *великая цель современной цивилизации, ее передового отряда — конец света, т. е. уничтожить свой феноменологический мир, в котором оно может жить. И заменить себя искусственными интеллектуальными системами. Трансгуманизм — результирующее, концентрированное выражение этой идеологии.*

А.Н. Понятно, что вы ярый противник трансгуманизма. Однако, не кажется ли вам, что, например, зомби намного гуманнее, чем современные люди (про примеры альтруизма среди животных я вообще умолчу)?

В.К. Вот дожили. Уж(ас)е и зомби (и животные?!), лучше людей. Я думал, что, говоря о самоотрицании человечества, я слишком радикален, пугаю, профилактически преувеличиваю, зарываюсь, подставляя борта для обстрела критикам. Увы, техногенное пере(вы)рождение нашей цивилизации столь стремительно, что только захочешь предупредить, напугать — глянь, «приняли», со всем согласились. Ничего не боятся. Скажи им/вам: превращаетесь в грязь, в плесень. Ответ будет: ну и что, если эта плесень новационная, да прогрессивная, да по науке. «Творческая смерть», — придумал свою новацию М. Эпштейн, почему-то еще не верящий в бессмертие (отсталый человек). Да что вы

под зомби понимаете? Я скажу, что имею в виду, произнося это слово, тогда будет понятно и про «гуманизм».

Интерес, возникший у людей развитых стран к феномену зомби, не случаен. Если ответить кратко — потому что *они сами ими становятся*. Сначала интерес, а потом начнут оправдывать. И любить. Вы, кажется, уже начали. Любая патология, став реальностью, в конце концов, возводится в норму. Увы.

Зомби — существо, которое во всем подобно человеку, но все делает механически, не испытывая чувств, без души, без «внутреннего», как бы подчиняясь приказам извне. Как живой мертвец, или «немертвый» = undead, или мертвый, но не погребенный (в славянской мифологии — вурдалаки). Выйдя из языческой религии вуду, зомбизм инфинцировал передовой отряд современной цивилизации. Теме зомби уделяют возрастающее внимание кино, литература, возникла мифология зомби, ее интенсивно эксплуатируют масс-медиа и поп-культура. Сайт телеканала «Россия—1» уже называется zoomby.ru (коварное, между прочим, название с точки зрения оценки роли телевидения — как «начальство» это не заметило?).

В философии сознания, например, о зомби вначале говорили в доказательство тупика, в который попадает теоретик, сводящий сознание к физиологической работе мозга или к информации. Постепенно, однако, стрелка барометра стала склоняться в пользу зомби. Пошли толки о том, что для эволюции сознание — с его сомнениями, неоднозначностью выводов, субъективными оценками и эмоциями — больше не нужно. Оно не эффективно. Человек (?) вполне может жить без него. По рациональной организации и логической непогрешимости философские зомби превосходят людей. Зомби начали писать книги о том, что быть зомби совсем не трагедия, скорее, хорошо.

Вектор движения западной цивилизации к пост(транс)человеку и зомби как его первой стадии перестает ее не только страшить, но и беспокоить. Он(о) в ней рекламируется. В относительно отсталых странах — как в России — до такого мазохизма дело не дошло. Но вал переводов/пересказов политкорректной литературы о зомби приближается к нашей границе, первая культуртрегерская волна ее уже пересекла. Наиболее полное представление о «зомбистике» дано, пожалуй, в работе Д. Гольнова-Вольфсона «Век живых мертвецов: XX столетие глазами зомби» [4]; а также в книге Д.Б. Волкова «Бостонский зомби. Д. Деннет и его теория сознания» [5].

Начался процесс зомбизации современного общества. Определяя уровень зомбизации в тех или иных странах, целесообразно различать, по крайней мере, два вида зомби: слабых и сильных. Это уместная аналогия с различением слабого и сильного искусственного интеллек-

тов. Слабый (легкий, частичный) зомби — *мыслящий зомби*. Он мыслит и действует, но отвечает только на вопрос «как», не интересуясь, почему, зачем это делает, к чему ведет его мышление, если его продолжить, хотя бы дальше хода $e-2$ — $e-4$. Он мыслит без (о)сознания последствий, как бы не в собственном = не человеческом уме. Мышление не как (о)сознание, а как мыследеятельность. *Думают n(p)о технологии*. Это типичные представители сциентизма и техницизма. Где их основная среда обитания, говорить не буду, а не основная — есть даже министр, какой, догадывайтесь сами, а я говорить тоже не хочу. (Всего только человек.)

Утрачивая сознание, слабые зомби остаются, однако, в сфере логоса. У многих, если они вне рамок профессиональной деятельности, может сохраняться способность не только мыслить, но и осознать. В отличие от них сильные (тяжелые, полные) зомби ориентированы на матезис. Это представители когнитивно-информационного знания, обитающие все больше в виртуальной реальности. Их мышление получили полностью формализовано, они обходятся без обращения к смыслу вообще.

Если слабые зомби не желают думать о последствиях своей деятельности, то сильные теряют способность думать (в человеческом смысле) как таковую. Они сортируют, выбирают, комбинируют и обрабатывают информацию. Вместо «традиционного» = творческого и даже деятельностного мышления у них остаются мыслекоммуникации, а вместо знания — компетентность, т. е. знание, где найти знание. Таких еще в полном виде нет или их, может быть, единицы, которых я пока не встречал (не компетентен).

Поскольку современный человек превращается в человеческий фактор, «человеческий капитал» и агента сетей, то по мере нарастания скорости гонки постчеловеческих технологий идеология зомби становится все более влиятельной и агрессивной. Возникает феномен зомбократии (Здравствуйте, вурдалаки!). Это ближайшая переходная ступень к киборгам и искусственному интеллекту. К инобытию. Начальная стадия осуществления мечты транс(у)оманистов. О «бессмертии». *Мертвом бессмертии*.

Ну, хватит. Теперь, надеюсь, вы представляете, что в моем представлении, да, наверное, и любого человека в здравом уме, говорить о «гуманизме зомби» можно только при игровом эпатаже. А всерьез — патологично. Вообще, наука, применяемая в настоящей форме, а может быть, по своей антифеноменологической сути, стала главным врагом человечества, и самое страшное в развитии современной цивилизации — ее успехи, когда люди движутся вперед, одурманивая себя поступающими от технонауки предложениями «нового лишь бы ново-

го», как за дудкой крысолова. *Унесенные прогрессом*. Прослыть атеистом сейчас — то же самое, что атеистом в Средние века. Техно(иконо)борческий текст вряд ли найдет много приверженцев. Тем не менее, лозунг нашего спасения может быть только традиционалистским: *отсталость, отсталость и еще раз о(т)сталость. На человеке!*

Правда, в отличие от остальной толпы, среди них обычно находят, как обнадеживают все футурологические книги и фильмы, 3—5% особей, которые понимают, что происходит. Среди них есть даже ученые, умудряющиеся существовать в самом логове прогресса. Двигающие его герои. И не только в футурологических фантазиях, а в нашей реальности. «Центр по изучению экзистенциальных рисков (CSER) Кембриджа (!! — *В.К.*) провел исследования, которые доказали, что современные технологии могут уничтожить человеческую цивилизацию уже в ближайшем будущем. Ученые проанализировали опасность, которую представляют биотехнологии, искусственный интеллект, нанотехнологии, ядерная война и климатические изменения, — пишет PhysOrg. — Сооснователь Skype Яаан Таллин и философ Хью Прайс уверены, что самая главная угроза выживанию человеческой цивилизации — увеличение вычислительной мощности компьютеров. Рано или поздно этот процесс приведет к созданию “Единого искусственного интеллекта”, который будет способен писать программы самостоятельно и без вмешательства человека производить роботов, свое “потомство”... что может стать новым ящиком Пандоры» [6, 268].

Неоконсерватор, или «прогрессивный реакционер», — такова должна быть идейная позиция, думаю, что не только моя, а любого настоящего философа, да и просто любого последовательно думающего и честно смотрящего на нынешний ход событий человека.

Вот подобные консерваторы, реакционеры и фундаменталисты, традиционалисты и гуманисты (да, гуманисты теперь традиционалисты) спасают, если не человечество (свои работы по совершенствованию искусственного интеллекта они, увы, не бросают и добровольно, даже сознавая их самоубийственный характер, не бросят), то хотя бы его честь как частично «разумную сущность», которая населя(ет)ла Землю. Чтобы можно было сказать: «Я есть жизнь, желающая жить среди Жизни» (Альберт Швейцер). Или, по крайней мере: «*Мы, люди — были*». Лыщу себя надеждой, что я в этих, истинно горьких, процентах.

А.Н. Тогда согласны ли вы с тем, что философия должна утешать заходящее человечество, а не расстраивать его параноидальным алармизмом? Или вы считаете, что современная философия (особенно постсоветская) может кого-то мобилизовать на борьбу (например, с

самой собой)? Поскрести по сусекам — и не наскрести даже на колбочку с гомункулом?

В.К. Кто-то выступает за эвтаназию, кто-то способен умирать с открытыми глазами. Философ все-таки должен иметь мужество сознавать, что происходит и, как и обыкновенного человека-индивида, когда он болен, не подталкивать человечество к печальному концу. Не торопить к закату, наоборот, помогать ему продолжать жить. В любом случае выбирать второе положение. По крайней мере, про(ис)поведывать его. Если же кто-то избирает наркотический подход, называя его эвтаназией, то почему бы ему не умереть прямо сейчас, зачем вы, *идейные недороботы*, оттягиваете такое удовольствие?

Кроме того (и здесь я объективно перехожу на вашу позицию) «мы не будем знать, когда нас не будет» — мой собственный и любимый тезис, так что не стоит слишком беспокоиться, что кого-то можно расстрелять. Я много пишу об этом, и, как правило, встречаю защитную реакцию: это алармизм, пессимизм, консерватизм, а сделайте нам красиво. У тех же, кто не утратил способность мыслить дальше своего носа, в силу чего у них не получается просто отвергнуть факты, происходит «сшибка» теоретически сильного, логически высококвалифицированного сознания с уже переформатированным в пользу стремления к «ничто» бессознательным. Отсюда их *«ученое недомыслие»*. Молодые, профессионально умные и вдруг — на глазах глупеют. Эта глупость вынужденная, она необходима им для защиты своего нового эго. Они перестают читать, говоря, что стало противно, и/или впадают в гнев, даже ярость: все это чепуха, автор текста «философ», с соответствующей дальнейшей расшифровкой: мракобес, контра, реакционер, дебил, идиот. Все, что он пишет, — «какой-то невероятный, редкостный в своей умственной импотенции бред». Такие, риторически изощренные проклятья по Интернету я получаю, когда текст, видимо, попадает не в бровь, а в глаз — в их «иное», уже постчеловеческое «я». *Заколдованные прогрессом*. Его творцы.

Верить, будто распространением знания, правды, можно решать проблемы, к сожалению, иллюзия. Люди хотят знать и принимают только то, что отвечает их интересам, даже если они «не их», отрицают их, но через это реализуются объективные процессы «бытия, определяющего сознание» (К. Маркс) основной массы людей. Только немногие способны «держать поднятой голову над водой» и не быть жертвой этого великого и, как теперь, когда человечество устремилось к отрицанию себя, можно сказать — ужасного закона.

А.Н. И все-таки: неужели вы не видите никаких положительных перспектив в развитии цивилизации? Разве, будучи философом, вы не

должны эмансипировать Человека, отчуждая его косность и мракобесие?

В.К. Что значит «не вижу»? Как раз вижу, что цивилизация прогрессирует, а человек деградирует. («Процветающее общество деградирующих индивидов» — Ж. Бодрийяр.) Что мы живем практически в раю, все сказки стали былью, и апокалипсис происходит с комфортом, в форме эвтаназии. «Апокалипсис в раю» — в этом вся соль, или, как сказали бы теперь, фишка моей книги «Время Mortido», про конкретные сюжеты которой мы почти забыли, а обсуждаем, скорее, навеянные ею и предыдущим интервью интересные вам/нам отклики. В том и дело, что человека никто не губит извне, что наиболее коварный и смертельный яд сладкий и тот, который вырабатывается в самом организме человека-цивилизации. Конец человечества происходит в виде самоапокалипсиса (термин саратовского философа О. Шимельфенига). Не случайно, парадигмой мысли, вместо: «Человек — это звучит гордо», на сцену сознания, в том числе у Вас, вырывается мазохизм, идеи унич(то)ижения и замены себя чем-то иным — без образа и образца, лишь бы «иное», лишь бы был не человек. Это трагическая диалектика развития, о которой серьезнее всех написали в близкое нам время Т. Адорно и М. Хоркхаймер в «Диалектике Просвещения». Собственно говоря, речь у них шла о диалектике прогресса вообще, и в XIX—XX вв., в особенности. Эту их линию я и продолжаю, только на современном материале, показывая, как культура Просвещения перераста(ла)ет в культуру Смерти. «Диалектика Mortido».

Другое дело, что теперь «диалектики» как марксистской методологии (это было философско-спекулятивное предвидение синергетики) боятся не только из классово-идеологических соображений. «Электронным постлюдям» думать будет вообще незачем, «все в компьютере», нужна главная и единственная способность — «искать знание». Этому теперь и учат, начиная с детского сада, т. е. компетенции, а не собственному знанию как пониманию. Если мы разучились считать, то почему думаете, не разучимся читать, потом говорить, а потом не деградируем в «думании»? В основе этого один и тот же процесс. Он и происходит. Если вы работаете в вузе, особенно «эффективном» = компьютеризованном, то должны заметить. Не хотите? *На вас заметят.* Потому что в XXI в. образования не будет. Смысл проводимых во всем мире, в том числе нашим Министерством образования, реформ — *борьба с образованием*, чтобы через e-learning, а потом полную автоматизацию трансформировать его в «управление знанием». В программирование людей. Уже издается специальный журнал: «Управлением знанием». Реально речь в нем идет — и это будет — об *управлении сознанием*. Вот вам еще один лик инверсии развития: прогресс

технологий как регресс творчески-символических способностей человека, его разума.

А.Н. Не знаю, почему вы навязали мне амплу прогрессора, а за собой оставили роль консерватора — по старой бинарной привычке? Мне, наоборот, кажется, что современная молодежь еще более консервативна, чем старшее поколение.

В.К. Не думаю, что молодежь консервативна, если что ей и угрожает, то про(гр)цесс превращения в жертву технического прогресса, отрыв от предметной жизни, инфантилизм, утонуть в сетях, превратиться в зомби. Тем паче что в ближайшие 3—5 лет нас всех очипуют. «Чипизируют». Большинство это будет приветствовать, как приветствуют всеобщую слежку-наблюдение, интернет-контроль биографий, превентивную проверку (наплевав на всякую презумпцию невиновности) на детекторах лжи, просвечивание и чтение эмоционального состояния мозга по лицам в аэропортах и т. п. — на практике. Никакого движения сопротивления этим дерзко, цинично антигуманным, отрицающим так называемые права человека «достижениям» — нет. Правозащитники, особенно в России, заточены под борьбу с культурными регуляторами свобод, против религии и морали, технологические они не видят. И радостные ожидания завершения работ по чтению мыслей. Подавляющее большинство не вырвется из этого плена. Станут элементами World Wide Grid и подданными Большого Брата. *Пленники небытия.*

Сноуден! Вот герой времени, но к нему наша, будто бы свободомыслящая, интеллигенция относится как-то кисло, не полюбила, норovit считать «обычным агентом», почему бы это? Загадка. Да смотрите ли вы, опять спрошу, американские фильмы, где эти тенденции вполне явственно представлены? В основном пока с беспокойством, а если вот также пишешь, то упрекают в алармизме и мракобесии. Какие вы, прогрессоры, спокойные или (потому что) не хотите смотреть дальше своего носа? Ближе чем в кино. Пытаетесь отделаться ярлыком? И это философия? Не говоря уже о том, как старательно трансгуманисты стремятся не вспоминать Дж. Оруэлла, его «1984». Который, наверное, пребывает на небесах в полном смятении от радости из-за точности своего предвидения и от ужаса, что оно сбывается.

А.Н. Свою монографию «Философия антиязыка» я посвятил Ф.И. Гиренку как неблагодарному Учителю. Я весьма критичен к философскому оборотничеству Гиренка, но отдаю ему должное за то, что он философствует на пределе — пафосно, мизогинно (философия — не женское дело!), с выпусканьем пата. Вы завидуете публичности московского эпатажника с философского факультета МГУ?

В.К. Во-первых, поздравляю вас с монографией, исключительным, блестящим владением смыслами языка, чтобы (ради) дискредитировать его, бороться с ним. Парадокс. Надеюсь, мы его обсудим.

Во-вторых, если я консерватор, то, естественно, тоже не сторонник равенства = уравнивания = одинаковости = ликвидации полов, которое явочным порядком осуществляется вместо их равноправия, которое давно есть (для вторичного выполнения одних и тех же функций, чем озабочен феминизм, незачем было «по-полам» разделяться), и всей этой лицемерно-пошлой политкорректности. Ее историческая роль в подготовке почвы для «снятия» человека (если различия по полу не имеют значения, то какие еще различия у «человеков» как личностей остаются?), его превращения сначала в гендер, потом клон и прочих генетических манипуляций с ним в духе Human enhancement (совершенствования человека). Гомосексуализм и феминизм — это две стороны одной медали подрыва оснований жизни, предваряющий этап движения к полному ато(о/нано)мизму как идеалу буржуазного эгоизма и его идеологическому выражению в либерализме, когда все любят: 1) себя и, как следствие, 2) свой пол, потом будет 3) опять себя (в виртуале), наконец, 4) *ничего* (не) любят. «И в конце времен охладет любовь» (Библия). Самолюбы. Гомолюбы. Аут-изм. (Видел календарь на 2014 г. с девизом: «Поздравьте меня, что я есть у меня».) Такова единая линия эгоизации человечества = распада отношений общения и близости. (Близкий — это кого можно облизать; когда долго целуются, говорят — лижутся). Вообще — социальных.

Политкорректная идеология направлена против различения полов, этого условия воспроизводства рода (однополые гомосексуальные браки — оксюморон, полов (половин-ок) может быть только два(е) или их нет, по сути это «бес-полые браки», но тогда брака нет); семьи как ячейки общества (+ ювенальная юстиция) тоже нет. Идеология политкорректности данные процессы обосновывает и реализует. Как бы ни относиться к ним лично, проклинать и/или завидовать, их философско-историческая оценка заставляет сказать, что это разложение, рас-падение *родового* человека, его желания и воли к продолжению себя. Свобода, опирающаяся на провозглашение прав индивида (частицы), выше прав общества (целого), похожа на свободу раковых клеток размножаться за счет организма. *Вырождение. Деграция.* Притом, углубляющиеся, отменяя идентичность людей, превращая их в существа без свойств. Бес-полые (подчеркивать пол неполиткорректно), без национальности (тоже), рас (упаси боже), возраста (скрывают даже от себя), имени (номер), веры (если она не пустая). Стандартные и одинаковые. Как гвозди в ящике. И голые как ник-то. Как в компьютере. Свойства, ненужные там, становятся неважными здесь. Возника-

ет отрицающая человека положительная обратная связь. Вот отчего его сдают с такой поразительной легкостью. Это «детерриторизация», расчистка места для «пост» и «транс», по заказу и во имя прогресса. Как, например, борьба с курением табака, наплевав на всякие права человека, расчищает место для курения марихуаны. А потом более сильных наркотиков. Кто при этом, по мнению страховых компаний, «превысит меру» и начнет болеть, будут перепрограммировать. Это же оче-видно, потому и не видят, хотя уже президент США объявляет, что марихуана не вреднее алкоголя. Причина этого процесса в том, что табак дает нервно-физиологическое раздражение, что соответствует индустриальной эпохе, а марихуана нервно-психологическое, действуя прямо на мозг, что отвечает информационной эпохе. Открываются новые, более прогрессивные возможности деградации.

Общество, в котором потребление вытесняет производство, а мир предстает как глобальный торговый центр, становясь при этом шоу-спектаклем, все меньше нуждается в силе, мужественности и строгой мысли. Потому они не культивируются. Мужчины попадают в их же усилиями созданную, ими же тысячелетиями изобретавшуюся западно технически эффективного и, наконец, автоматизированного (без людей) производства. Потому что преуспевать в обществе потребления: больше, чем женщины, покупать, лечиться, следить за собой, показываться в рекламе, тратиться на косметику и салоны — значит перестать быть мужчиной. Но именно на это сейчас с(за)прос. Мужчина все-таки производитель (по крайней мере, был), а нужнее демонстративность и потребитель. Перед ним и надо заискивать, вплоть до политики. Все сколько-нибудь тяжелое, трудное, глубокое и опасное, что формировало из ребенка мужчину, опускается на дно, и если существует, то в остаточной форме.

Через мужской пол в мир приходит новое. Но смотрите: в литературе, культуре все больше женщин, текстов, авторов типа Дарьи Донцовой и т. п. В то же время по любым эмпирическим наблюдениям заметно, что сфера, из которой вымывается мужской элемент, внутренне надломилась, банализируется. Куда деваются мужчины? Да посетите сборища программистов, хакеров, веб-дизайнеров и т. п. Их там и на всяких компьютерных соревнованиях почти сто процентов. Парни уходят в цифровую (пост)культуру. Они ее творцы и жертвы. Естественно, что если человечество, «деградируя в новое», впало в *Mortido*, то мужчины в первых рядах замены вещности и социальности виртуальностью и симулякрами (под(д)елками). Рок «бьет по штабам». Как, начиная с Нового времени, «гений перекочевал в физику» (А. Уайтхед), так сейчас он уходит в *сферу Иного*. И там растворяется. Здесь остается симулякр мужчины — так называемая деловая женщина, ко-

торая отказалась от природной роли рождения ребенк(ов)а и функционирует как береза, раскрашенная под дуб.

В по(за)раженной тоталитаризмом политкорректного лицемерия Евроамерике за многое, что я здесь говорю, могут подать в суд. У нас пока до этого дело не дошло. Но идеология самоотрицания становится агрессивной, она закрепляется в праве, и выступать за сохранение условий продолжения жизни, ее фундамента, становится не только не престижно, даже опасно. Тем более что контуры березового дуба могут выглядеть четче. А настоящих дубов все меньше, что, по видимому, начинает закрепляться физиологически (басовые партии в операх некому петь, все больше пищащих, а в модных тусовках женоподобных). Почва не та, выводятся. Потом — «бессмертный» киборг, говорить о его «сексуальной ориентации» не имеет смысла. Трансгомонисты и не говорят.

«Философия — не женское дело»? На (пред)последнем этапе расчеловечивания человека, когда аккумулирующий заряд жизни приблизится к исчерпанию, все станет женским. Отношения в обществе, его дух уже сейчас похожи на отношения в школе, откуда, как известно, мужчины исчезли. «Как класс». Как рыбы из пересыхающего водоема. Не только из-за денег. Образуется среда, унижительная поверхностность, мелкий формализм и бюрократизм которой их выдавливает, в ней стыдно быть первым, выдерживают ее более ответственные и терпеливые (тоже пока) женщины. Отсюда влияние политкорректности, пресловутых «прав человека» и «медиализация» отношений. Влияние Нового мирового (постчеловеческого) порядка. В него, как в «пазл», входят ценности, подавляющие желание людей продолжать свое естественное бытие. От гомосексуализма/феминизма и извращения ради этого всей истории, запрета слов «отец» и «мать», «муж» и «жена» до пропаганды не заводить детей (child free). Ладно бы в перенаселенных странах, в Индии и Китае, а нет — в этносах, которые и так прогрессивно вымирают. Главное, чтобы всего было больше и с комфортом. Сверхпотребление перерастает в потребление самого человека. *Жизнь и реальность становятся традицией*. Значит существование этих народов — вопрос исторически короткого времени. Зато заговорили об «эротизации Апокалипсиса»! Это самоубийство объявляется цивилизационным идеалом, к которому всем и как можно скорее (Россия еще отстает) надо стремиться. Считаете, что человечество в здравом уме? Напрасно.

«Пазл» современной цивилизации, ее передового отряда — *подрыв условий для всего человеческого*, что, как известно, теоретически было со странным (поначалу) удовлетворением провозглашено еще в начале постмодернистской эпохи. Сейчас он, его клетки «заполняются» на

практике. Высший идеал, норма поведения, которым надо следовать: чтобы все стало противоестественным, все было «наоборот» тому, как требует жизнь, ее продолжение. В конце XIX в. Ницше предупреждал и объявлял: «Я утверждаю, что все ценности, к которым в настоящее время человечество стремится как наивысшим, — суть *ценности decadence*. . . Я утверждаю, что всем высшим ценностям человечества *недостаёт* этой воли (к власти. — *В.К.*), что под самыми святыми именами господствуют ценности упадка, *нигилистические ценности*» [7]. В своей книге я позволил себе, в соответствии с новой ситуацией, утверждать, что теперь *вместо decadence (упадка воли к власти и жизни) уже господствуют ценности Mortido (отказа от жизни и влечение к смерти). Ценности нигитологии и инонизма*. А чтобы не понимать, куда все идет и во что сложится пазл-головоломка, т. е. не давать складывающейся ситуации оценки с позиции добра и зла, культивируется идеология толерантности. Троянский конь в мире Духа, посредством которого крепость его культуры захватывается изнутри отрядами вооруженных высокими технологиями цивилизованных (само)убийц и буйно (государство США) помешанных. В книге у меня об этом целая глава.

Что касается известности уважаемого мной Федора Ивановича Гиренка (кажется, вы о нем уже спрашивали, но сила благодарной памяти ученика о «неблагодарном учителе» сильнее). Если ей действительно можно завидовать, то не черной, но не скажу, что и белой, а серой завистью, с огорчением: что эта публичность, несмотря на многие интересные идеи, в целом не дорогая, с привкусом эпатажа и пиара. Когда, например, прижизненное влияние имеют А. Дугин, Ю. Осипов, за которыми есть школа, сторонники, или более академичные П. Гуревич, С. Хоружий, М. Эпштейн, тогда стоит по-настоящему (не) завидовать. Слава философа у современников редко бывает профанной. Она таинственна. Это признание для (у)тех, кто понимает.

А.Н. Так что же в итоге, объявив себя неоконсерватором, вы можете сказать людям?

В.К. Родовой человек попал в ситуацию индивида. Борьба со своим временем, бесполезна, как у каждого из нас, хотя благодаря ей, мы живем. Философия сопротивления! Собственно, об этом вся книга и другие мои тексты.

Так продлимся ...

Литература

1. *Чеклецов В.В.* Топологическая версия постчеловеческой персониологии: к разумным ландшафтам // *Философские науки*. 2010. № 6.

2. *Бегбедер Ф.* Конец света. Первые итоги. СПб., 2014.
3. *Гольнов-Вольфсон Д.* Век живых мертвецов: XX столетие глазами зомби // *Неприкосновенный запас*. 2008. № 6 (062).
4. *Волков Д.Б.* Бостонский зомби. Д. Деннет и его теория сознания. М., 2011.
5. Ученые уверены в гибели человечества от компьютеров // <http://hitech.vesti.ru/news/view/id/>.
6. *Ницше Ф.* Сумерки кумиров. Соч.: В 5 т. Т. 5. М., 2012.

Е.В. РОМАНОВ

Философия экономики образования: к вопросу обоснования предметной области*

Аннотация. В статье обосновывается введение в научный оборот понятия «философия экономики образования». Определяются объект, предмет и функции философии экономики образования. Философия экономики образования должна противопоставить «экономическому империализму» в сфере высшего профессионального образования подход, основанный на допущении «экономической вассальности». Реализация этого подхода предполагает, что образование (во всех его аспектах) определяет требование к ресурсам в соответствии с моделью специалиста, востребованного модернизируемой экономикой и социальной сферой. При этом на первое место (так же как и в философии экономики) должен быть выдвинут критерий — минимум ущерба человеку и биосфере.

Ключевые слова: философия образования, экономика образования, объект и предмет философии экономики образования, основное противоречие в сфере высшего профессионального образования.

Abstract. Introduction locates in article in a scientific turn of the concept «philosophy of economy of education». The object, subject and functions of philosophy of economy of education is defined. The philosophy of economy of education has to oppose to «economic imperialism» in the higher education sphere the approach based on an assumption to «an economic vassalnost». Realization of this approach assumes that education (in all its aspects) defines the requirement to resources according to model of the expert demanded by modernized economy and the social sphere. Thus

* К дискуссии по проблеме образования, ведущейся на страницах журнала «Философия хозяйства».

on the first place (as well as in economy philosophy) the criterion — a damage minimum to the person and the biosphere has to be put forward.

Keywords: education philosophy, education economy, object and subject of philosophy of economy of education, the main contradiction in the higher education sphere.

Инновационное развитие высшего профессионального образования в России требует разработки соответствующей методологии и на этой основе теоретических моделей модернизации. Переход страны от постиндустриального к информационному обществу и далее — к шестому технологическому укладу — должен менять сущность образования в части понимания того, зачем учить, чему учить и как учить. Традиционно на эти вопросы отвечает педагогика. Однако проблемы, связанные с составом формируемых компетенций, с содержанием образования, которое должно обеспечивать формирование этих компетенций, а также с технологиями передачи «спрессованного человеческого опыта» подрастающим поколениям, перестают быть только педагогическими. Ответы на три вышеприведенных вопроса связывают педагогику и экономику в части оптимального использования ограниченных ресурсов (финансовых, материально-технических, кадровых) для получения максимального результата в соответствии с требованиями модернизируемой экономики.

Многие исследователи (В.П. Казначеев, А.И. Субетто, С.К. Булдаков) отмечают следующие изменения, влияющие на образование: а) интеграция образования, науки и промышленности; б) становление системы непрерывного образования; в) интеграция средней и высшей школы; г) автономизация университетов с усилением их ответственности за весь комплекс процессов подготовки кадров с высоким образованием и высокой квалификацией; д) усиление роли образования в экономике развитых стран; е) становление науки об образовании как новой парадигмы в корпусе знаний об образовании, сменяющей парадигму педагогики как науки об обучении и воспитании в школе [1, 85].

Образование становится отраслью экономики. Во-первых, образовательные организации высшего профессионального образования превращаются в корпорации по генерированию, использованию и продаже знаний. Именно с этим мы связываем активные исследования в области менеджмента знаний.

Во-вторых, коммерциализация образования вовлекает в эту сферу достаточно большие финансовые ресурсы (как бюджетные, так и ресурсы заказчиков организаций и частных лиц). Заказчики (государ-

ство, предприятия и организации, физические лица) заинтересованы в эффективном использовании этих ресурсов.

В-третьих, возрастает роль методологических исследований, требующих категориально-понятийной определенности, позволяющей разрабатывать теоретические модели модернизации образования вообще и высшего профессионального образования в частности. Например, появилось понятие «образовательная услуга». Понятие «услуга» предполагает ее платность. И в этой связи использование термина «платные образовательные услуги» — это «масло масляное». При этом понятие «образовательная услуга» зачастую подменяет само понятие «образование». Подобная подмена — результат реализации определенных методологических установок. И таких примеров можно привести достаточное количество.

Существенные изменения в российской системе образования, связанные с его коммерциализацией, создают ситуацию, при которой образование перестает играть роль «социального лифта».

Именно с этим мы связываем правомочность введения в научный оборот понятия «философия экономики образования» как отрасли знания, функции которой — мировоззренческая, методологическая, критическая, прогностическая, интегративная. Содержание этих функций будет раскрыто ниже.

Закономерен вопрос: как соотносятся философия образования и философия экономики образования? Для ответа на него необходимо выяснить специфику объекта и предмета философии экономики образования на основе выявления сущности объекта и предмета философии образования [2] и экономики образования [3; 4] (табл. 1).

Мы согласны с точкой зрения Б.С. Гершунского, согласно которой философия образования «рассматривает наиболее общие проблемы сущего и должного в весьма специфической и в то же время “вечной” сфере общественной жизни любой страны: сфере воспроизводства и качественного преобразования человеческих ресурсов социально-экономического и социокультурного, нравственного прогресса, с одной стороны, и, что еще важнее, в сфере удовлетворения естественных и постоянно меняющихся образовательных потребностей личности, с другой» [2, 85—88].

Знания о сущем (сути образования) реализуются в политике развития образования, которой необходимо придать нормативный характер. Эти нормы (индикаторы развития системы образования) приобретают характер долженствования. Исходя из диалектики сущего и должного, приоритетом образовательной политики должны стать воспроизводство и качественное преобразование человеческих ресурсов, обеспечивающие воспроизводство материальных и духовных ценностей (науч-

но-технический прогресс), в процессе которого удовлетворяются потребности личности и государства.

Таблица 1

Объект и предмет философии образования и экономики образования

Определяемое	Философия образования	Экономика образования
Объект	Философия образования [2, 80—81] имеет один единственный целостный <i>объект</i> — <i>образование</i> во всех его <i>ценностных, системных, процессуальных и результативных</i> характеристиках, учитывающих, естественно, и междисциплинарные, внешние, фоновые параметры и факторы, так или иначе влияющие на функционирование и развитие сферы образования [2, 80—81]	Сфера (система) образования как часть экономики страны, народного хозяйства, включающая образовательные учреждения и систему управления [3, 8] Объектом изучения экономики образования как науки можно считать сферу образования (или ее отдельные части) [4, 13]
Предмет	В качестве рабочего определения можно считать наиболее общие, фундаментальные основания функционирования и развития образования, определяющие, в свою очередь, критериальные основы оценки тоже достаточно общих, междисциплинарных <i>теорий, законов, закономерностей, категорий, понятий, терминов, принципов, постулатов, правил, методов, гипотез, идей и фактов</i> , относящихся к образованию и, ввиду интегративной сущности оснований, также имеющих интегративную природу [2, 81]	Предметом экономики образования является изучение: распределения ограниченных ресурсов между альтернативными способами их применения для получения результатов, соизмеряемых с затратами этих ресурсов; обмена одних объектов (ресурсов, результатов) на другие, в котором происходит их соизмерение [3, 9]

Продолжение табл. 1

		Предметом изучения являются: отношения, складывающиеся (сложившиеся, формируемые, формирующиеся) в этой сфере по поводу производства, распределения, обмена и потребления создаваемых в ней благ [4, 13]

С учетом точек зрения, представленных в табл. 1, мы определяем, что в качестве объекта философии экономики образования выступает система образования во всех ее ценностных, системных, процессуальных и результативных характеристиках.

Относительно ценностных характеристик образования важным представляется замечание Б.С. Гершунского о том, что сфера образования практически во всех странах мира занялась и занимается главным образом трансляцией из поколения в поколение сугубо прагматичных данных разных наук, передач нацеленных на быструю отдачу достаточно узких, по существу фрагментарных, технократически ориентированных знаний, умений и навыков. «Что же касается формирования у учащихся *целостной* картины окружающего человека материального и духовного мира, способствующей осознанию принадлежности каждого из них к единому человеческому сообществу, трансляции из поколения в поколение *ценностей духовных, культурных, нравственных* в их национальном и общечеловеческом понимании, то эти образовательно-воспитательные, гуманитарные по своей природе цели в лучшем случае лишь декларируются на популистском, лозунговом уровне, а в худшем — игнорируются вовсе» [2, 21].

Системная характеристика образования предполагает его рассмотрение в качестве неотъемлемой части социума. С одной стороны, по состоянию общества можно судить о процессах, происходящих в сфере образования. Если в обществе культивируется культ наживы, «чистогана», «воинствующего индивидуализма» (добиться успеха любой ценой), то и в сфере образования это будет воспроизводиться (может быть, и в более уродливых формах) безотносительно к тому, что продекларировано в образовательных стандартах. С другой стороны, со-

стояние системы образования позволяет прогнозировать изменения в обществе (и в том числе перспективы инновационного развития всех сфер жизнедеятельности общественного организма). Недостаточно ясное понимание того факта, что образование и общество — это одна целостная система — «главная причина провалов преобразований и реформ не только в сфере образования, но и в социуме... Именно этой недооценкой объясняются крайне непродуктивные, наивные даже по своему замыслу, попытки реформировать, трансформировать, стандартизировать, дифференцировать, деполитизировать, национал-патриотизировать и т. д., и т. п. систему образования в одной отдельно взятой стране, регионе, городе или школе в надежде на решение каких-то локальных, собственно образовательных или воспитательных задач вне решения задач более общих, глобальных, общественных, цивилизационных...» [2, 136].

Эта идея Б.С. Гершунского имеет принципиально важное значение: изменения в образовании должны осуществляться в контексте изменений в обществе.

Например, сокращение бюджетных мест (под любыми благовидными предлогами), рассмотренное вне контекста повышения уровня благосостояния, изменения систем поддержки тех, кто желает получить высшее профессиональное образование и т. д., приведет к технологическому застою, невозможности «прорыва» в шестой технологический уклад. В этом смысле показателен опыт Китая, который по существу реализует концепцию «всеобщего высшего образования». Очевидно, что повышение образовательного уровня субъектов экономической деятельности создает питательную среду для восприятия и внедрения инноваций.

Касаясь процессуальных и результативных характеристик образования, мы полностью разделяем точку зрения Б.С. Гершунского, согласно которой «прогностические сценарии развития российского социума на пороге XXI века самым непосредственным образом влияют на ценности и цели российского образования, предопределяя те принципиальные различия в образовательных доктринах и концепциях, которые уже достаточно явно просматриваются в связи с коренными идеологическими и политическими расхождениями взглядов о будущем России в целом. Не видеть этих различий, прикрываться неверным в принципе лозунгом о деполитизации и, тем более, о деидеологизации сферы образования — значит, в конечном счете, пустить решение серьезных аксиологических (ценностно-целевых) и прогностических проблем российского образования на самотек» [2, 154].

Процессуальные и результативные характеристики образования взаимосвязаны. В общем виде можно выделить два подхода к системе образования. «Узкий подход» сводит образование к подготовке специалиста с теми навыками, которые обеспечивают выполнение возложенных на него профессиональных функций, его непосредственную деятельность на рабочем месте. Как правило, в рамках данного подхода от специалиста не требуется владение аналитическими способностями. Внедрение в высшую школу прикладного бакалавриата — отражение «узкого подхода», когда компетентность специалиста сводится к обладанию знаниями, умениями и навыками, обеспечивающими выполнение функциональных обязанностей на определенном уровне. «Широкий подход» рассматривает профессионально компетентного специалиста как профессионала, который, помимо владения профессиональными знаниями, умениями и навыками, имеет опыт творческой деятельности и сформированное эмоционально-ценностное отношение к себе и окружающим. Иначе говоря, «широкий подход» обеспечивает на самом деле образование как совокупность обучения (передача спрессованного человеческого опыта от обучающего к обучаемому), воспитания (сформированные ценности) и развития (через приобщение к творческой деятельности). Данный подход рассматривает образование как фактор «встраивания» будущего специалиста в культурную среду современного общества, построенного на знаниях.

Как говорил создатель философии техники в России П.К. Энгельмейер, «сколько вы его (т. е. инженера) ни начинайте специальными познаниями, это будет ученый-ремесленник, пока вы ему не дадите гуманитарного взгляда на социально-экономические стороны его профессии» [5, 12]. Формирование такого взгляда у будущего специалиста обеспечивается во многом за счет гуманитарного образования и философии как его ядра. Нашу точку зрения на роль гуманитарного образования в процессе профессиональной подготовки специалиста мы представляли в статье «Неэффективные вузы: миф и реальность» [6, 73—76].

Таким образом, в определенной степени можно говорить о том, что в рамках «узкого подхода» оказывают «образовательные услуги», а в рамках «широкого подхода» — образуют и, таким образом, социализируют личность.

Что касается результативных характеристик образования, то следует признать, что в современной России (как в экономике в целом, так и в образовании в частности) до сих пор фетишизируется, по существу, один критерий — минимум затрат. Существующие подходы к оценке результатов образования отражаются на оценке эффективности дея-

тельности вузов, когда определяется не столько качество образовательной, сколько результаты финансово-коммерческой деятельности вуза.

Рассматривая предмет философии экономики образования как науки, мы считаем, что его составляют наиболее общие фундаментальные основания и развития образования, определяющие специфику изучения производительных сил и производственных отношений по поводу производства, распределения, обмена и потребления создаваемых благ в условиях ограниченных ресурсов.

Именно философское знание и является этим основанием — наиболее общими, фундаментальными положениями, определяющими исходные, базовые знания в рассматриваемой науке.

Говоря о методологической основе философии экономики образования (как самостоятельной области научных знаний), важно понимать, что общефилософские учения, обращенные к образованию, несомненно должны учитываться, но оценка «применимости» того или иного учения должна осуществляться через призму ответа на вопрос: в какой мере то или иное учение способно «высвечивать» объективные противоречия и закономерности развития образовательной сферы во всех аспектах ее функционирования.

Так, И.П. Суслов в своей работе «Методология экономического исследования» [7] предлагал использовать в качестве инструментов философско-экономического исследования три гегелевских закона диалектики — единства и борьбы противоположностей, перехода количества в качество и отрицания отрицания.

Как известно, закон единства и борьбы противоположностей объясняет процесс развития наличием объективно существующих противоречий.

Основное противоречие, которое мы фиксируем в сфере высшего профессионального образования, заключается в противоречии между формированием и финансированием заказа государства на востребованные экономикой (в первую очередь) технические направления и практическим отсутствием участия в этом процессе бизнес-сообщества. Иными словами, за счет средств налогоплательщиков финансируется потребность в кадрах частных предприятий. По существу, это противоречие можно определить как противоречие между общественным характером производства знаний и частной формой присвоения результата (использования знаний).

Противоречие, взаимосвязанное с вышеприведенным, состоит в рассогласовании между запросами рынка труда на подготовку специалистов, способных обеспечить кадровые потребности модернизируе-

мой экономики, и сложившейся структурой потребительского спроса на вполне определенные специальности и направления подготовки, не в полной мере учитывающие эти потребности. Очевидно, что в настоящее время система образования функционирует, ориентируясь не столько на запросы рынка труда, сколько на текущее состояние потребительского спроса. Государство (в лице Министерства образования и науки РФ) пытается регулировать эти процессы посредством установления контрольных цифр приема в вузы. Например, в 2013 г. цифры приема на экономические и управленческие направления подготовки были уменьшены на 19,8%. Непрофильные вузы этих цифр не получили, и весь прием осуществлялся на контрактные места. Это противоречит факту признания образования *общественно значимым благом*⁹ в новом законе «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 2, п. 1) [8]. В соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. «стратегическая цель государственной политики в области образования состоит в повышении доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина» [9].

Как следует далее из текста, доступность качественного образования планируется обеспечить за счет образовательного кредитования.

⁹ Признание образования общественно значимым благом предполагает его доступность. Примечательно, что в ст. 3 «Основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования» доступность образования как принцип государственной политики не закреплен. В соответствии с п. 3 ст. 5 «Право на образование. Государственные гарантии реализации права на образование в Российской Федерации» гарантируются общедоступность и бесплатность в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, среднего профессионального образования, а также на конкурсной основе бесплатность высшего образования, если образование данного уровня гражданин получает впервые. Исходя из сказанного, к стандартам должны предъявляться строгие требования. И то, что Государственная Дума будет принимать стандарт среднего общего образования — факт, о многом говорящий, поскольку можно зафиксировать в стандарте минимальный «набор» обязательных дисциплин, а то, что будет превышать заданный минимум — перейдет в разряд дополнительных образовательных услуг. Бесплатность высшего профессионального образования предполагает конкурсную основу, а следовательно, под каждую аккредитованную образовательную программу, которую реализует вуз, должны быть выделены бюджетные места в количестве, достаточном для формирования академической группы.

Таким образом, доступность качественного образования определяется доступностью образовательных кредитов. При этом прогнозируется, что к 2020 г. использовать образовательные кредиты будут не менее 12% студентов. Такой подход противоречит положениям Болонского процесса. В странах Европейского союза первое высшее образование, за редким исключением, бесплатное [10, 72—76].

Философия экономики образования должна предложить механизмы разрешения («сглаживания») этих противоречий посредством понимания того факта, что все субъекты хозяйственной деятельности обязаны напрямую решать задачи общенационального характера¹⁰. Это первый шаг в элементарную цивилизацию.

Для нас важной представляется и высказанная И.П. Суловым мысль о необходимости тщательного категориального анализа в экономической науке, о необходимости которого говорит и Б.С. Гершунский, называя этот метод методом «категориального синтеза теорий». Сущность этого метода может быть представлена схемой: понятия — категории — совершенствование средств мыслительной деятельности человека — ступени познания субъектом объективной действительности.

Чем точнее сущность явления отражается в понятиях, которые, наполняясь более полным содержанием, приобретают характер категорий, тем совершеннее становится мыслительность субъекта. В прикладном аспекте это означает (в том числе) критичность мышления не столько в отношении чужих точек зрения, сколько своих собственных.

Исходя из сказанного, именно понятийная и категориальная определенность в сфере образования становится основой для выработки взвешенной образовательной политики. Это предъявляет и соответствующие требования к лицам, которые ответственны за выработку такой политики и ее «технологизирование».

В настоящее время в сфере высшего профессионального образования методологию определяет «экономический империализм»: наличие ресурсов диктует политику развития сферы образования, а не образование, во всех его аспектах (в соответствии с разработанной моделью специалиста), определяет требование к ресурсам. Философия экономики образования должна обосновать возможность «экономической

¹⁰ Косвенно субъекты хозяйственной деятельности участвуют в решении общенациональных задач посредством налогов. Обеспечение прямого участия бизнеса предполагает такие изменения в законодательстве, которые обеспечат привлекательность инвестиций в социальную сферу.

вассальности», когда экономическое исследование ведется в соответствии с методологическими и теоретическими основаниями другой науки (или других наук). При этом на первое место (как и в философии экономики) должен быть выдвинут критерий: минимум ущерба человеку и биосфере.

Философия экономики образования должна базироваться на понимании инновационной природы современной экономики, которая требует системы образования, ориентированной не на создание условий для механического заучивания больших объемов информации и ее воспроизведение, а на развитие творческого мышления, в основе которого лежит умение отбирать полезную информацию, ее «препарировать» и использовать в практической деятельности.

В заключение опишем содержание функций философии экономики образования, т. е. тех задач, которые философия экономики образования выполняет в исследовании хозяйственных процессов в образовании, в чем и как она способствует развитию педагогической науки и образования в целом.

1. Мировоззренческая функция заключается в том, что она оказывает существенное влияние на мировоззрение обучаемых, «носителей спрессованного человеческого опыта» (преподавателей), и тех, кто обеспечивает бесперебойное осуществление образовательного процесса (администрация, обслуживающий персонал, финансовые службы и т. д.). Если определять мировоззрение как совокупность взглядов, принципов и убеждений, фиксирующих отношение человека к окружающей его природной и социальной действительности, то можно ставить вопрос об экономическом мировоззрении в образовательном контексте — совокупности взглядов, принципов и убеждений, определяющих место каждого субъекта (в первую очередь обучающего и обучаемого) в системе отношений с образовательным учреждением, а через него — в целом с обществом и природой.

2. Методологическая функция философии экономики образования заключается в том, что она играет роль всеобщей методологии для экономики образования в том смысле, что заимствует у философии принципы, на которых строится образование, а точнее его экономическая составляющая.

3. Критическая (скептическая) функция философии экономики образования заключается в критическом подходе в отношении тех истин, которые вырабатываются экономической наукой и которые эта наука считает абсолютными. Таким образом, философия экономики образования позволяет рассматривать и многие педагогические постулаты не как истину в последней инстанции.

4. Прогностическая функция философии экономики образования состоит в том, что она пытается прогнозировать развитие системы образования на основе анализа тех ресурсов и вариантов их использования, которыми располагает общество.

5. Интегративная функция философии экономики образования состоит в том, что она выполняет роль посредника между экономикой и другими дисциплинами, которые и составляют материальную основу образования.

Литература

1. *Алиев Н.З., Ивушкина Е.Б., Лантратов О.И.* Становление информационного общества и философия образования. М., 2008.

2. *Гершунский Б.С.* Философия образования: Учеб. пособие для студентов высших и средних педагогических учебных заведений. М., 1998.

3. *Анисовец Т.А.* Экономика образования и образовательного учреждения: Учеб.-метод. пособие (компендиум). СПб., 2012.

4. *Беляков С.А.* Лекции по экономике образования. М., 2002.

5. *Горохов В.Г., Розин В.М.* Введение в философию техники: Учеб. пособие. М., 1998.

6. *Романов Е.В.* Неэффективные вузы: миф и реальность // Университетское управление: практика и анализ. 2012. № 6.

7. *Суслов И.П.* Методология экономического исследования. М., 1983.

8. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». М., 2013.

9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года // <http://www.ifar.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf>.

10. *Гретченко А.И., Гретченко А.А.* Болонский процесс: интеграция России в европейское и мировое образовательное пространство. М., 2009.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

13 февраля 2014 г. по инициативе Московского экономического форума состоялось заседание секции евразийской кооперации на тему «Год до создания Евразийского экономического союза: что нужно сделать?». В заседании приняли участие видные ученые и эксперты, депутаты Федерального Собрания Российской Федерации, предприниматели, представители стран — участниц Таможенного союза, дипломаты. Участником дискуссии стал профессор Ю.М. Осипов. Ниже приводятся тезисы его выступления.

Ю.М. ОСИПОВ

По пути евразийской интеграции

Аннотация. Евразийская международная интеграция — сложный, противоречивый процесс, имеющий глубокое историческое и геостратегическое обоснование. Экономика важна, а еще более важно концептуальное оснащение интеграционного процесса.

Ключевые слова: Евразия, Россия, Украина, международная интеграция, экономика, политика, история, геостратегия, философия хозяйства.

Abstract. Eurasian international integration — a complex and contradictory process that has deep historical and Geostrategic rationale. Economics is important, but even more important conceptual equipment integration process.

Keywords: Eurasia, Russia, Ukraine, international integration, economics, politics, history, geo-strategy, philosophy of economy.

Глобализация и одновременная ей международная регионализация, несущие как глобалический, так и антиглобалический моменты, настойчиво требуют евразийской международной интеграции, осуществляемой вокруг России (не Китая, а именно России, т. е. в северной стороне Евразии), а сама эта евразийская интеграция настойчиво выталкивает Россию на роль основания, центра и лидера данной интеграции. Дело тут в исторической, причем более метафизической, чем феноменальной, объективной потребности. Евразийская интеграция с Россией во главе не столько субъектна-субъективна, хотя это и имеет место, сколько, подчеркнем особо, объективна.

И само выдвижение России на передние позиции тоже объективно, точнее сказать, это не столько желание России, сколько ее миссия. Тут сказываются разные обстоятельства, в том числе и такие, как большие

размеры страны, ее воистину евразийское пространство, традиции, империльный опыт, богатые ресурсы, состоявшийся индустриализм, образованное высококвалифицированное население, международный язык (русский) и богатая интернациональная культура (классическая и современная), но главная роль принадлежит, конечно, сохранившемуся и развивающемуся оборонному комплексу, гарантирующему безопасность, государственную независимость, внешнеполитическую силу и возможность геополитического маневрирования, международный авторитет, а также поддерживающему высокотехнологический производственный очаг.

И хотя в «царстве российском» далеко не все благополучно в экономическом, научно-техническом, социальном и внутривластном аспектах, что не позволяет России предстать перед своими партнерами воистину процветающей и богатой страной, никакая другая из союзных евразийских стран не может исполнить лидирующей роли в новом международном интеграционном образовании.

Россия и все остальные объединяющиеся страны, их правящие круги и высшие элиты, должны сегодня ясно осознавать, что евразийская интеграция имеет, наряду с текущими и достаточно поверхностными экономическими мотивами, глубокое историческое геостратегическое обоснование, восходящее к потребности группового самосохранения, выживания и спасения, что делает интеграцию деянием насквозь политическим и диктует сегодня необходимость ее содержательного концептуального оснащения, в некоторой своей части и конспиративного.

Насколько важна сегодня и будет еще важнее в будущем евразийская интеграция, показывают кризисные события на Украине, активно стимулируемые и режиссируемые из-за рубежа. У нас, в Северной Евразии, еще только *пред*интеграция, а Запад уже предпринимает все возможные в нынешней глобальной войне усилия, чтобы не допустить интеграции, ее немедленно развалить. Да и сама по себе эта интеграция несет в себе достаточно проблем и противоречий, чтобы, едва начавшись, уже впасть, пусть только вроде бы из-за еще не вступившей в нее Украины, в проекционный кризис.

Евразийская интеграция — вынужденная и ускоренная — рождается в муках!

В нынешнем своем не лучшем виде Россия, несмотря на успешное проведение Сочинской олимпиады, вытянуть полностью и эффективно выпавшую на нее историческую интеграционную миссию не сможет. России нужно немедленно выходить из затянувшегося социально-хозяйственного *пореформенного* кризиса, взяв курс на *постреформенное перестроение*, для чего перейти к практике последовательного

государственно-корпоративного *неодирижизма*, сопряженного с практикой не отрицающего этого дирижизма *неолиберализма*.

Россия тянет за собой интеграцию, интеграция выталкивает вперед Россию! Россия — залог становления и развития евразийской интеграции, а евразийская интеграция — залог выживания, преобразования и развития России!

* * *

18 февраля 2014 г. состоялось очередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой экономической мысли» на тему «Философия хозяйства и историософия (философско-хозяйственный подход к историософии)», на котором выступили доктор наук Ю.М. Осипов, Е.А. Карцев, И.В. Пшеницын, К.А. Хубиев, Н.Б. Шулевский, Т.Н. Юдина, кандидаты наук Е.В. Косов, И.П. Смирнов, политолог М.Л. Хазин.

* * *

В декабре 2013 г. за плодотворное сотрудничество в рамках совместных научно-исследовательских проектов, осуществляемых для успешного развития межвузовского партнерства **медалью Варшавского университета** награждены **Юрий Михайлович Осипов** и **Елена Серафимовна Зотова**.

* * *

В январе 2014 г. на основании решения президиума Российской академии естественных наук **Осипов Юрий Михайлович** награжден Почетной серебряной медалью Академии «За заслуги в деле возрождения науки и экономики России».

* * *

В феврале 2014 г. за крупные успехи в научно-исследовательской работе и инновационной деятельности **Осипов Юрий Михайлович** награжден почетной грамотой Национальной академии наук Республики Казахстан.

Анонсы

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли»

на тему:

Советское хозяйство как феномен эпохи Модерна

Советский период в истории России имеет как уникальное, так и великое значение. От драмы русской революции до трагедии советского (антисоветского) краха через перевороты, преобразования, репрессии, достижения, завоевания, победы, подъемы, застои, кризисы, маразмы, измены. Невероятный взлёт и немыслимое падение. Непреходящая роль большевизма, И.В. Сталина и сталинизма. Некапиталистическая система. Тотальный этатизм. Подконтрольное экономическое начало. Прямой натурализм. Эксплуатация и производительно-творческий эффект. Советская цивилизация. Вершина и начало стагнации. Самоистребление и невозможность продуктивной самотрансформации. Остекленение. Завороженность. Непреклонное стремление к гибели. Внутренняя измена и внешнее разрушительное давление. Исчерпаемость и внезапный конец. Громадный и поучительный исторический урок. Что же это на самом деле было?

18 марта 2014 г., вторник

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

Ломоносовские чтения — 2014

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Инновационное развитие экономики России: междисциплинарное взаимодействие

16—18 апреля 2014 г.

Секция лаборатории философии хозяйства

Инновационный дирижизм в современной хозяйственной практике

Научно-технический прогресс и инновационное развитие — процессы насколько самопроисходящие, настолько и централизованно

осознаваемые и в решающей мере субъективно из центров управляемые. Роль государств не переоценить!

Россия — страна государственническая. Отсюда особое значение государственного дирижизма в инновационной сфере, органично и эффективно сочетающегося с инициативами снизу. Дирижизм — не тотальное и директивное управление из центра, а настойчивая эффективная поддержка инновационных начинаний и побуждение к достижению чётко осознанных целей. Сегодня это неодирижизм, учитывающий неоиндустриальный характер хозяйства, его высокую технологичность, финансовый характер экономики, мирообусловленность научно-технического прогресса и инновационного развития.

Конструктивный государственный инновационный неодирижизм — ясный ответ на потребность времени и на острый вызов исторического момента.

17 апреля 2014 г.

Круглый стол

Современная наука: от разногласия к симфонии

18 апреля 2014 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

**ИРПЕНЬСКИЕ ЧТЕНИЯ—2014
СИМПОЗИУМ**

Человек XXI века: это что?

Человек меняется: физически, ментально, культурно, поведенчески, экзистенциально. Рубеж XX и XXI вв. — время глобальных, глубоких и резких перемен. Нынешний человек — уже не человек конца XX в., это во многом уже другой человек. В чем же другой, а в чем же, пожалуй... и уже не совсем человек? Мотивы, факторы и механизмы перемен. Телеологический момент и эсхатологическая составляющая. Измененческий мейнстрим. Новизна и традиция. Вехи невозврата и перейденные границы. Возможное грядущее. Как быть восточным европейцам, которые не в Западе и не в Востоке? Человек ближайшего настоящего и отдаленного будущего.

Июнь 2014 г.

Ирпень, Украина

(по специальным приглашениям)

* * *

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

Философско-хозяйственная трактовка экономики

Философия хозяйства склонна не отождествлять «хозяйство» и «экономику», видя в последней лишь особенное по мотивам и организации хозяйство. Отсюда хозяйство не всегда экономика, хотя экономика, разумеется, всегда хозяйство.

Философия хозяйства дает свою интерпретацию экономики, видя в ней лишь один, пусть и универсальный, способ хозяйства, основанный на приоритетном использовании фундаментального метафизического феномена — феномена стоимости. Экономика — стоимостное хозяйство. Где стоимость, там и экономика, где экономика, там и стоимость. Стоимость — самое экономическое в экономике, это ядро экономики, ее «грааль». Экономика — это стоимость, ее движение, ее реализация, а стоимость в движении и реализации — экономика. В итоге иное понимание сути экономики, ее функциональной и исторической роли, места и значения в хозяйстве и в бытии человека.

17 июня 2014 г., вторник

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ—2014

Кризис мира и мир кризиса (эсхатологическая драма современности)

Современный мир в кризисе, безусловно, в переходном, но в то же время и в апокалиптическом. Мир на краю, в борьбе миров, в сложной схватке Постмодерна (торжествующей ультрасовременности), Модерна (продолжающейся модернизации) и Премодерна (оставшей традиции). Постмодерн — не только не преодоление кризиса мира, но, наоборот, его генератор. Выход мира к Постмодерну — не выход мира из кризиса. Потребность преодоления Постмодерна через обращение к традиции, но не через нисхождение в Премодерн. Человечество не перед выбором, а внутри судьбы, уготованной ему исторической трансценденцией. Уж не сбываются ли библейские пророчества?

Сентябрь 2014 г.

**Пос. Новомихайловский, Краснодарский край
(по специальным приглашениям)**

* * *

VIII ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ

**Лекция-дискуссия профессоров
Ю.М. Осипова, Л.А. Тутова и Н.Б. Шулевского**
на тему:

Философия хозяйства в фундаментальной подготовке экономистов

Философия хозяйства сложилась в целостное знание, оставаясь открытой для новых суждений, смыслового и категориального обогащения, дальнейшего развития. Имеет место практика преподавания философии хозяйства в высшей школе, в МГУ. Ознакомление учащихся с основами философии хозяйства способствует расширению их профессионального кругозора, стимулирует творческие потенции. Пришло время более основательного внедрения философии хозяйства в образовательный процесс.

Октябрь 2014 г.

МГУ экономический факультет

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»
на тему:

Постмодерн: инфернализация гуманизма, или От культуры к антикультуре

Эпоха Премодерна — эпоха сакрализованной культуры. Эпоха Модерна — эпоха гуманизированной культуры. Постмодерн — эпоха инфернализированной антикультуры. От метафизики божественной (Премодерн, истоки) через метафизику человеческую (Модерн, классика) к метафизике античеловеческой (авангард). Сын Божий — сын природный — сын преисподний. Очеловечивание — человечение — расчеловечивание. Постмодерн как апокалиптический кризис человека, социума, культуры. Что дальше?

18 ноября 2014 г., вторник

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**Российский антикризис: потребности, препятствия,
исходы (социум, государство, экономика, культура)**

Россия переживает затяжной системно-цивилизационный кризис, активно и глубоко обусловленный предпринятой с рубежа 1980—1990-х гг. тотальной и крайне рискованной трансформацией всего странового бытия, включая роспуск СССР и всестороннюю капитализацию Российской Федерации. Ныне Россия — совсем другая, чем была еще в 1980-е гг., страна — не вполне европейская, но зато вполне капиталистическая, хотя и с заметной феодально-самодержавной и монополично-коррупционной спецификой. Страна со сложившимся в общих чертах строем, прошедшая в 2000-е гг. этап стабилизации, но не преодолевшая системно-цивилизационного кризиса, не вышедшая на бесспорный подъем и не вступившая на путь несомненного — самостоятельного — развития. Антикризис, который всюду просится в российскую актуальность, этой актуальностью вовсе не овладел. Он более в потенции и проекте, чем в реальности и деле. И однако будущее требует преодоления кризиса, что то же самое — торжества антикризиса. Здесь и вся историческая проблема: страна нуждается в антикризисе, а сложившийся строй, сам по себе качественно кризисный, антикризис отвергает. Отсюда потребность в целостном перестроении, на которое правящий класс не решается. А жизнь требует решительных от него действий. Это ли не коллизия, тянущая к революционной ситуации! Однако шансы у государственной власти есть: преодолевать кризис, преобразовать страну — преодолеть кризис. Трудно, затратно, невозможно, а надо! Есть, что обсудить в ходе научно-общественной дискуссии, предпринимаемой на пользу России и ее народа.

Секции:

- А. Производительно-творческий антикризис, подъем и развитие России.*
- В. Государственный антикризис и национальное возрождение.*
- С. Культурный антикризис ради человека и общества.*

**3—5 декабря 2014 г., среда, четверг, пятница
МГУ, экономический факультет**

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 20 ноября 2014 г.

Тексты статей до 0,33 печатного листа принимаются в электронном и печатном виде (lab.phil.ec@mail.ru) до 15 января 2015 г. (требования к оформлению статей смотрите на сайте: МГУ, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/cd/110/>).

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>, <eszotova@mail.ru> до 13 ноября 2014 г.

Контактный телефон: +7(495)939-4183

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

ГРИНБЕРГ РУСЛАН СЕМЕНОВИЧ,

член-корреспондент РАН, действительный член АФХ, д.э.н., профессор, директор, Институт экономики РАН (*grinberg@inecon.ru*).

АЛИЕВ УРАК ЖОЛМУРЗАЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, вице-президент, образовательная корпорация «Туран» (г. Астана, Казахстан) (*aliyevu@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии и методологии экономики, экономический факультет МГУ; заместитель директора, Центр общественных наук МГУ (*shylevsk@mail.ru*).

БРЕДИХИН АНТОН ВИКТОРОВИЧ,

аспирант, кафедра стран постсоветского зарубежья, Российский государственный гуманитарный университет (*dyachkino@yandex.ru*).

БУГАЯН ИЛЬЯ РУБЕНОВИЧ,

академик-секретарь АФХ, д.э.н., профессор, Южно-Российский институт — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Ростов-на-Дону) (*irb@rcit.ru*).

ГРИЦЕНКО АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, член-корреспондент НАН Украины, д.э.н., профессор, заместитель директора, Институт экономики и прогнозирования НАН Украины (г. Киев) (*agrytsenko@ief.org.ua*).

ПАСТУКЬЯН ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА,

к.филол.н., доцент, кафедра иностранных языков и речевых коммуникаций, Южно-Российский институт — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Ростов-на-Дону) (*ktpt@mail.ru*).

ЗАДОРЖНЫЙ ГРИГОРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, Международной кадровой академии, д.э.н., профессор, заместитель декана, экономический факультет, Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина (Украина) (*socialtec@rambler.ru*).

КОЛИНЬКО ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВНА,

к.э.н., доцент, кафедра экономической теории и экономических методов управления, Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина (Украина) (*socialtec@rambler.ru*).

ЭЛОЯН МАРИНА РИНАЛЬДОВНА,

действительный член АФХ, д.ф.н., доцент, профессор, Азовский технологический институт Донского государственного технического университета (*marina.eloyan@mail.ru*).

КОРНЯКОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории, Ярославский государственный технический университет (*vi-korn1@rambler.ru*).

АЛЕКСЕЕВА НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА,

ассистент, Ярославский государственный технический университет (*ashatan1985@mail.ru*).

БЭТТЛЕР АЛЕКС (АРИН ОЛЕГ АЛЕКСЕЕВИЧ),

д.и.н., профессор, независимый эксперт (г. Нью-Йорк, США) (*olegarin@mac.com*).

АНТОНОВ АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

к.ф.н., доцент, кафедра философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (*akvizit@yandex.ru*).

РУБЕ ВЕРА АНДРЕЕВНА,

д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ (*vera.roube@mtu-net.ru*).

КОЗОРИЗ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ,

аспирант, Академия финансового управления при Министерстве финансов Украины (г. Киев) (*keyaltos@bk.ru*).

МАНАХОВА ИРИНА ВИКТОРОВНА,

докторант, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ (*manakhovaiv@mail.ru*).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, действительный член АГН, д.ф.н., профессор, кафедра философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

СТАВИЦКИЙ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

к.ф.н., доцент, кафедра истории и международных отношений, Севастопольский филиал МГУ (Украина) (*stavis@rambler.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философской антропологии и проблем комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

СИНЯКОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии, Национальный транспортный университет (г. Киев, Украина) (*olga_zemtsova@ukr.net*).

НАУМОВА ГАЛИНА РОМАНОВНА,

действительный член АФХ, д.и.н., профессор, исторический факультет МГУ (*al.nikonof@yandex.ru*).

ЮРЬЕВ ВЛАДИСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ,

д.э.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, ректор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (*rector@tsu.tmb.ru*).

БАБАЯН ВИЛЕН ГУРГЕНОВИЧ,

к.хим.н., старший научный сотрудник, Институт фундаментальных исследований, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (*kaf-mei@yandex.ru*).

ВОРОБЬЕВА ЛЮБОВЬ СЕРГЕЕВНА,

действительный член АФХ, д.ф.н., доцент, заведующая кафедрой философии и политологии, Национальный университет государственной службы Украины (г. Ирпень) (*lubava@mail.ru*).

МАЛАХОВА НАТАЛИЯ НИКОЛАЕВНА,

к.ф.н., доцент, кафедра социальных технологий, Ростовский государственный университет путей сообщения (г. Ростов-на-Дону) (*vmalakh@yandex.ru*).

АЙТОВА ГУЛЬНАРА ШАЙДУЛЛОВНА,

к.филос.н., старший преподаватель, кафедра новой истории и международных отношений, Тюменский государственный университет (*tarkviniya@mail.ru*).

КУТЫРЁВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ,
действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, Нижегородский
государственный университет имени Н.И. Лобачевского
(*kut.va@mail.ru*).

НИЛОГОВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,
действительный член АФХ, к.ф.н., доцент, кафедра гуманитарных
дисциплин, Хакасский технический институт — филиал Сибирского
федерального университета (г. Абакан) (*NILOGOV1981@yandex.ru*).

РОМАНОВ ЕВГЕНИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ,
д.пед.н., профессор, декан, факультет экономики и управления, за-
ведующий кафедрой менеджмента и маркетинга, Магнитогорский гос-
ударственный университет (*evgenij.romanov.1966@mail.ru*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2014 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).
2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.
3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:
 - заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
 - подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
 - авторами которых являются члены РИСО.
4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.
5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.
6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.
7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.
8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.

